

16 р. 20 к.

056
К190672

АНАТОЛИЙ
ОЛЬХОН

БАЙКАЛ

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

БАЙКАЛ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

1926—1946

ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1946

1926—1945

СИБИРЬ—СОВЕТСКАЯ ЗЕМЛЯ

...Славное море Советский Байкал!
Траллер—отменно хорошее судно.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
На море нынче не трудно.

Новая песня

МОИ БАЙКАЛЬСКИЕ ЗНАКОМЦЫ

ПОСЛАНИЕ С БАЙКАЛА

Мы вместе ходили в море,
Разматывали неводá.
Для нас в ледяном заторе
Тюленьи паслись стада.

Мороз и студёный ветер,—
К ним сердце своё приучу.
Все бури, что есть на свете,
Мы встретим плечом к плечу.

В погоду и в непогоду
Добыча от нас не уйдёт.
Для нас сквозь свирепую воду
Густел омулёвый ход.

Для нас серебрились белки,
Гусыни кричали с гнёзд;
На отмелях, в бухтах мелких
Купались узоры звёзд.

Мы вместе на чёрных скалах
Ловили живьём соболей;
Под парусом вдоль Байкала
Прошли, не боясь камней.

О, молодость песен весною!
Мечта и любовь моя!
Удача идёт со мною,
Со мною идут друзья.

И там, где бывает туго,
Они помогают мне.
Мы держимся друг за другом,
И нет нас нигде сильней.

По крови семья не родная,
Но родственней в мире нет.
В знакомцах себя узнавая,
Не вижу чужих примет.

Над синей байкальской чашей,
Прочнее гранитных скал,
Основою жизни нашей
Колхоз промысловый встал.

И нынче в любимой теме
Ударит напев волной.
Я вас познакомлю с теми,
Кто рядом идёт со мной.

За молодость нашу, за славу,
За наш и отцовский труд—
Былинный Байкал по праву
Советским теперь зовут.

НАСТЕНЬКА-РЫБАЧКА

Хороши рыбачки на Байкале, хороши...
Молодые девушки, как сосенки,
Все такие скромные, степенные,
Ниже пояса висят тугие косынки,
На лицо—русалки белопенные.
Хороши рыбачки на Байкале, хороши.

Поглядишь, пожалуй, заглядишься ты.
И глаза у них у всех русалочки:
Голубые звёзды да зелёные;
Брови ровные, как крылья галочки,
Губы алым солнцем опалённые.
Поглядишь, пожалуй, заглядишься ты...

Много сказок сложено про девушек
Говорят, была богиня древняя,
Афродита,—в пене волн рождённая.
Может быть... Но вот былина верная:
И у нас есть на-море найдённая...
Много сказок сложено про девушек.

Наш рассказ не сказка и не вымысел.
Вот, идёт в прибое наша Настенька, —

Уродилась девушка бездомная,
Раньше ей бы горе-жизнь злосчастная.
А у нас она, как дочь приёмная.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.

Это было в годы партизанские.
На Байкале выловили лодочку
И нашли в ней лапотки крестьянские
Да девчонку чью-то, одногодочку.

Кто она без роду и без племени?
Так судьба ей, видно, насудачила.
Окрестили Настей в скором времени.
Подросла и с нами зарыбачила.

Всем селом сиротку мы лелеяли...
Одевали—с миру по холстиночке.
Злую долю по ветру рассеяли,
Улыбнулось солнце сиротиночке.

И она росла, как зорька ясная,
Весела, пригожа и улыбчива.
Знать, была забота не напрасная,
Человечьей бедности отзывчива.

Нынче Настя—знатная колхозница.
В неводьбе за нею не угонишься.
Замуж время, девка только скромница.
Да такой ведь просто не поклонисься.

Погляди, в прибой идёт за неводом,
Волны бьют и дождик сеет частьенько,
А она... Ну, что ей волны—невидаль!..
Погляди, красива наша Настенька?

Разве хуже той богини греческой,
Афродита-девушка ловецкая?
Сам Байкал волной своей отеческой
Колыбель её баюкал детскую.

Погляди... Глаза блестят зелёные,
Под платком тугие косы спрятаны,
Щеки алы, ветром накалённые.
Рукава до плечиков закатаны.

Погляди, какие руки белые!
На ладонях тут мозоли честные.
Трудовые девушки, умелые,
По всему Байкалу всем известные.

Поклонись! Да долго не заглядывай.
Не влюбись! Любовь ведь трудно вывести...
Так и быть, скажу тебе, угадывай:
Женишок находится поблизости...

Бригадира видывал на катере?
Двоедан! Жениться собирается.
Гармонистов будет, слышишь, пятеро.
Нынче ловля свадьбой закрывается.

Пара будет—лучше и не встретится.
Поликарп и Настя, это—да!
Вот она идёт, как зорька светится...
Не гляди-ка, друг ты мой, туда.

ОМУЛЕВЫЙ ЛОВ

Жёлтый полог небёс,
Будто шёлк на заре.
Дым туманный исчез
И вода в серебре.
В серебре от зари,
От светлеющих гор...

На станёвье горит,
Затухает костёр.
Мы идём налегке,
Лодки словно летят.
В сетевом поплавке
Брызги света блестят.
Брызги света кругом,
Весла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули—
Круговой поворот:
Это сеть повели

Из сверкающих вод.
Из сверкающих вод
Омулёвый нагул,
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах.
Тяжелей бичева.
Первый омуль в руках.
Сеть не рвётся едва.
Сеть добычей полна,
Рыбьи стаи густы...

Голубая волна
За кормой шелестит:
— Славься, мыс Онгурён,
Вы, круты берега!
— Омуль ровный ядрён.
— Чешуя—жемчугá;
— Чешуя—жемчугá,
— Омуль вешних путин.
— Водяные луга,
— Жатва синих глубин.

На восходе у скал
Якоря загремят:
— Славься, море Байкал,
— Урожай твой богат!

ОХОТНИК

Рысым мехом подбиты лыжи,
Тускло блещет ружейный ствол.
По тайге, за собакой рыжей,
Вёрст с полтысячи он прошёл.

Снегопады, туман, метели,
Дымный пóлог ночных огней,
Крепкий сон в снеговой постели—
Лихорадка счастливых дней.

Молодая звезда отважных
Поднималась в разломы гор;
Лыжный шаг в кедрачах коряжных
Прострочил голубой узор.

Хищнозубый проворный соболь
Трое суток следы мотал,
Чёрный мех его пулей добыл
И на выдровый след попал.

Не ушла от него добыча,
Не напрасно заряд губил:
Поднимая приклад привычно,
В глаз, без промаха, белку бил.

В зимовьё на распялках шкуры,
Пёстроцветный пушной подбор:
У лисицы—подшёрсток бурый,
Белка вышла—на первый сорт.

Горностаи светлы и нежны,
Россомахи—в три искры бок,
А у выдры—нагул подснежный
Сединой по хребту натёк.

Год хороший для всех хороших
Мастеров огневой игры.
На тропах глубоки пороши,
Сладок дым смолевой коры.

Рысьим мехом подбиты лыжи.
Тёмной сталью сверкает ствол.
По тайге, за собакой рыжей,
Вёрст с полтысячи он прошёл.

ПОЛИКАРП ДВОЕДАН, СЕТОВЩИК БРИГАДИР

Поликарп Двоедан—
Сетовщик бригадир,
Он наследник лихих поморян...
По утрам, раздвигая байкальский туман,
Поглядеть, как на ловлю спешит Двоедан,
Молодая выходит заря.

Двоедан поднимается раньше зари.
На ущербные звёзды взглянув,
Он плывёт в челноке, по рассветной волне
Омулёвую стаю искать в глубине,
Парусок над кормой развернув.

Свежий ветер попутчиком будет ему.
Двоедан объезжает залив.
По движенью, по блеску гремячей воды
Косяков омулёвых он чует следы,
Он на промысле нашем счастлив.

От отцов и от дедов ловецкий талан.
Ну, а нынче смекалка своя.
На учёте он держит приметы ветров,
Знает рыбы повадки и путь косяков,
И покажет их вам, не тая.

Бригадира мы любим и верим ему,
Пусть он многих моложе из нас;
Но когда мы закинем сетей своих стан,
Там, где нам указал бригадир Двоедан,
Знаем: будет добыча сейчас.

Много новых людей на советской земле,—
Полицарп Двоедан из таких.
Он прославил рыбацье своё ремесло,
Парус, лодку, и сеть, и крутое весло.
Я ему посвящаю свой стих.

Вот каков он у нас, сетовщик бригадир,
Гордость наших байкальских путин,
Весельчак и затейник и первый танцор.
Не о нём ли девицы ведут разговор,
Возвращаясь домой с вечерин?

Говорят, нынче женится наш Двоедан,
На мысу ставит новенький дом.
Будем свадьбу крутить и вино будем пить,
Молодым пожелаем столетье прожить...
Счастье добыто нашим трудом.

Сеть у нас не бывала пустой никогда,
Ураган парусов не сбивал.
Сетеставы ведём на воде и на льду
И рыбацкую песню поём на ходу:
— Наше море, советский Байкал!

ЗАГОН ЛОСЯ

Хрустким шорохом по насту
Надвигается ненастье,
В луговинах пылью стелется
Снежной россыпью метелица.

Закрутила,
Разметалась,—
Догоняй, поди...
Сосны тянут лапы хвойные:
— Не тронь, уйди!
Кедры тёмные, косматые
Гудят вдогон,
Сучья гнутся узловатые
Со всех сторон.

Разошлись лесные тропы
Вкривь и вкось.
Поступь тяжкую торопит
Старый лось...

Ледяная настовина
Режет ноги исполина,
Индевелые колышутся рога,
На загровке шерсть колюча и туга.

На ходу трясёт губою,
Бьёт лобастой головою
Сучья мёрзлые, сухие,
Топчет кочки снеговые,

В перелесицах крутых
Напролом крушит кусты.
Мчится тёмный,
Мчится дикий
Всё быстрее, быстрее, быстрее.
Пар струится из ноздрей...

А по следу кровяному,
По густому бурелому,
Вьюге северной навстречу,
Полушубок сбросив в снег,
Зарядив бердан картечью,
Краснолицый,
Молодой,

На летучих, скользких лыжах,
Сквозь метель всё ближе, ближе—
Гонит лося зверобой.

Гонит зверя Костя Буткин,
Баргузинский следопыт.
На гоньбе вторые сутки,
Дом и отдых позабыт.
Ветром,
Снегом,
Вьюгой сыт;
Сам как вьюга—
Костя Буткин,
Кличет шутки-прибаутки,
На бегу себя бодрит...

В сатинетовой рубаше,
Пёстрый ворот распахнув,
Голой грудью гонит стужу,
Меж лесин проворно кружит,
С перевалов вихрем мчит:
Гонит,
Ухает,
Кричит...

Зверобой не знает страха.
Ветром сшиблена папаха,
И кудрявый сноп волос
Сединой покрыл мороз.

Тучи тянутся к закату,
Лютый ветер бьёт тайгу,
Лыжи лёгкие с раскату
По болотине бегут.

След кровавый прибывает:
Лёд копыта разбивает;
Лось, башкой мотая вяло,
Продирается устало—
Сквозь осинник,
Сквозь ольшанник,
Сквозь кедровый
Колкий сланик,—
И, взметнув горбатый лоб,
Вязнет тушею в сугроб.

Надорвавшись, хрипло дышит,
Снег крупчатый жадно лижет.
Таёт льдистая кора.
Глаз кровавый. Шерсть мокра.

Ловит ухо... Ближе, ближе...
Подвигается на лыжах,
В сатинетовой рубаше,
С голой грудью, весь в поту,
Краснолицый, без папахи;
Вскинул дуло на лету,
Победитель молодой—
Баргузинский зверобой...

Приподнялся лось упрямо,
Поднял белые рога.
Но хлестнуло—с громом—пламя
И обрушилось в снега.
И, ломая наст калёный,
Рёв раздался запалённый...
Зверь подпрыгнул и упал.

1936. Витимская тайга

МОЯ ПРАБАБУШКА УСТИНЬЯ ИЛЬНИШНА

Знакомы вы с моей прабабкой?
Не знакомы?
И на Байкале не бывали? В первый раз?!
Так будьте гостем.
Милости прошу в хоромы,
С прабабушкой вы познакомитесь сейчас.

Я думаю, что вы полюбите мою старушку.
Устинья Ильнишна—
На Байкале знатный человек...

Прапрадед здесь построил первую избушку,
А нынче, видите, село.
Прабабушка второй считает век.
Ей сто четвёртый год.
Тут люди кондовые.
По паспорту ей сто четыре,

А она—
Твердит праправнукам,
Что годы молодые,
Что все моложе стали в наши времена.

Беззубая, вы говорите?
Ну, так что же!
Да вот у вас—
Зубные пломбы в тридцать лет...
Мне иногда прабабка кажется моложе
Душою
Многих молодых...

Фантазия,—вы скажете,—поэт.
Я так и знал. Но ведь душа, приятель,
Отнюдь не фантастична. Ведь её,
Как твёрдо заучил любой писатель,
Определяет делом—бытиё.
А бытиё Устиньи Ильинишны—это повесть
Простая и прекрасная, мой друг.
Сто лет у ней чиста младенческая совесть,
Её не тронул гложуший недуг
Тоски или сомненья.
Нет, она жила недаром...

Безродная батрачка, сирота,
Она росла в соломе под амбаром.
Её кормила голь и нищета
Суровым подаяньем—
Чёрным хлебом.
(Байкальская вода была ей молоком).

Когда весна её пришла под звёздным небом,
Сошлась моя прабабка с рыбаком.
То был прапрадед,
Поселенец ссыльный.
По слухам из помещичьих крестьян.

Он полюбил Байкал просторный и обильный,
И здесь, на пустыре, поставил первый стан:
Бревенчатую, мирную хибарку.
Здесь поселился он.
И выросла семья.
На каждый год жена носила по подарку
Прапрадеду:
То дочь, то сына...
Вот вам родословная моя.

Сейчас в колхозе есть у нас бригада—
Засольщицы, старухи.
Ну так, вот:
Шесть бабушек работающих рядом,
Мои родные;
Наш—известный род.

По всей округе ходит наше племя,
В колхозных станах ловит омулей.
И говорит прабабка: «Нынче—время,
Ещё бы народила сыновей,—
Для всех теперь, глядишь, нашлось бы место
И счастье бы для каждого нашлось...»

Скромна моя прабабка.
А известно:
Как трудно ей молоденькой жилось

Уловами чужими богатели
Лишь прасолы да скупщики.
Рыбак—
До гробовой доски от колыбели—
Поденщиком ходил за четвертак.
Устинья Ильинишна на засолке
Работала с зари и до зари.
(Наверно плакала, от мужа втихомолку,
Мозольные срезая пузыри).

Взгляните-ка, у ней спина какая:
Полвека видно согнутой была.
И, лишь, душа осталась молодая.
Об этом говорят её дела.

Двадцатый год мы помним!
Бедовала
Тогда Сибирь.
Прабабушка моя
С отрядом партизан
Прошла кругом Байкала.
И вместе с нею вся её семья.

Все партизанили: отцы, дядья и деды,
Все под огнём мужали и росли:
И наши матери—знамёнами победы—
Грудных ребят в боях с собой несли.

И правнуков своих в боях носила
Устинья Ильинишна.

Народ

Глядел и порешил: ребята—это сила,

Тут даже трус из боя не уйдёт.

И, правда, мы не знали пораженья,

Хотя и отступали иногда.

(Как зарево—таёжные сраженья

И моего мальчишества года).

На Каменном мысу похоронила

Устинья Ильинишна мужа.

Прадед спит.

И нынче партизанская могила

Байкальское раздолье сторожит.

...А вот, мой друг, прабабушка. Знакомься!

Беззубая, седая, но у ней

Есть правнуки, и внуки, и питомцы—

Опора возмужавших сыновей.

Седые волосы—почётная примета,

А эта поросль—слава и любовь.

Прабабушка теперь счастлива и согрета,

Её кругом родная греет кровь.

...Устинья Ильинишна не болтлива,

И сказочницей вовсе не слывет.

Но если вы не так уже спесивы,

То ласковое слово вам найдёт.

Сумеет угостить вас омулями,

Отменной малосольною икрой,

Домашними ржаными пирогами

И даст стакан настойки золотой.

«Черёмуховый цвет» зовётся та настойка:

Целебна, говорят,

В болезнях сердца и ума.

Прабабушка большая хлебосолка

И с гостем выпьет рюмочку сама.

Степенно, по старушечьим законам,

Она оглянет вас, оценит на-глазок.

— Гостите дольше, скажет вам с поклоном,

Потом скромненько сядет в уголок.

Прабабушка Устинья глуховата,
Но взгляд имеет зоркий и прямой.
Она житейской мудростью богата
И сразу вас поймёт, приятель мой.
Что на душе у вас сегодня—
Сердцем видит.
Что на-сердце у вас—
Душой своей поймёт.
И никого напрасно не обидит,
И похвалы пустой не раздаёт.

Прабабушка ещё не «иждивенка»,
Хотя почётный отдых ей готов.
Байкальская рыбачка-уроженка,
Она ведёт починку неводов,
Толкует нам, что скучно без работы,
И рада, что заделье—по рукам.

С починкой у неё свои заботы
И всё-таки поближе к рыбакам.
Да! Шутка ли сказать,
Своё оставить дело,
Когда сроднишься с ним...
Прабабушка права.
Работает не быстро, но умело.
Покорна ей тугая бичева...

И нам с тобою надо поклониться
Пониже, попочтительнее
Ей,
Которою Байкал родной гордится
Как лучшею из наших матерей.

1941. Крестовая бухта

ИСКАТЕЛИ МЕТАЛЛОВ

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.
Ночь глухая, сухая,
Свет зарниц полыхает.
У костра-дымокура
Экспедиция спит.

Проводник под сосною
Спит и бредит весною.
Два геолога рядом
На кошме улеглись.
А начальник усталый
Лёг в траву под кустами
И не видит, как звёзды
Над тайгою зажглись.

Россыпь звёзд—астрономам,
Небеса им знакомы...
На земле для геологов
Есть работа своя:
Рёбра гор обнажили
Самородные жилы;
Кровь металлов цветную
Перевалы таят...

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
А на шкуре добыча:
Голубая руда,
Отраженьем рассветов—
Пестрота самоцветов,
Блеском северной ночи—
Серебрится слюда.

Каждый взлобок нагорья,
Каждый куст лукоморья
Перерыл, перещупан
Терпеливой рукой.
Молотки притупились,
Сапоги износились:
Путь отмечен на карте
Непрерывной чертой...

От зарницы к зарнице
Путь на север стремился,
Рудозматцы советские
Шли тайгой напролом;
От шумливых соседей
Убежали медведи,
И глухарки с гнездовий
Забрались в бурелом...

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.
Только надо признаться,
Крепко спят рудознатцы—
Им сейчас не до чая,
Сон над ними летит.

Звёзды в небе яснеют,
Сосны к утру синеют.
В перелеске воркует
Игрун-свиристель.
Сладко спят молодые,
Видят сны трудовые...
Пусть периной им будет
Травяная постель!

ИСТОК АНГАРЫ

Взгляни, скорей взгляни сюда!
Стремительно скользит вода—
Зелёно-синяя руда;
Огромный, рвущийся поток,
Тугой, прозрачный завиток
Слюдой кипучей засверкал...
Здесь обрывается Байкал.

Упруго вздрогнув в шиверах,
Качая сосны на горах,
Вздувает волны Ангара;
Земля дрожит, вода звенит,
В песок стирается гранит...
Увидев синюю реку,
Конь застывает на скаку.

Его напрасно всадник гнал,
Потока он не обогнал,
Конь запыхался и устал.
Но не устанет никогда
Легкобегающая вода,
И никогда тяжёлый лёд
Её разбег не оборвёт.

Светла, могуча, широка,
Прекрасна ты, моя река,
Любовь и гордость рыбака...
Но я хочу, чтоб твой разбег
Взнуздал упрямый человек,
Чтоб над окраиной земли
Сиянье радуги зажгли.

Дорогу в будущее открой,
Вставай скорей, Ангарострой!

1941. Ст. Байкал

ВСТРЕЧИ С МУЗОЙ

РЕЧКА «ПОЛЕДУЙ»

Наши девушки гуляли,
Песней душу забавляли,
Говорили спящей речке: «Полелуй,
Полелуй скорее, речка,
День весенний недалечка,
Просыпайся, разливайся, Полелуй!..»

Речка в день весны вставала,
Разливалась, ледовала,
Торопилась погулять за берега.
Лёд зелёный, синий, белый,—
Словно мёд цветистый, спелый—
Растекался на елани и логá.

Этот лёд не скоро стает.
Но с ним рядом вырастает
Разузоренный, неведомый цветок.
Он бутоны распускает,
Тёплым кружевом сверкает
Синевато-серебристый лепесток.

В речку тот цветок глядится,
С нею именем роднится,
И зовут его девицы—«полелуй».
Полелуй—цветок привета,
Радость северного лета,
Подарили мне на речке Полелуй.

Если грусть туманом ляжет,
— Полелуй,—мне сердце скажет,—
Путь твой будет по-весеннему широк.
А когда растают льдины,
Сгинут горькие години,
Песня вырастет, как радостный цветок.

ВЕСНА В БУРУЛЬЗАЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний, радующий день.
Молодыми острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло тёплые лучи.
— Здравствуй, друг мой,—солнцу я отвечу,
И олень копытом застучит.

Положу седло по кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Перекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим...

Там живёт хорошая, такая—
Поневоле можно полюбить:
Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь,—долго не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.
Если ей со мною по дороге,
То с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горностаю,
Коготь рыси, лебеда крыло,
Чтобы, вместе с песней вырастая,
Наше счастье солнцем расцвело.

1936. Поселок Бурульзай
в Витимской тайге

МАЙ—МЕСЯЦ ЛЮБВИ

Бурый мех горностаю
Прячут в сугтежь ложбин,
Осетровые стаю
Поднялись из глубин.

На кедровнике почки
Налились теплотой.

Топчет ржавые кочки
Мой олень молодой.

Путь на север, в кочевья,
Вешний ветер промял:
Расступились деревья,
Снег в сугробах опал.

Лебединые крики
По утрам горячи,
Через хвойные пики
Солнце тянет лучи.

Солнце тянет высоко
Золотое перо.
Твой костёр недалёко,
Твой шатёр под горой.

Полюбить не прикажешь:
Или он, или я...
Что сегодня мне скажешь,
Северянка моя?

Витимская тайга

~~~~~

КРАСНАЯ СМОРОДИНА — ТУНДРОВЫЙ ВИНОГРАД

Июль! Но и не мыслится,
Что это—краски лета.
Одна лишь только кислица
Румянцем подогрета.

Всё остальное бледное,
Невидное и тёмное.
Не то чтоб вовсе бедное,
А просто—очень скромное.

Ползучие лишайники
Зыбучи под ногами.
Высокие кочкарники
Бодаются рогами.

У тундрового озера
Моя узорнолистая,

Поспела светлорозова
Смородина кустистая.

Всегда холодноватая,
Полярная услада,
Немного кисловатая,
А слаще винограда.

Не обижайся, милая,
Ты тоже, словно кислица¹,
Целуешься остылая,
Сердитая капризница.

Не первый год супружеству:
Остыть, конечно, надо.
А всё ж, скажу по дружеству,
Ты лучше винограда!

СЕНТЯБРЬ—МЕСЯЦ РАЗЛУКИ

Лиственница расцветила иглы
Жёлтобагряным цветом.
Счастья мы не достигли,
Милая, этим летом.

Ветер поёт в ущельях,
Снег осыпает горы.
Осень на новосельях
Вяжет свои узоры.

С инеем первым вместе
Смотришь ты по-чужому.
Слышу плохие вести:
Сердце отдашь другому.

Цепким стальным капканом
Ревность меня сдавила:
Было ли всё обманом,
Или ты разлюбила?

В юртах идёт укладка
В зимние кочеванья.

¹ Кислица—так на всем севере зовут красную смородину.

Как я скажу украдкой
Горькое «До свиданья?..»

Птица простилась с летом,
Белка ушла в низину.
Осень своей приметой
Тянется к Баргузину.

1931. Усть-Баргузин

НАЕЗДНИЦА НА БЕЛОМ ОЛЕНЕ

Далёка, далёка
Ты едешь с Востока,
Покинув меня навсегда.
На тихих протоках
Желтеет осока
И в тундре не видно следа.

Тяжёлые тени
Спускаются к Лене,
Последний гудит пароход.
А ты, как виденье
На белом олене,
Ушла—и ничто не вернёт.

Суровой рукою
Я сердце закрою
И всё-таки я не один.
Остался со мною,
В мешке за спиною—
Подарок твой—маленький сын.

ЗИМОВКА НА ОСТРОВЕ УЕДИНЕНИЯ

Ты теперь далеко.
И мне трудно поверить, что ты существуешь,
Что на свете есть город и в городе дом,
Где ты пишешь мне письма, что будто бы ждёшь и тоскуешь.
И тоскуешь всегда обо мне, об одном.

Здесь так тихо.
И ночью мне слышно, как падает иней,—

Он стучит за окошком сильнее градин.
Тишина, словно купол висит над угрюмой пустыней.
Я ночами не сплю. И со мною всегда карабин.

А чего здесь бояться?
Кругом тут ни зверя, ни птицы.
Третью зиму не вижу хотя бы песцовых следов.
Только в небе трепещут узорные сны-небылицы,
Не сгорая пылают осколки мерцающих льдов.

Тосковать здесь нельзя.
А скучать и совсем невозможно.
Лишь весной, когда ураганы сурово трубят,
Я никак не пойму, отчего иногда мне уж слишком тревожно?
Не с того ли, что я—постарев—забываю тебя.

Лучше ты и не жди.
Возвращаться мне было бы трудно.
Я люблю эту землю, окраину светлой страны.
Здесь полгода темно. Но желание моё безрассудно:
Приезжай! Может быть, мы остались друг другу верны?

1945. Якутия

КАЛИСФЕНА

Калисфена!
Греческое имя,
Как на север ты сюда попало?
Почему судьбой неотвратимой
Поперёк всей жизни мне упало?

Не гречанка, кровная якутка,
В этой бедной юрте старожила
Ты скромна, лесная незабудка,
А меня совсем заморозила.

С чем тебя сравню я, Калисфена?
Как слепой, глаза свои закрыл я.
(Чёрных кос мерцающая пена,
Тёплых рук распахнутые крылья).

Говорят, что больше нет шаманов.
Ну, а ты, полярная гречанка,

Дочь тайги и тундровых буранов,—
Ты моя прекрасная шаманка.

Я не знаю, как ты колдовала.
Только слышу: сердце бьётся чаще.
И душа опять затосковала
О любви хорошей, настоящей.

В этой бедной юрте старожила
Позабылась горькая измена.
Ты о счастье мне наворожила.
Может быть, не поздно, Калисфена?

АМУЛЕТ

Я стоял, подзывая оленя,
Нахлобучивал на лоб шапку,—
Подошла ко мне Калисфена.
Протянула... заячью лапку.

Это что ещё за чертовщина?
Рассердился я даже сначала.
— У тебя нынче лоб в морщинах,—
Калисфена мне отвечала,—

— На, возьми, и разгладь, мой милый...
Усмехнулась, поцеловала.
Непонятной какой-то силой
Эта заячья лапка стала.

В тёмной тундре я не тоскую,
Улыбаюсь ночному свету.
И любовь я знаю такую,
У которой ревности нету.

Свищут вьюги на океане,
Спит пустыня глуха и зябка.
Мне тепло. У меня в кармане
Амулет мой—заячья лапка.

Пусть мне скажут, что суеверен,—
Проведу по лицу украдкой.
Я причуде любимой верен,
Поцелуй её помню сладкий.

В жизни горечи очень много,
А солёного даже слишком.
Пусть меня не осудят строго,
Что опять становлюсь мальчишкой.

Все морщины мои пропали,
На затылок сдвинута шапка.
И во всём (вы поймёте едва ли)
Виновата заячья лапка.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Почему ты, милая, не веришь?

Растворились облачные двери,
Распахнулись звёздные палаты—
В них цветы прозрачные крылаты,
В них гуляют птицы-голубицы,
Польхают зори-багряницы;
На столбах червлённые узоры
Поднялись в лазоревые горы,—
Высоки широкие палаты,
Теремà небесные богаты...
Вот, закрылись облачные двери.

Почему ты, милая, не веришь?

Я люблю тебя и не скрываю:
Сотню лет тебя я поджидаю.
Ты моя заветная жар-птица,
Молодая радость-чаровница.
Я тебя искал по белу-свету,
Сомневался, думал даже: нету.
Никогда бы мне не догадаться,
Где с тобою можно увидаться,
Возле льдов ночного океана
Ты жила, девица Несмеяна.
Пусть же сердце сердцу отвечает,
Север нас сегодня повенчает.

Почему ты, милая, не веришь?

Вот открылись облачные двери,
Фонари сверкнули слюдяные,

Поднялись завесы расписные,
Зацвели жемчужные дубравы—
Серебристо-розовые травы;
Золотой ручей ударил в тучах,
Поднялся шатёр на синих кручах,—
Там с тобой мы будем только двое.
Погляди в сиянье огневое,
Торопись, сейчас сомкнутся двери.

Почему ты, милая, не веришь?

ВСТРЕЧА С МУЗОЙ

Деревянный городок,
Говорят, что ты далёк,
Что тебя однажды в год
Навещает пароход.
Кто бы что ни говорил,
Ты мне сердце покорил
И во сне и наяву
Каждый год к тебе плыву.

Только с гор спадут снега,
В зелень спрячется тайга,
Слышит рейсовый гудок
Деревянный городок.
Я на пристань не схожу,
С белой палубы гляжу.
Много встречных, тёплых глаз
Улыбалось мне не раз.

Лишь глаза любви моей
Были льдинок холодней:
По-мальчишески несмел,
Я напрасно в них смотрел.
Эта женщина одна
В целом свете мне видна,—
Некрасива, но горда
И совсем не молода.

На высоком берегу,
Словно лебедь на лугу,
В белом платье с кушачком,—

На меня глядит молчком.
Глаз не смея отвести,
Я на палубе грустил.
Протянуть бы руки ей,
Сказке северной моей...

Полчаса—короткий срок.
Распрощается гудок,
Сердце жалуется, ждёт.
Но уходит пароход...
Вот и пристань далека,
И пустынное река,
И закутался в дымок
Деревянный городок.

1945. Олекминск

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕРЕПУТЬЯ

ПЕРВЫЙ ЛУЧ

В полдень над мёртвыми кручами
Вспыхнуло что-то забытое,—
Будто волнами блескучими
Море плеснуло открытое.

Ну, не гляди ты так жалостно,
Может быть, лишь показалось мне.

Думал я, вот-вот затеплится,
(Так и мечтали мы давеча).
В сорок лет всё же не терпится,
Новой весны ожидаючи...

Не улыбайся насмешливо,
Может быть, мне померещило.

Брось ты! При чём астрономия!
Есть календарь недочитанный:
Выйдет заря-незнакомая,
Полдень зажжётся невиданный.

Что ж ты молчишь, сероглазая?
Пусть это только фантазия.

Серое, мутное марево
Вместе с сугробами съёжится,
Близко чудесное зарево:
Как же, мой друг, не тревожиться?

Ты объясни нетерпение
Солнечным сердцебиением.

Тундра полна ожидания,
Завтра мы будем счастливее,

Луч к нам придёт на свидание—
Стану и я терпеливее.

Выпей-ка чарочку пенного
В честь солнцевсхода весеннего.

1945. Якутия

БАЙКАЛЬСКОЕ СЕРДЦЕ

Марку Азадовскому

Говорят, Байкал—седой!
Ты не верь.
Он такой же молодой
И теперь.

Это ты, мой милый друг,
Стал седеть.
И тебе уж недосуг
Песни петь.

Острова лазурной мглы
Далеки.
Стали вёсла тяжелы
Для руки.

В бурю парус озорной
Не поднять.
Серых чаек над волной
Не догнать.

Постарели мы с тобой
Навсегда.
Но шумит, поёт прибой.
Бьёт вода.

Молодой трепещет шквал
В устьях рек.
Дышит вечностью Байкал
Сотый век.

Погляди же на него.
Будь таким.
Волей сердца своего
Молодым.

Нашим мужеством сильна
Жизнь зовёт.
Пусть же в душу седина
Не пройдёт.

1941. Ст. Байкал

КАРБАС НА ПЕРЕКАТЕ

Я зазевался на корме.
Передо мною, в полутьме,
Как бы поднявшись к облакам,
Клубилась дикая река:
В просторе мчащейся воды
Закат гасил свои следы.

И вдруг—удар! Гремучий треск!
Волны обрушившийся всплеск.
Скрежещет дно. Борта скрипят.
Свирип проклятый перекал.
Мой спутник сразу побледнел:
— Ты что же, друг, куда глядел?

— Куда глядел? Туда... вперёд!
Но спутник яростно берёт
Из рук моих тяжёлый руль:
— Ну, ты не вд-время заснул,
Кабы беды не вышло, брат.
Опасен этот перекал...

Опасен, да?.. Гремит волна,
Влетает в лодку к нам она.
Клыки зазубренных камней
Сомкнулись вокруг ещё тесней.
Сейчас раздавят.—Эй, весло!
Держи покрепче! Пронесло?

— Да, пронесло!..
И в жизни так:
Просмотришь путеводный знак,
Раздумаешься невпопад
И налетишь на перекал.
Тогда верней держи весло,
Чтоб через смерть перенесло.

1945. Ленские пристани

ОКНО В НЕБЕ

Косматые тучи, как шкуры медвежьи.
На Лене студёная рябь.
А горы скучают в морозном бесснежьи,
И птиц угоняет сентябрь.

Весь день торопливые стаи мелькают.
И в криках прощальная грусть,
Как будто они и меня зазывают.
Но я... зимовать остаюсь.

...Закат в этот вечер был вовсе не виден,
Совсем становилось темно.
Глядел я на небо в жестокой обиде.
А в небе открылось окно.

Окно золотисто-лазоревой дали,
Ступенька к порогам высот,
Улыбка, которую больше не ждали,
Надежда, что сердце несёт.

И пусть лишь недолго окошко светлело,
Пусть тучи сомкнутся грозят:
Мне кажется, будто в тайге потеплело
И птицы вернулись назад.

. . . . .

В тяжёлые дни, сквозь заботы и горе,
Откроется счастья окно,—
Взгляни на него, как в широкое море,
Где плыть и тебе суждено.

1944. Жигалово

ПРОВОДЫ ДРУГА

Б. Долгих

По широкому Енисею
Ветер гонит туманный след,
Заполярному Одиссею
Улыбается рассвет.

Рыжеватое утро встало
На излучинах берегов—
Чахлой ивой да черноталом
Лесотундровых островов.

Там, на Хатанге, ждут олени,
Тонкорогие вожаки.
От кочевий до поселений
Путь-дороженьки далеки.

С пароходным гудком разлуки
День тускнеет береговой
И разорваны наши руки:
— Досвиданья, товарищ мой!

Ты пройдёшь знатоком пустыни
В неизведанные края.
Под тобою протают льдины,
Но не дрогнет душа твоя.

Твёрдоглазый и смугловатый,
Ты пойдёшь за полярный круг
Новым рейсом—в набег крылатый,—
Победителем тёмных вьюг.

И когда тебя скроют ветры,
Ты почувствуешь, как близка
Через чащи и облака,
Через тысячи километров
Дружбы ласковая рука.

1935. Красноярск

ЗАМЕРЗШИЕ ЗВЕЗДЫ

Хочешь, я надену старые пимы,
Медвежью шапку и оленью шубу,
И если фотограф умело снимет,—
Я выйду на карточке резким и грубым?

Таким я бывал в полярных походах...
И сердце моё тебя повстречало,
Когда замёрзшие звёзды качало
Над мёртвой палубой парохода;

Когда к прикладу примёрзли пальцы,
Мы оттаивали над примусом,—
Помнишь, конечно?

Та зима показалась бы холодом вечным,
Но в горах мы нашли горючие сланцы.

Нет! Унеси этот мех обратно.
Я чувствую, север зовет меня.
Тише!..

Высокое небо в мерцающих пятнах,
И где-то тюлень над прорубью дышит...

Что мне толкуют врачи о болезни,
Весною поеду в Чаунскую губу—
Северный воздух курорта полезней...
Стой! Не укладывай старую шубу!

Иркутск

ПРИБОЙ НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОНЕ

Пушечный, сдавленный гром,
Наковален тягучий звон:
Это байкальский шторм
Рвётся на остров Ольхон.

Полчища пенистых грив,
Взмылив крутой прибой,
Камень водой напоив,
Ревут боевой трубой.

Ударь, ударь, ударь!
Твёрд и могуч Ольхон,
Гранитом одета ярь
Его четырёх сторон.

В разбег,
В набег,
В разгон!
Раскачивая волну,
Обрушивай тысячи тонн
На каменную вышину.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится пеной прибой.
Камень воды верней—
Он принимает бой.

Так бы и мне стоять—
Грудью ветрам в упор,
Тёмные волны мять,
Славить седой простор.

Твёрдость у камня взяв,¹
Остров Ольхон, с тобой—
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.

О. Ольхон на Байкале. 1931

П Е Й З А Ж И

УТРО НА ВИТИМЕ

Ветер северный, дунь
На реку—
На Тулдуень!
На таёжную гарь
Снегопадом ударь!

Тучи спят на горах,
Холодны и темны.
В ледяных валунах
Жёлтый коготь луны.

Ты, звезда моя, встань,
Слушай бег падунов!
Бубном бьёт глухомань—
Чёрный гром с берегов.

На медвежьем следу,
По расщелинам льда
Рвётся в горы Тулдуень—
Голубая вода.

Ветер западный, дунь
На реку—
На Тулдуень!
Смолью пахнет сосна,
Входит в горы весна.

Родниковой водой
Разольётся река,
Золотою слюдой
Заблестят облака.

Подрывая гранит,
По ущельям глухим
Водопад загремит
И сорвётся в Витим.

Так и песня моя,
Голос северный мой,
Славит наши края,
Льётся тёплой волной.

И навстречу весне
По дорогам глухим
Наяву и во сне
Половодит Витим.

1936. Тулдунь—на среднем Витиме

~~~~~
АНГАРА

Облака темны и гневны
Дождь несут из-за горы.
Лиственничные деревни
Возле самой Ангары.

Избы водят хороводы
По излуцине реки, —
Провожают пароходы,
Окна—будто светляки.

Настежь ставни расписные,
Мёдом крашены сухим;
И поют-поют резные
На воротах петухи.

Раздувает зыбкий ветер
Туч тяжёлые следы,
Шевелит рыбачьи сети
На краю седой воды.

Падуны, разбрызгав пену,
Бьются с ветром грудью в грудь;
И на каменную стену
Села чайка отдохнуть.

Хорошо мне в мире этом
Плыть с рыбачкой молодой,
Поцелуями согретой,—
Между небом и водой.

1936. Усть-Уда

СТАРОЕ ЗИМОВЬЁ

Зелёный мох в ненастье поседел,
Крутые брёвна годы опалили.
Былых надежд нерадостен удел:
Грустит любовь, когда её забыли.

В сырой тайге пустынно и темно,
И зимовьё очаг уже не греет;
Потухшим глазом брезжится окно,
Но рассказать о прошлом не умеет.

Внизу гудит холодная струя,
Заря багрянцем волны напоила.
А наверху, в ограде зимовья,
Кержацкий крест и старая могила.

Там ветер свищет только по привычке,
Журчит в ручье кудесница-вода,
И кто-то спит без имени, без клички,
Покрытый тёмным камнем навсегда.

Зарницы льются в бездну небосвода,
Чтоб вспыхнуть там, сгореть и утонуть.
Суровый мир! Жестокая природа.
Тайга, тайга! Дремучий, дальний путь.

1937. Витимская тайга.

КОНЕЦ АВГУСТА

Ветра затейные игры
Стали колючи и хмуры.
В зелени рыжие тигры
Прячут пятнистые шкуры.

Каплями желтого воска
Лиственницы истекают.
Гуси стремительно-броско
В тёмных озёрах мелькают.

Скошены поздние травы,
Утром кудрявится иней.
Горы стоят крутоглавы
В дымке задумчиво-синей.

Время готовить винтовку.
Ночи беззвёздны и глухи.
Завтра влетят на зимовку
Пышные белые мухи.

1945

ОСЕНЬ НА РЕКЕ ИНДИГИРКЕ

Грузные, сизые гуси
Гулко полощут крыльями.
В дымном, полуношном небе
Солнце сгорело дотла.
Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень.
Лунный, обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь поднимает погоду—
Гремучую, чёрную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным, густым серебром.
Курчавится шерсть горносталя,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым ребром.

1934. Зимовьё Гарга

ПЕСНЯ

Ветер, падающий с гор,
Полуношную звезду,
Кедров шумный разговор,
Блеск зари в зелёном льду,
Тёплый запах летних трав,
Щебет птиц на берегу,—
Жадной памятью собрав,
Всё на сердце сберегу.

Это мой Байкал встаёт,
Первозданный мир чудес,
Мир распахнутых высот,

Опрокинутых небес.
И повсюду предо мной:
Голубая глубина,
Ветром зыблемый покой,
Отражённая волна.

Я хочу таким же быть,
Как и ты, отец Байкал,
Вечно двигаться и жить,
Сохранить, что мир мне дал.
Я хочу, чтоб голос мой
Не дрожал и не старел,
Чтобы песенный прибой,
Словно радуга горел.

Чтобы юность закипев,
Как прозрачная волна,
Поднимала мой напев
Горделива и сильна.

1941. Лиственничное на Байкале

В кушак
Голубой—

затянись!

В лад баяны запевают,
Плясуны не отдыхают,
Грянула нижнеколымка:

- Прощай, зима,
- Прощай зимка,
- Дрёма снеговая!
- Подошла весна —
- Веснянка,
- Весна молодая...

Вечор выйду на-берег,
Лёд ломится за-берег.
Солнце к ночи не зайдётъ,
На Колыме ледоходъ.

4. Гадальная

Встану утресь—
на ветру́,
Зорюшку оглядываю,
По гусиному перу
Гадаю-загадываю.

Поднимает ветровей
Белые пушинки,
Привезут по почте мне
Дальние новинки.

Кружит, кружит высоко
Перья голубые:
Едет кто-то незнаком,
А глаза родные.

На волну бросает ветер
Мою пуховину:
Это верная примета—
Ехать на чужбину.

Вот последнее перо
На ветру пропало.
Угадать бы не хитро,
Только пользы мало.

Мою девичью игру
Зорюшка подглядывала,
По гусиному перу
Гадала-загадывала.

5. Девушка с бубном

Буен
Бубен
 Мой шаманий,
 голос мой,—

Два конца
 (да)
Два кольца
 за тетивой.

Перетянутый,
Нагретый, огневой

Загудел мой бубен
Кожей китовдй...

Ударила выюга—белый шум...
Засыпала выюга чёрный чум...

На четыре снега—четыре лисы
Подняли с разбега цветные усы.

По белому зимнику серебряной лис.
По рыжему дымнику—красный лис.
По синей метелице—лис голубой,
По моей постелюшке—чернобурой...

Седые хвосты
На бубен вяжу.
Цветными мехами
Себя обряжу.

За тундрой пробрезжило
В первый свет.
Ударила в бубен—
Вьюги нет.

Серебряна шкурка—от батюшки весть.
Краснобока шкурка—от матушки честь.

Голубая шкурка—от братушки лесть.
Чернобура воронёная—
Подарочек наречённая...

Ударила в бубен—
Ночи нет.
За морем просвѣтило
В третий свет.
Кольцы пробряцали—
Тетивой...
Остывает бубен—
Голос мой.

6. Беглая жена

На забрѣгах Индигирки-реки
Болоты (да) лайды темны, глубоки,
Темны, глубоки (да) моховищами,
Ягелями, брусняками, луговищами.

Богаты олени
На тундре живут,
Рогаты олени
Ягельник жуют...

Заарканю двух ватажных быков,
Догонять поеду наших рыбаков.
Заарканю двух лобастых оленух,
Догонять поеду беглую жену.

Не хотела с пастухами
В тундре жить;
Захотела с рыбаками
Потужить...

Как увидит, что приехал я на устье,
Будет знать, что муж беглянку не отпустит.
Как увидит, что любовь моя со мной,
Приласкает и воротится домой.

БАРГУЗИНСКИЕ ПОЭМЫ

ВЕЧЕРИНЫ

А. А. Кузнецовой

I

Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу.
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу.

На гранитных тёмных крутоярах
Леденеют лапы якорей,
Невода и сети спят в амбарах:
Зимний лов начнётся в январе.

А сейчас—досужие зазимки—
Время свадеб, девичьих забот.
Всюду шьют обновки да новинки...
На Байкале так из года в год:

Между двух путин, до ледостоя,
Получив сполна по трудодням,
Веселится племя холостое—
Вся моя байкальская родня.

Рыбаки, рыбачки, мотористы,
Бондаря, засольщики, гребцы:
Шутники, танцоры, гармонисты
И свои, ловецкие, певцы.

Всё народ весёлый да задорный,
Закалён ветрами и водой.
Как пойдут по улице Подгорной —
Словно лес шагает молодой.

Высоки, стройны, широкоплечи—
В три ряда по улице идут.

К ним выходят девушки навстречу,
Баянистам песню задают.

И звенит над берегом Байкала
Чей-то тенор, ласковый такой;
И выходит первый запевала,
Помахавши девушкам рукой.

Эх! Ты, Подгòрна, ты, Подгòрна,—
Развесёла улица.
На тебе, моя Подгòрна,
Милая балуетца.

Выйдет, глянет,
Павой встанет,
Полушалок развернёт.
Говорит, что не обманет,
А руки не подаёт.

Что ж ты павой выступаешь?
Расскажи, куда идёшь?
Провожу, коль пожелаешь,
Ты дорòги не найдёшь.

Распахнув цветные полушалки,
Будто стая сказочных жар-птиц,
Усмехнутся наши молодайки,
Подтолкнут застенчивых девиц.

И пойдёт навстречу баянистам,
Раздвигая плечиком парней,
И взмахнёт платочком из батиста
Та, чьи косы ноченьки темней.

Гордо топнет жёлтенькой ботинкой,
А потом, лукаво покраснев,
Соловьём зальётся невидимкой,
И подхватят девушки припев:

Ты, Подгòрна, ты, Подгòрна,
Развесёла улица.
На тебе, моя Подгòрна,
На меня любятся.

Где ни встану,
Как ни гляну—

Милый краше не найдёт.
Полюблю, так без обману,
Только... пусть он подождёт.

Бьёт метелица перины,
Широка родная падь.
Мы идём на вечерины,
Разрешаем провожать.

И пойдут по улице Подгорной
Все мои знакомцы и друзья,
Плясовою поступью проворной
Над обрывом берега скользя.

На мысу, за чёрными камнями,
Под шатровой крышей новый дом—
Клуб колхозный—светится огнями.
Там сегодня время проведём.

II

Нынче наши вечерины,
Торопитесь поскорей.
Две подруженьки-девчины
Встали около дверей.

Всех с поклонами встречают,
За рукав шутя берут—
Раздеваться приглашают...
Что ты будешь делать тут?

Непривычно это дело,
Да не станешь рассуждать,—
Раньше в шубах мы сидели,
А теперь велят снимать.

Раньше в шапках и плясали,
Нынче девичий контроль,
Повстречали—осмеяли:
— Раздеваться, друг, изволь!

Девки тешатся, голубки.
В кучу шубы, полушубки.
Куртки, шапки, рукавицы
Прибирают молодицы,—

Так-то лучше и видней—
У кого костюм модней.

Парни все в суконных «тройках»,
В пёстрых галстуках форсят,
Все в сорочках-разнокройках.
И у всех значки висят:

По два, по три, по четыре.
Вот они, сибиряки,—
Что ни грудь, то выше, шире...
Ворошиловцы-стрелки,

ГТО, парашютисты...
Любо глянуть на ребят,
Принаряжены и чисты,
Вышли будто на парад.

Девки модой щеголяют,
Не уступят городским.
Щёки заревом пылают,
И румян не надо им.

Платья шёлковые ярки.
Тут в нарядах знают толк.
Ценят здесь твои подарки,
Ты в почете здесь, Главщёлк!

Все цветá и все оттенки.
Роза в лебедю плывёт.
Ну-ка, встанем, друг, у стенки,—
Начинают хоровод.

III

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают,
Ленты пышные блестят,
Платья в танце шелестят.
(Чьи-то искрятся глаза—
Изумруд и бирюза).

Пара к паре,
Пара к паре.
Кто-то звякнул на гитаре,
А в углу наискосок
Взмыл свирельный голосок:

— Полюбила я его,
Полюбила, милая,
Для него, для одного
Всех других забыла я...

Три кудрявых баяниста
Развели ладами враз.
И ответил голосисто
Молодой рыбацкий бас:

— Она, моя милая,
Сердце мое вынула,
Сердце мое вынула
Да в Байкал закинула...

Тут баяны и гитары
Заиграли сразу-вдруг.
Разошлись, распались пары,
Все танцоры встали в круг.

Звонко хлопнули в ладоши,
Дружно за руки взялись...
Покачнулись,
Развернулись,
Закружились,
Понеслись.
Вправо—влево,
Влево—вправо,
Плясовая мчит забава.
Баянисты-игроки
Поскидали пиджаки.

Обещанья, крики, шутки.
Взгляды милые зовут.
Смех, улыбки,
Прибаутки
Подгоняют
И несут:

Влево—вправо,
Вправо—влево,
Хоровод летит с припевом.
Все играют,
Все поют,
Гитаристы пальцы рвут.

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают.
Чётко топот каблуков.
Реют крылья мотыльков—
Реют девичьи косынки.
Хороши вы, вечеринки,
Жарко в сердце бьётся кровь.
Радость, молодость, любовь!

БАРГУЗИНСКИЕ СОБОЛЯ

В Москве, мой друг, наверно, нынче жарко.
И если не на даче вы сейчас,
То может быть, гуляя в Зоопарке,
Прочтёте мною посланный рассказ.

Но я прошу вас, прежде поглядите
Вольеры баргузинских соболей;
Об этом просит вас и мой родитель...
Мы с ним «соболевали» в феврале.

Недавно нам писали звероводы,
Что соболя освоились, живут,
И чудеса искусственной природы
Естественность вполне воссоздают.

Я уважаю труд природоведов
И верю их испытанным словам.
Но мой старик, ворчун и непоседа,
Он говорит, что верит только вам.

Мне возражать ему, признаться, трудно.
Ведь вы с отцом объехали Байкал,
Вы расхвалили парусное судно,
А я его как раз... забраковал.

Вот, мой старик и просит вас проведать:
Как поживают наши соболя,
И что им выдаётся для обеда?..

Эх, жаль, не дождались вы февраля!
Заказ пришёл за вами тотчас, следом:
— Две пары срочно требует Москва...

Явился предколхоза
Посоветоваться с дедом.
Да тут охотников не трудно отыскать:
В любой семье найдутся следопыты,
Потомственные соболевщики.
Сетями и ружьём здесь поколения сыты,
Мальчишки здесь и те—хорошие стрелки.

Охотничьи наследственные страсти
Передают у нас из рода в род.
На каждый призыв, в снайперские части
Колхоз наш пополнение даёт.

Но я отвлёкся...
Право, к этим темам
Без пафоса мне трудно подойти.
Я начал вам письмо, но целая поэма
Внезапно зашумела на пути.

Я повинуюсь этому наитью,
Прислушиваюсь к ритму и словам,
И вижу, как...
...Серебряною нитью
Струится снеговая синева,
Густые кедры стонут под метелью,
В кустах топорщится напуганный глухарь,
Седой изюбрь спускается к ущелью.

А на востоке розовый янтарь—
Заря.
Рассвет—февральских звёзд наследник.
Косматый лес.
Глухие валуны...
Пред нами Баргузинский заповедник—
Сокровищница соболиная страны.

Как хорошо здесь!
Горы обтекают
Дремотную, лесную целину.
Сюда не каждого охотника пускают,
А каждому бы надо заглянуть
На эти безмятежные просторы:
Кочевья росомах,
Стоянки изюбрей,

Лосиные дорожки,
Гнёзда,
Норы,
Приюты птиц и логова зверей...

На промысел послали две бригады,
Заданье каждой было таково:
Взять самку и самца.
Обещаны награды
И премии.
Да мы и без того
Соболевать готовы.

В самом деле,
Ведь это увлекательнейший труд.
И жаль, мой друг, что вы не поглядели—
Как соболей в Баргузине живьём берут.

О, этот промысел—экзамен на терпенье!
И вам сейчас придётся потерпеть,
Пока я должен сделать отступление...
Чтобы не надо в справочник смотреть,

Скажу вам кратко:
Соболь—зверь причуды.
Живёт он по распадкам и ключам,
Где мелкий лес и каменные груды,
Где рябчики играют по ночам.

К таким местам не подобраться летом,
Да и следов не видно на земле,—
Испытанный наукой и приметой
Отлов живьём ведётся в феврале.

Ещё я вам скажу, но чур, прошу без смеха,
Что соболь целомудренный зверёк,
Избрав себе подругу, рыцарь меха,
Он селится в любимый уголок.
Там скромно растит он потомство,
Добычиться приходит на ключи.

В любви он вам покажет превосходство,—
Лишь смерть его с подругой разлучит...
Не знаю как в Московском зоопарке,

А здесь—
Тоскуют друг по другу соболя.
(Быть может, потому, что здесь созвездья ярки,
И, всё-таки, суровая земля...)

...Но возвращаюсь к теме.
Восемь суток
Бродяжили мы' трое: я, отец
И Прохор Беспрованых.
Не до шуток.
Нам было.
Перемучились вконец,
А следу нет.

Ущелья и нагорья,
Леса, болота, тёмные лога
Обшарили почти до Подлеморья,
А следу нет! Засыпала пурга.

Участок нам попался будто ладный,
На нём не промышляли никогда,
Зверь должен быть... А следу нет! Досадно.
Несолоно хлебавши возвращаться—нам беда:
Ведь засмеют в колхозе.

Что им скажешь?
Что хлеб, мол, кончился, что съели сухари?
Так этим ничего ты не докажешь.
Пошёл за соболями, хоть умри,
Пустым не возвращайся...

Восемь суток
Бродили мы меж каменных бугров.
Ночами, отыскав себе закуток,
В сугробах отдыхали без костров.
В собольем заповеднике законы:
Костров не жечь,
Собак с собой не брать.

...Лежишь в снегу и слушаешь трезвоны
Столетних лиственниц.
Вокруг—ночная падь,
Обветренные дебри... Романтично
Для вас, столичный друг, не правда ли?
А нам,

Возможно, потому, что всё привычно,
Взгрустнулось, знаете, по... пирогам.
Кусок бы пирога горячего, да чаю,
Стаканов пять.
Блаженные мечты!

Но люди ведь всегда не замечают
Великого значенья простоты.
А если б довелось вам две недели
Питаться мёрзлым хлебом, спать в снегу,
И вместо чая снег сосать в такой постели,
Тогда по-новому б вы поняли тайгу.

На нартах за собой везли мы не перины,
Не самовар, не окорок,
А хлеб да сухари.
Не так уж тяжело,—а надсадили спины.
И на оплечьях вздулись пузыри.

В середине дня, десятого по счёту,
Когда нашли мы соболя следы,
Я оценил охотничью работу,
Напившись дёсыта сверкающей воды.

Наш соболь жил у самого истока
Немёрзнущего горного ключа.
Скользкий след по снежным заволчкам
Супружескую пару отмечал.
Зверьки, конечно, нас зачуяли и скрылись
Куда-то в щель, в кустарники.
Но мы
Теперь уже совсем не торопились:
Два соболя—окупят труд зимы.

Поставили «обмёт».
Вы помните, наверно?
Такая шёлковая, лёгонькая сеть,—
Показывал я вам, метр шириной, примерно.
В длину... её удобней здесь смотреть.

На кольшках, вокруг собольей щели,
Мы растянули шёлковый обмёт,
Проверили бубенчики,
Чтоб явственней звенели,
Когда рванётся соболь на проход.

Да, вы, я помню, очень удивлялись,
Увидев сети шёлковой концы,
И с недоверьем, кажется, смеялись,
Когда вам показали бубенцы.
А вот они повисли на подвесках,
И шёлковая сеть закрыла ход.

Мы залегли в снегу, средь солнечного блеска.
Идут часы.
Мы ждём.
И соболь где-то ждет.

Теперь одно осталось—ожиданье,
Зверь должен выйти, голод будет звать.
Тая свой страх
И задержав дыханье,
Зверь выйдет
И тогда... не прозевать!

День переходит в ночь. Ночь переходит в утро.
Луна сменяет солнце. Снова день.
Тускнеющим лиловым перламутром
В сугроб ложится призрачная тень.
Шумят деревья. Падают снежинки.
В березниках тетёрки шабаршат.
Сороки суетятся нелюдимки.

А мы лежим в сугробах, не дыша.
Отец в середине,
Проخور поправее,
А я под самой сетью...

В трёх шагах—
Звериный след и щелочка темнеет,
Над головой корявые рога—
Огромная, трухлявая лесина
Нависла надо мной.
Часы идут.
Под тяжестью моей сыпучая перина
Протаяла, осела.
А морозы так и жгут,
С полуночи студёно дует с моря.
Идёшь, не дождёшься утренней зари.

Да тут ещё такое горе—
Отец не позволяет закурить.

Грызёшь сухарь, сосёшь комочки снега,
Стараешься не двигаться.

...И вдруг
Выходит соболь. Прыгает с разбега
И, чёрной молнией разрезав белый круг,
Хрипит в сетях.
За ним, сейчас же, самка
Стремительно бросается вдогон.

И шёлковая, гибкая обманка
Рассыпала бубенчиковый звон.
От этих звуков соболи лютуют.
Запутываясь в тонких бичевах,
Тугую сеть раздвинуть не успеют,—
Она хрустит податливо в зубах,—
Но мы уже, с мешками наготове,
Хватаем их горячие тела...

Вот вам рассказ о соболином лове,
Венчающем охотничьи дела.

1936—'940. Баргузин—Иркутск

МАРЬ

1. Ландшафт

Чашоба, ерник, заросль, глухомань:
Леса стоят стеной, куда ни глянь.
Пихтач матёрый, ельник молодой,
На соснах мох—шершавой бородой,
Смола—хрустальной струйкой—вдоль коры.
Крутые сучья пухнут от жары,
Блестит тугая пышная хвоя,
Вздывают кедры синие шатры.

Ни пашен тут, ни речек, ни жилья...
Тайга!

Тайга!
Она легла на север и на юг,
Она прошла на запад и восток,
На сотни вёрст взлохматилась вокруг,

Закрывает землю вдоль и поперёк.
И только там, где каменная грудь,
Вздыхнув, высоко к небу поднялась,
Где пояс горный силится проткнуть
Холодных туч узорчатую вязь,—

Там поредела буйная тайга,
Оборвалась на каменном хребте.
Её сломали вечные снега...

2. Пейзаж

А за хребтом леса уже не те.
На жёлтых кочках падает сосняк,
Кривая лиственница встала кое как,
Древесный мир хворобою побит,—
И не поймёшь: он вымер, или спит?
На хилых ветках тучные грибы,
Наросты их тверды, как бычьи лбы...
Здесь не ночует рябчик и глухарь;
Набив морошкой жадные зобы,
Они летят назад...
Болото это—марь.

3. Марь

Марь!
Морок!
Море
Зыблемых осок,
Колючих трав, лишайников, хвощей,
Зелёных радуг, ржавчины проток,
Мерзлотных глин, болотистых хрящей.

Марь!
Это—дым, дурман, отравы, тлен,
Слюда росы, испарина земли.
Марь!
Это—сон зыбучий, вечный плен,
Тоска пустыни...
Вывернутые комли
Деревьев,

Легших тёмною грядой
По бархату струящейся травы.

Шатёр небес холодный и седой,
Не знающий июльской синевы.

Марь!..
Это тлеет древняя вода.
Здесь звук один:
Гуденье мошкары,
Ухлоп и всхлип;
Сосущая беда —
Зелёный овод,
Плесень, комары.

Марь...
Значит—смерть,
Ловушка, западня...
Здесь нет берлог, и звери не живут.
Спокон веков до нынешнего дня
Безлюдно всё, безгласно было тут.

4. Поход георазведчиков

А мы пришли сюда сквозь горную тайгу,
Мы топором раздвинули стволы,
Мы перегнали лето на бегу
И поднялись на снежные валы.

Но за хребтом леса уже не те,
Топор не нужен, ходу дальше нет:
Слепая марь в широкой пустоте
Клубила дым в закатный полусвет.

Пучина корчилась...
Качающиеся кусты
Глядели в омут чёрных плывунов,
Туман стелил дырявые холсты
Над жёлтой тиной вспученных бугров.

Наш лагерь первым был в краю трясин.
Мы разожгли костёр, но было не до сна.
Журчали листья жиденьких осин,
И на углях топорщилась сосна.

Когда пришла сырая темнота,
Над зыбунами всплыли огоньки,
И, золотым сияньем налита,

Казалась марь подобием реки,
Реки огней болотных, кочевых,
Гниющих недр подземных и земных...

5. Гимн вездеходу

Завтра мы пошли на марь в поход.
Пустыня слушала железный гром,
Когда наш лучший трактор-вездеход,
Спустившись с гор, ударил напролом.

Он ровно шёл по кочкам, по траве,
Он был пловучее болотных птиц.
Мотор его прогретый ревел.
Кусты, пошатываясь, опускались ниц.

Его недаром, видно, строил Сталинград.
Он имя «Сталинец» повсюду пронесёт:
Он—символ смелости, не знающий преград,—
Землепроходец, трактор, вездеход.

Марь, морок, марево... ему открытый путь.
Не тонет он, не вязнет он нигде.
Там, где боялись даже птицы утонуть,
По зыбунам он шествует везде.

Здесь не решались вымостить тропинчатую гать.
Глотала бездна и деревья и людей.
Бродяги с каторги не смели здесь шагать:
Лихая марь опаснее цепей.

Тысячелетья тут лишь ветер кочевал,
Вода густела мутью, как янтарь.
До нас никто еще доподлинно не знал,
Какую тайну бережёт глухая марь.

Но мы свободные и сильные пришли:
Страна дала счастливый пропуск всем.
И то, что мы сегодня здесь нашли,
Достойно самой лучшей из поэм.

6. Гелий

В разливе мари есть горбатый островок,
На нём кипят и брызжут вечные ключи,
Но где он скрыт, как близок или далёк —
Об этом мы сегодня умолчим.

Хранит военные секреты марь.
И нам возможно только намекнуть
О тех местах, где встала чернаярь,
Где вольный газ торопится мелькнуть.

Мелькнуть в ключе кипящем, голубом,
Надуть легко тугие пузыри
И раствориться в воздухе сыром,
Влетев к сиянью призрачной зари.

Подземный газ на солнце зарождён,
Пробив болото, к солнцу он летит.
По-гречески, от солнца—назван он,
И, может быть, на солнце лишь горит.

Светило—Гелиос! И гелий назван он...
Он легче тайного дыхания любви,
Его в таблицу вставил химии закон,
Но если ты его упустишь, не лови...

А мы берём его из маревых болот,
Неистоим в земле его запас.
Пусть знает каждый мой читатель-патриот:
Достоин в песнях быть прославлен этот газ!

...На неизвестных, многоцветных небесах,
Защитой Родины, врагам её на страх—
Гиганты корабли готовы в бой,
В краях заоблачных повисли над землёй.

Никто не знает, где они идут.
Быть может, там они, а может быть, и тут.
Не проследить врагу, где их полёт,
Их поднял гелий к солнцу, в небосвод.

Их поднял гелий, самый лёгкий газ
(Ему мы посвящаем наш рассказ),
Их поднял гелий, газ, что мы берём
Из тёмных недр, глядящих в водоём,
В глухом краю,
Где вымерли леса,
Где всюду тлен, испарина, роса,
Где только люди—сталинцы—могли
(Готовясь штурмом рваться в небеса)
Проникнуть в чрево зыблемой земли.

Восточная Сибирь.

ЕНИСЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

1. Записка про рыбака Беднягу

...На Курейке это было, на Курейке...
Жил тогда один Бедняга в зимовейке.
В зимовейке, в пустоplesье жил да был,
Туруханскую сельдятку он ловил.

Туруханскую сельдятку
Промышлял он по достатку,
А достаток рыбака—
Два долблёных челнока.

Много выловишь—не вынешь:
Сеть изодрана, стара;
Мало выловишь—погинешь,
Как придёт зимы пора.

Бедовал рыбак, томился,
В зимовейке горевал;
На реке весь день возился,
Рыбу в сеть подстерегал.

По весне пилил бревнища,
Вёсла к лету мастерил,
Для бочат готовил днища,
Трубку длинную курил.

Лютой стужей у печурки,
Солнца ожидаючи,
Плавники сухие чурки
Расщеплял играючи.

Словом, был он работяга,
Хоть по возрасту старик...
Жил и прозвищем—Бедняга—
Огорчаться не привык.

Толковал себе дедуня:

— Мол, живу не первый век,
— С той поры, как ветер дует,
— Не был счастлив человек.

— Счастья нет простому люду,
— Мы зовёмся: голытьба.
— Жизни нет другой; отвсюду
— Супротив идёт судьба.

— Стало быть, и мне, седому,
— Суждено так на роду—
— Быть голодну и худому,
— Не изжить никак беду.

Туруханскую сельдятку
Наловлю да напорю;
Измотаюсь до устатку,
В пустоплесье и помру...

Сам с собой такие речи заводил он в зимовейке.
Это было в Заполярье, это было на Курейке.

2. Прибытие Сталина

...На Курейке это было, на Курейке...
Приставала в берег лодка к зимовейке.
Лодка с парусом, дощаная, с венцами,
Лодка царская, казённая, с гребцами.

Из той лодки выбегали конвоиры—
Хуже не было злодеев по Сибири—
Всё брыластые, щербатые лукавцы,
Всё опричники жандармские, сквернавцы.

Позади их вылез главный генерал,
На погонах—двоглавые орлы.
Только вылез он на берег, заорал,
Вынул грамоту цареву из полы.

Тут из лодки, из казённой, из дощатой,
Конвоиры выводили воровато—
Всё с опаской,
Да с оглядкой,
Да с пронырой—
Человека выводили конвоиры.

Был он ростом и плечами крепок ладно
И одет был по-простому, не нарядно;
На рубахе наволо́чной медна-пряжка,
Сапоги на нём смазные и фуражка.

Вышел на берег, на солнце улыбнулся
И спиною к генералу повернулся.
Осерчал, надулся главный генерал
И указ царёв в три глотки заорал.

Ну, известно, у жандармов сказ недолог:
Так и так, значит, царёв заклятый враг
Поселяется Иосиф Сталин на Курейке,
В этом самом, значит, дальнем зимовейке.
Поселяется отныне и навеки—навсегда:
Ни пути ему, ни тропки никуда.

Чтоб никто не смел его кормить или дарить
И речей с ним по-знакомому водить.
Пусть загинет царский нёслух в зимовейке.
...На Курейке это было, на Курейке...

3. Сталин у рыбака Бедняги

...На Курейке это было, на Курейке...
Отдыхал товарищ Сталин в зимовейке,
В зимовейке поджидал он рыбака,
Ел сельдьятку туруханску с уголька.

Зимовейко грязновато, неприглядно,
Пузырём закрыта рама-наколотка.
Нара тёсаная, чурочка да складня,
Закопчёное ведро да сковородка,
Сети драные, багорчики да нитки—
Вот и все, в виду, рыбацкие пожитки.

Неприглядно зимовейко, да приветно.
Вечерком хозяин к дому подобрался,
Поклонился гостю он ответно,
Поздоровкался и вкрест поцеловался.

Угостил его духмяною ухую,
Напоил его брусничною водою,
Напоследок по-душам поговорил,
Подавал трубку таволожну: покури!..

Самосадам, енисейским корешком,
Продымили они избу с потолком:
Был горазд курить любезный гость,
А хозяину давно так повелось.

Утром гость пошёл с Беднягою рыбачить,
Грѣб веслом заправски, деловито;
Принесло на тони к ним удачи—
Осетрины и сельдятки маховито.

С той поры у них пошла такая жизнь—
Будто старые знакомые сошлись,
Нара общая и трубочка одна...

Это было, братцы, в дѣвни времена,
Это было в самом дальнем зимовейке,
...На Курейке это было, на Курейке.

4. Зимние беседы

По заимку бродят вьюги на Курейке,
Куропатки жмутся ближе к зимовейке.
В тёмной хате старикана-рыбака
Жарко теплится загнета камелька.

С полундчи дует сиверко-сквозняк,
Старый невод чинит вечером рыбак,
Чинит невод, крутит нитку на обмот,
И беседу с гостем длинную ведёт:

—Ты скажи, о чём задумался давно?
Что ты пишешь, дорогой мой, милый гость?
Расскажи, если тебе не всё равно,
Может, горяшко какое завелось?..

Гость у столика дощатого сидел,—
Вечерами при лучине он писал,—
Улыбнулся стариковской бороде
И такую речь ответную сказал:

—Догадался ты, старинушка, как раз,
— Горе есть одно с тобой у нас:
— Горе тяжкое—народная судьба,
— Дума важная—народная борьба.

— Тяжело тебе, Бедняге, и другим.
— Жизнь несладкая, неладная идёт,
— Всюду кичатся народные враги,
— Перемучился, исплакался народ.

— Вот и думаю, старинушка, одно:
— Надо вывести людей на светлый путь.
— И борюсь за это дело я давно,
— И не может моё сердце отдохнуть...

— А пишу я книгу жизни новых лет.
— Близко время, ждут товарищи мои.
— Скоро ты, старик, увидишь свет,
— Только тайну эту крепко затаи.

— Слышу я, как просыпается народ,
— И крестьяне, и рабочие встают:
— Мать-земля мне вести подаёт,
— Ветры грозные над миром бой ведут.

— Как начнётся буря, грянет гром,
— Против нас никто не устоит:
— Мы народ дорогой новой поведём,—
— Вот о чём, старик, раздумьица мои...

Обмахнул глаза Бедняга рукавом,
Сеть повесил перед самым камельком,
Обнял гостя и низенько поклонился:
— Ты прости, по-стариковски—прослезился.

— Взяли за душу меня твои слова,
— Поседела от ненастья голова,
— Сотню лет живу, без малого, на свете,
— Не слышал речей таких, как эти...

— Научи меня бороться за свободу,
— За тобой, дозволю, пойду в огонь и в воду!
— Пусть не сгинет жизнь моя напрасно в зимовейке...
...На Курейке это было, на Курейке.

5. Побег с Курейки

...На Курейке это было, на Курейке...
Белой ночью стало пусто в зимовейке.
Белой ночью, пустоплесьем, по протокам
К Енисею вышла лодка издалёка.

Вышла лодочка-долбянка с парусочком,
Шелестела через отмели песочком,
По струе пробилась к югу, к Турухану,
Прямо шла она по ветру, по туману.

Оплывая на заливчиках коряги,
Шла долбянка в енисейских изворотах.
На руле её сидел старик Бедняга,
А товарищ Сталин вёслами работал.

Днём рыбачили они в затонах,
На костре уху себе варили,
Отдыхали на обрывах-крутосклонах
И ночами потихоньку дальше плыли.

В Туруханске настигала их погоня,
Лютовали полицейские-собаки,
Понадеялись, что скоро их догонят,
Объявили все их признаки и знаки.

Наградим, дескать, ловите поскорее,
Захватите их на лодочке умело...
Ну, да не было людей на Енисее,
Кто пошел бы на предательское дело.

Мать-земля сама их укрывала—
Укрывала их туманом без прогляда.
Мать-вода на шиверах им помогала—
Отводила их струёй от водопада.

Так ушли они без следу, неизвестно,
И до самого семнадцатого года
Кочевали на посёльях повсеместно—
Среди бедного сибирского народа.

И до сей поры толкуют старожилы,
Енисейские ловцы и работяги,
Как давно когда-то вместе жили
Вождь народов и старик-рыбак Бедняга.

Как они когда-то жили в зимовейке.
...На Курейке они жили, на Курейке...

6. Припевка

Городок растёт на месте зимовейки.
Самолёты пролетают вдоль Курейки.
На графитных заполярных рудниках
Звонки утренние рокоты гудка.

Ледоколы вышли в новые походы.
На Игарку уплывают пароходы.
И широкой тундровой тропой
Пастухи оленей гонят к водопою.

В Заполярье жизнь шумит большая,
Оживают дебри и берлоги,
Ледовые горы разрушая,
Протянулись новые дороги.
Вечно будет солнце в нашем мире,
Не вернуться сумерки былого.
И по всем окраинам Сибири
Славят люди Сталинское слово.

Славят люди Сталинское дело,
Книгу жизни гордую читают.
И о том, что в бурях прогремело,
Все народы в песнях вспоминают.

И поют певцы на Енисее,
И ведут сказанья старожилы
Про того, кто тьму ночей рассеял...
(Эти сказы мы в напевы положили).

Он Отцом Народов назван тундрой.
Наш учитель и простой, и величавый,
Славен он своею силой мудрой,
Вечен он своей народной славой.

Про него слагаются былины,
Сказы чудные, легенды и преданья.
Помнят чащи и нагорья, и пустыни,
Где когда-то он бывал в своих скитаньях.

Говорит одно сказанье, будто ныне
С ним в Кремле живёт Бедняга старый,
И в столице, нашей родины твердыне,
На беседу с ним приходят комиссары.

— С ним народ
— И он с народом воедино:

— Неразрывна эта сила в новом мире!..
Так сказал мне, расчесав свои седины,
Древний сказочник на севере, в Сибири.

Я запомнил его дедовское слово,
Как сидели мы в ловецком зимовейке;
Записал я эти сказы рыболовов
Белой ночью в Заполярье, на Курейке.

1936—38. Енисейская тайга—Иркутск

УСОЛЬСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

(Красноармейская бывальщина)

1

Фёдор Махов—парень бравый и боец передовой.
Всем известен он, чернявый, наш товарищ боевой.

Голосистый запевала, первый песенник, плясун,
Он под пулями, бывало, пел про девичью красу,

Пел про Волгу, про Саратов (сам он раньше грузчик был),
Называл себя солдатом, по-солдатски водку пил.

Словом, был боец весёлый. Весь сибирский переход
Шёл он поступью тяжёлой, замыкая первый взвод.

Две бутылочных гранаты, штык сверкает навесу,
Сапожонки дыриваты. Сорок градусов в лесу,

А ему и горя мало: песни петь готов всегда.
И над ним всегда сияла кумачовая звезда.

Он, чудак, носил с собою кумачовый лоскуток
И всегда, готовясь к бою, забивался в уголок:

Шлем осмотрит первым делом, не слиняла ли звезда?
Если чуть-чуть потемнела—не потерпит никогда:

Ставит новую... С любовью выкроит и подошьёт.
Словно огненную кровью старый шлем его зальёт.

— Пусть звезда сияет вечно, молода и горяча!..
Толковал он нам, беспечно штык качая на плечах.

2

Фёдор Махов—парень бравый и боец передовой,
Но в его хорошей славе был изъянец небольшой:

Верил в бога наш затейник. И досадно было нам—
Волжский грузчик, как кутейник, чинно крестится
церквам.

Правда, крестится украдкой, да не скроешь—видим все.
— С этой старою повадкой кончить надобно совсем...

Так бойцы решили тайно. Споры шли: с чего начать,
Чтобы Махова, случайно, не обидеть сгоряча?

Парень свой, товарищ верный, надо путь найти к нему—
Сам чтоб понял: «дело скверно». Тут ведь сила ни к чему.

Ну гадали мы, гадали, как и что, и что и как.
С политкомом толковали, тот смеётся: Бог—пустяк,

— Бога нет. А небылицу мы сумеем победить.
— Завтра бой... Возьмём станицу, я зайду поговорить...

Жизнь покажет нам, как надо и бороться, и учить.
Слово может быть—снарядом! Но сегодня помолчим...

Мы немного заскучали: ни к чему совет такой.
Спать легли, заночевали, а на утро грянул бой.

И в бою случилось просто, неожиданно для нас...
Дело вышло за погостом, возле церкви «Новый спас».

Там,—мы вспомнили невольно, политком не зря сказал,—
На усольской колокольне Махов «бога» потерял...

3

Бились мы в селе Усолье. Там семёновский отряд
Забайкальское приволье грабил двадцать дней подряд.

Отступающие гады испоганили село.
Переломаны ограды, избы снегом замело.

Страх и смерть в селе Усолье; мертвецы в сугробах спят,
Гулеванин на приволье атамановский отряд.

Нас не ждали. Мы ударом сразу выбили врага.
Облака зажглись пожаром, гулко охнула тайга.

После жаркой перестрелки враг бежал со всех концов.
Только вот задача: церковь огрызнулась на бойцов.

Чей-то, злобный с колокольни поливает пулемёт,
По сугробам хлещет больно, огневую лаву льёт.

Кто-то метко и умело путь пехоте пересёк,
Целит яростно и смело, бьёт и вдоль, и поперёк.

Задегли, прижались цепи на протаявшем снегу.
Пулемёт стучит, свирепит, а враги бегут в тайгу...

По команде первый взвод поднимается в обход...

4

Кое-как до колокольни добежали два стрелка,
Махов шепчет недовольно:—Бьёт, подлец, наверняка.

— Шесть убитых там осталось, десять ранены лежат...
Отдохнул под дверью малость, глядь—в дверях замки
дрожат.

—Ах, закрылись гады, ладно! Крою вашего Христа,
Будет впредь вам неповадно!.. Бомбу поднял и привстал.

Дверь на щепки разлеталась. Махов лестницей—наверх:
— Душу выпущу из тела, упокою сразу всех!..

Разъярённый, по ступенькам мигом кверху добежал.
Пулемёт ещё протренькал, раза два продребезжал

И затих. А на площадке встретил, целясь прямо в лоб,
В шубе, в плюсовой борчатке, волосатый дюжий поп.

Хлопнул выстрел. Махов—книзу, повалился. Поп прыжком
Подбегает по карнизу и внезапно... кувыром.

Фёдор Махов дал подножку и попа перехитрил.
Правда, ранен он немножко, но ещё хватило сил,

Вышиб маузер. В охапку захватил попа, скрутил,
Сбил с него соболью шапку, взворотил вверх перил,

Сбросил вниз живую тушу с колокольни словно тюк;
Обругался крепко «в душу», и потом взглянул вокруг:

— Громче праздничных канонов колоколенка поёт...
Восемь ящичков патронов и японский пулемёт...

5

Как-то после, на привале, возле нашего котла
Про Усолье толковали, про минувшие дела.

И один боец ехидно Феде Махову сказал:
— Что-то церкви здесь не видно, ты, случайно, не видал?..

Фёдор Махов—парень честный, не смущаясь отвечал:
— Был я тёмный, вам известный, ошибался невзначай.

— Ну, да нынче я довольный, кровь не даром проливал,
— На усольской колокольне веру в бога потерял...

— Вот моя любовь и вера, навсегда они со мной!..
Шлем, истрёпанный и серый, поднял Махов над собой.

А на шлеме том горела, нашей славою горда,
Вновь пришитая умело кумачовая звезда.

1934—1936. Усолье

ВОЕНМОР В СИБИРИ

Приехал он из Балтики, столичный кавалер,
На бескозырке кантики и сбоку—револьвёр.
Сверкает куртка чёрная, трубою брюки-клёш.
И с ним пришла проворная присловица: «даёшь!»

Приехал с продотрядом он за хлебом, в Барнаул;
Нежданно и негаданно в село к нам завернул.
На сходку, по обычаю, явились мужики,
Заметил по обличью их: кто голь, кто кулаки.

Шушукнулся с ревкомцами, собрание открыл:
— Ну, будемте знакомцами... и трубку закурил.

Попыхивает трубочкой и речь свою ведёт.
Девчата в новых юбочках протиснулись вперёд.

Хорош, красив, глазаственный, столичный кавалер.
(Винтовочка зубастая и сбоку—револьвёр.)
Мы смотрим, улыбаемся, а он и не глядит.
Ручищами махается и грустно говорит:

Что там, мол, бьют рабочие буржуев разных стран,
Что в Питере рабочие ждут помощи крестьян,
Что хлеба надо нынче им отправить в Петроград.
Излишки надо вычерпать и сдать их в продотряд.

Тут кулачьё кидается без шапок по домам,
А он лишь улыбается:—Известно это нам!..
— Так, вот, давайте, граждане, без этих кержаков,
— Спрошу у всех, у каждого, кто, сколько даст мешков?

Ну, беднота понятливей:—Записывай,—кричат.
И тятка мой, догадливый, рванулся сгоряча:
— Мешка четыре,—говорит, а больше не могу.
— Мешка четыре, друг, бери, от силы, помогу.

Я прямо даже охнула (у нас всего-то шесть!)
А морячок нахохлился и отвечает:—Есть!
— Спасибо,—говорит,—друзья, не раззоряй себя.
— Мы, говорит,—одна семья, поделимся любя...

— Бери,—кричат то тут, то там,—народ помощь готов!
И подписала беднота две тысячи пудов.
Моряк поднялся, шапку снял и ленточки взвились.
— Товарищи,—тепло сказал,—мы перестроим жизнь!

— Сибирякам привет свой шлёт Советский Петроград,
— И Красный фронт, и Красный Флот, и также мой
отряд...

Тут бескозыркой он махнул, винтовку снял с плеча,
К столу отбросил шаткий стул, прикладом застучал:

— Теперь, даёшь—на кулаков, как указал Совдеп,
— Из всех амбаров и мешков возьмём кулацкий хлеб...
И в тот же вечер, дотемна (глядели мы тишкѸм)
Свезли кулацкого зерна три тысячи мешков...

Потом, поставив караул, моряк явился к нам,
Кисет с махоркой развернул и сразу к старикам:
— Позвольте переночевать, знакомы будем впредь.
Уселся с нами чаевать, стаканами греметь.

Хорош, красив, проворен он столичный кавалер.
(Сверкает куртка чёрная и сбоку—револьвёр).
Умен, речист и ласков он, приятно посмотреть,
А я гляжу с опаскою, боюсь стыдом сгореть.

Простая девка, тёмная, не вымолвлю ответ.
И... думка неуёмная—что платья даже нет.
Дерюжка домотканная, невзрачен мой наряд,
Сижу я неприбрáнная. А тятка гостю рад.

И морячок, взглянув в окно, такую речь ведёт,
Что продотряд у нас зерно задаром не берёт,
Что есть товар для бедноты (но не для кулаков).
— Не пожалел,—толкует,—ты нам четырёх мешков,

— А я, ведь, знаю, что у вас себе зерна в обрез...
— Гвоздей дадим, железный таз и ситчику отрез!..
— Сейчас республика бедна, но бедность не порок:
— Придут другие времена, теперь не долгий срок...

—А ситец,—хвалит,—лучший сорт. Даём лишь для друзей!
— Как раз на платье подойдёт для дочери твоей.
Меня с улыбкой оглянул, за чай благодарил.
Потом собрался в караул и трубку закурил.

Недолго он гостил у нас, всего четыре дня.
Но не забыть мне серых глаз и в голосе огня.
Хорош, красив, проворен он столичный кавалер.
(Сверкает куртка чёрная и сбоку—револьвёр).

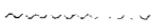
Теперь пришла большая жизнь, счастливые века.
И, вижу я, слова сбылись балтийца-моряка.
В колхозе нашем, «Новый мир», я—знатный полевод,
И вся советская Сибирь узнала мой рекорд.

Я стала грамотной давно и счастлива вполне,—
Есть муж и сын, и дочка, но... сознаться надо мне...
В моём комодe, под бельём, как голубой туман,
Лежит под шёлком и сукном линялый сарафан.

Частенько, собираясь в клуб, или на съезд куда,
Я вспоминаю чёрный чуб и давние года.
Не знаю—жив, не знаю—нет. А если встречу вдруг?
Что скажет мне теперь в привет, мечты девичьей друг?

Хороший мой, веселый мой, столичный кавалер..
(Сверкает куртка, взор стальной и сбоку—револьвёр).

1933. Усолье-Сибирское

ПАДУНСКИЙ ПОРОГ

ПАДУНСКИЙ ПОРОГ НА АНГАРЕ

Всё глубже, глубже синева,
Вдали остались острова.
Разлив стремительной воды
Блестает россыпью слюды.
Изломом волн гремит река
Неизмеримо широка.

Табун взбесившихся коней—
Пять тысяч яростных камней,
Поднявши головы, плывут,
Гранитным голосом ревут.
И, словно гривы, над водой
Вскипают пеною седой.

Не канонада землю рвёт,
Поток в ущелье грудью бьёт.
Раздвинув горные хребты,
Падун стремится с высоты.
Тяжёлый, ровный, мощный гул
Глухие дебри захлестнул...

Мои друзья—фронтовики,
Приятели и земляки,—
Все те, кто здесь бывал хоть раз,—
Я эту песню спел для вас.
Когда идём мы с вами в бой,
Припомним наш Падун родной.

Упорство камня в нас живёт,
Неукротимо сердце бьёт.
Могучей выдержкой сильны,
Мы наподобие волны—
Всегда готовы наступать,
И нас врагу не задержать.

У нас характер Падуна—
Так доказала всем война:

Сибиряки в любом бою
Стоят за родину свою.
А если дан приказ:—Вперёд!—
Ничто назад не повернёт.

1943. Лето

~~~~~

СОЛДАТСКИЕ ПРОВОДЫ

(Поэма)

I

В колхозном клубе празднично.
Над входом—
Пушистые гирлянды, запах ёлки и флажки
Из тёмной зелени вздымают гребешки,
Как птицы,
Голубые и красные...

Высоким небосводом
Проходит солнце.
Влажный ветерок
Доносит в клуб певучий гром прибора.

А в зале пусто.
Виден каждый уголок.
Мы с председателем остались двое.

Оглядываемся кругом:
Как будто всё в порядке,
И мы оценивать убранство не спешим...
Полы, промытые с песком, светлы и гладки,
Зал кажется нарядным и большим:
Гирлянды, самодельные плакаты и портреты,
Над сценой лозунг—молнией прошёл.
Девической заботою согреты
Осенние цветы на окнах.
Хорошо!

II

Мы украшали, с девушками вместе,
Колхозный клуб всю ночь.
А на заре

Они ушли—
Подруги и невесты.
И, слышно было, песни пели во дворе—
Байкальские, задумчивые песни
О милых, о разлуке, о любви...

А в зале, видел я, как Таня Беломестных
Тихонько плакала,
И взгляд её ловил—
Украдкой—
Моего приятеля, Никиту,
Сердечную зазнобушку её.

Но парень что-то хмурился сердито
И председателю расхваливал солдатское житьё.
Тот терпеливо слушал-слушал,
Потом Никиту подтолкнул плечом
И говорит вполголоса: «Хвастуша,
Ты думаешь, тебя на фронте калачом
Накормят с мёдом?
Друг любезный,
В солдатах боевая будет жись.

Отведаешь её—назад придёшь железный,
Такие нам и надобны...
Ну, а теперь катись!
Подумаешь, какой герой, стоит и брешет:
А что, зачем—и сам не разберёт...
Пошёл бы лучше девушку утешить,
У самого, чай, на сердце скребёт...»

Душевный человек наш председатель.
Никита, видно, понял, покраснел,
Вздыхнул о чём-то мой приятель
И незаметно к девушкам подсел.

А Таня в это время украшала
Гирляндой листьев сталинский портрет,
И полутьма увидеть помешала—
Проплакалась девчина или нет.
Но, я уверен, Сталин бы Танюшу
За девичью слезу не осудил,
Он понял бы мятущуюся душу—
Сомнений и надежды юный пыл.

Да, счастлив тот, кто чувства не утратил,
Чьи страсти движут мысли и дела,
И, если слёзы, стоит ли скрывать их?
Ведь их любовь и молодость дала.
Ведь тот, кто плачет, радоваться может,
Живое сердце ждёт себе ответ.
И пусть его сомнение тревожит,—
Для равнодушных будущего нет.

III

Обычаи советского Байкала
В колхозе нашем крепко прижились.
В моём календаре переплелись
Все праздники, в которых ликовала,
Торжеств своих от мира не тая,
Приветливая родина моя:
День Октября и солнце Первомая,
И Новый Год, и первый сетестав,
Когда гудит путина штормовая...

Чудесна жизнь! Чудесна и проста!
Прекрасны труд и отдых, и забавы.
Веселье наших зѣмних вечерин.
Лихой задор охотничьей облавы,
Могучий ход стахановских путин,
Под парусом мальчишеская гонка,
Соревнование в починке неводо́в,
Ремонт снастей, моторов и судов...
Шумит-живѣт родимая сторонка.

Пусть здравствует и славится она,
Победами дорогу отмечая,
Год-от-году мужая и крепчая,
Детьми своими верными сильна.

IV

Осенний праздник нашего колхоза—
День проводов призывников.
Который год
Так повелось,
Сейчас и не упомяну...

На берёзах
В ту пору—листья жёлтые, как мёд,
Утрами по низинам первый иней,
И всех куда-то тянет далеко,
Должно быть, вслед за птицами...
Байкал прозрачно-синий
И синие над ним полосы облаков.

В рыбацких хатах всюду оживленье,
Тревога материнская растёт.
Призывники давно уж в нетерпенье,
Как птицы, приготовились в отлёт.
Побритые, приглаженные ходят,
А грудь у каждого—ну, целый арсенал!

Каких значков ребята не находят!
Я у дружка, Никиты, их пересчитал.
Он с честью носит знак «парашютист»,
Имеет ГТО, как говорят, «на две ступени».
Он ворошиловский стрелок и альпинист—
Ну, это всё, конечно, без сомнений.
Я с ним охотился и знаю. Но когда,
Когда
Успел он стать кавалеристом? Непонятно.
Я усомнился.
Вышла целая беда:
Мне подозренье взять пришлось обратно.

Никита обозвал меня «отсталый элемент».
И объяснил:
Что именно за этим
(Мне был с усмешкою показан документ)
Он в Баргузин и ездил нынче летом:
Сдал нормы на «кавалериста», две подряд...

Да, мне пришлось постыдно извиняться.
А, впрочем, я товарищески рад:
Люблю Никиту, надо вам признаться...

V

Таких парней мы провожаем каждый год.
У них, у всех, особенное счастье—
Берут их только или в Красный флот,
Или в пехоту, в снайперские части.

За десять лет—бракованных один.
Стыда от вас не скрою, это я.

Военный доктор, странный гражданин,
Порок нашёл сердечный у меня.
Я пробовал ему ошибку доказать:
— Позвольте, мол, товарищ, я—здоров...
Так он не стал со мною рассуждать.
Не переспоришь наших докторов.

Обида на меня свалилась вдруг—
Охотника забраковали.
Вот позор!
Я помню, как на пункте политрук
Завёл со мною мудрый разговор:

— В тылу-де, тоже люди нам нужны,
Работайте да сердце берегите...
Тогда я промолчал,
Но в грозный час войны,
Товарищ политрук, хотите, не хотите—
Явлюсь и без повестки...
Пусть в обоз,
Пусть кашеваром,
Но поближе к бою.
Я тоже ведь хочу, чтоб мой колхоз
И мой отец
Могли гордиться мною...

Семь лет прошло.
Всё чаще сердце бьёт.
Подростки на глазах моих мужают.
Друзей, идущих в Армию, во Флот,
Я каждый год с тоскою провожаю.
Я им завидую...
Хотя и у меня
Есть ворошиловский значок,
И по мишени
Дистанцию предельного огня
Беру я стоя, лёжа и с колена,
Но... всё не то.
Не то, о чём мечталось.

Судьбы своей никак не избежать.
Одна лишь мне забота и досталась—
Друзей в поход военный провожать...

VI

Задумчивость мою нарушил председатель:
— Ты что же,—говорит,—должно быть,
задремал?

Часы не ждут. Дремать теперь некстати.
Покажем-ка, чем славится Байкал...

Два знамени скрестили мы над сценой.
И, правда—
Нашу славу видим мы,
Одно—широкое—малиновою пеной
Сверкнуло в золоте кистей и бахромы.

Почётная награда вам знакома?
Отмечен ею
Победивший труд:
От имени райисполкома
За первенство её передают.

Переходящим знаменем мы горды.
В колхозе нашем третий год
Гостит переходящая награда.
Руки твёрды:
Надеемся, и дальше не уйдёт.

...Из шёлковой рубахи кто-то сшил
Второе знамя.
Ветхое, с заплатой.
Неведомый таёжный старожил
Его украсил надписью крылатой:
«За власть Советов!».

Пулями насквозь
Полотнище пробито не однажды;
Оно когда-то бурей рвалось
Над головами честных и отважных
Байкальцев—
Легендарных партизан.
С ним деды шли к великому походу
Через снега, огонь и ураган,
И принесли нам славу и свободу.

Два знамени скрестили мы любовно,
Для всех они сегодня на виду:
Могучая народная готовность
Идущих к обороне и к труду.

VII

День проводов пришёлся в воскресенье.
В избе завклуба жарили, пекли,
Готовили свежину и соленье.
Хозяйки постарались, как могли.

Хозяйничали матери и сёстры,
Невесты молодых призывников.
Всё было незатейливо и просто
В обычае байкальских рыбаков.

Призывникам, справляя на прощанье
«Отвальную»—
Общественный обед.
Проводим мы колхозное собрание,
Передаём последний наш привет.

Колхоз на это дело не скупится,
А сверх того и каждая семья
Зажитками готова поделиться:
Призывники—родные сыновья.

Ещё в канун к завклубу приносили
Икру, творог, дичину, осетров.
(Колхозники пятнадцати фамилий
В дороженьку готовили сынов).

Потом знакомцы, кровные, родные
Тащили в клуб налимов и гусей,
Окорокá медвежьи и свиные,
Варенья и копченья всех мастей.

Пятнадцать самых сдобных караваев
Сготовили подружки рыбакам,—
С узорами, от края и до края,
Из ягод—
«ВМФ» и «РККА»...

VIII

Пришлось нам с предколхоза постараться,
Мы взяли на себя ярмо забот.
К полудню гости будут собираться.

Обед затянется,
А в восемь—пароход,
И с ним уедет боевая смена.

Всё надо вò-время закончить и начать.
Столы в шеренгу сдвинем.
Стулья ближе к стенам.
Льняные скатерти, как снежная парча,
Разостланы без складки, без морщины.

Сто приборов!
Разнокалиберной посуды целый взвод
Со всей деревни собирали па гостины.
Тарелки есть щербатые,
Да, ничего, сойдёт...
У нас не в ресторане.
Будет сыто.

И гости не обидятся на нас,
Откушав из посуды побитой.
Колхоз ещё фарфора не запас.

Не будет также водки.
Будет брага.
Густая, как весенняя смола,
Пахучая, сверкающая влага—
На солоде и с мёдом пополам.

Мы с предколхоза пробуем из жбана.
— Приятно!—председатель говорит,
Хлебнувши медовухи с полстакана.
— Умеет брагу бабушка варить.
— Наверно, и сама пожалует к обеду...
— А как же, обещалась быть.
Да вот.
Никак, она?
Видали непоседу?..

IX

Торжественно прабабушка идёт.
На ней «курмушка», стёганая ватой,
Лосиные сапожки и платок,
Пуховый полушалок небогатый.

В руках,
Как будто сказочный цветок,—
Охапка огненных кистей рябины.

Не отвечая нам, она идёт.
Глаза у ней, как тёмные глубины...
(Подумать только, сто четвёртый год
Устинье Ильинишне!)
Горделиво,
Справляя свой старушечий закон,
Она идёт к портрету Сталина
И отдаёт поклон
Степенно, истово и молчаливо.
Потом уже здоровается с нами.
Мы, также молча, кланяемся ей.

Х

А в это время, хлопая дверями,
В клуб входит целая волна гостей.
Призывники толпой явились сразу,
Ударники осенних промыслов.
И вместе с партизаном Бедолазом
Парторг колхозный Николай Багров.
Он помахал рукою гармонистам,
Ему в ответ кивнули головой.
И грянул марш «Советские танкисты»—
Стремительный, задорный, боевой.

Зал ожил.
Оклики, рукопожатья, разговоры,
Смех девушек, басистое гуденье стариков,
Гремучие баянов переборы,
Шуршанье платьев,
Вспышки шёлковых платков...
У всех сегодня праздничное настроенье,
По-праздничному и одеты нынче все.
Отцы и матери таят своё волнение,
Как будто и спокойные совсем
Садятся за столы.

(Тут тоже не без планов)—
Посредине,
Под самые знамёна,

Садят в ряд
Призывников, парторга, партизанов;
Напротив них—
Родителей, ударников бригад,

Всю знать колхозную.
А дальше, за столами,
Усаживают остальных гостей.
Немного тесновато меж рядами,
Да, впрочем, так, пожалуй, веселей,
И в тесноте, да не в обиде...
Предколхоза
Постукивает вилкой о стакан
И начинает речь...

XI

Поэзия и проза,
Широкая и узкая строка
Не в силах передать речей застольных:
Разбег глаголов,
Пафосный задор,
Игру метафор красочных и вольных—
Неведомых литературе до сих пор.

Язык Сибири славился издревня,
От всех наречий был особняком.
Но говорит байкальская деревня
Советским, полнозвучным языком.

И я люблю колхозные собрания,
Где выступает с речью патриот,
Волнуя сердце яростью дерзанья.
И призывая к подвигам народ.
Такую речь я слышал на Байкале.
Навеки мне запомнилась она.

Притихшие сидели люди в зале.
Сосредоточенность была и тишина.
Суровые, обветренные лица,
Осенний полдень—
В окнах зыбкий свет,
Знамёна, как взлетающие птицы,
И между ними—сталинский портрет.

ХII

Обычаем завещанное слово
Взял Стёпа Буткин—
Лучший следопыт,
Краса и гордость наших звероловов.
Он по всему Байкалу знаменит...
Взволнованный, наш Стёпа поднял руку
И обещал,
От имени призывников,
Осваивать военную науку,
В любом бою разить любых врагов...
Тут он потряс пудовым кулачищем,
Сконфузился
И вдруг пробормотал:
— Медведей иногда щадили,
А врага отыщем—
Не пощадим.
Бить будем наповал...

Мы дружно хлопнули в ладоши...
Партизаны,
Расправив бороды и сивые усы,
Приподняли янтарные стаканы
И, словно гром, ударили басы:

Песня под боевым знаменем

Запевайте песню, командиры,
Боевое знамя ветер вьёт,
С ним прошли походом по Сибири,
С ним пойдём сегодня мы в поход!

Силе нашей не было преграды:
Смяты под ударами атак,
Пали чужестранные отряды,
Каппель, и Семёнов, и Колчак.

Запевайте песню дружным кругом,
Армия Советская верна!
Встаньте же, солдаты, друг за другом,
Молодёжь подтянет в голос нам.

Пулями пробитое, родное,
Знамя наше к подвигам зовёт,
Знамя наше реет боевое—
С ним пойдём и завтра мы в поход...

ИРКУТЯНЕ В СТАЛИНГРАДЕ

...Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...
Пушкин

...Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел...
— Эй, земляки, далёко вы попали!
Ночь. Слякоть... Не видать ни зги.
Запели «Ермака», да оборвали.
И только слышно,—грузные шаги
По деревянным сходням грохотали.
Людская лава скатывалась вниз—
На пристань, на понтон, на пароходы...
Казалось, что штыки с людьми срослись—
Так шли пехотные, сомкнувшиеся взводы.
Казалось, что тяжёлые стволы
Закутанных чехлами миномётов
По воздуху катились среди мглы,
Поднявшись на плечах своих расчётов.

А в небе, в пропасти, простреленной насквозь,
Гудело, выло, лязгало, рвалось,
Огромные, святящиеся руки
Ощупывали тучи вкривь и вкось.
Земля дрожала от тоски и муки.

Вода хрипела возле якорей,
Горячий дым стеною падал в Волгу.
И с западного берега подолгу
Рычали глотки дальнобойных батарей.

Посадка шла без перебоя.
Каждый видел
Пылающий заречный Сталинград.

Сердца стучали в яростной обиде,
И каждый прижимал свой автомат
К себе,
К груди,
Скрывая в нетерпении
Тревожное своё сердцебиенье.
А волноваться было от чего...

Далёкий город в огненном тумане
По временам бесследно исчезал,
Потом, качаясь, словно на экране,

Неуловимо быстро возникал.
Казалось, он на помощь призывал,
Огромный, ослепительный, дымящийся,
Притиснутый осадой к реке,
Полуночными бурями гремящий
Корабль...
Таким он показался вдалеке.

Посадка шла по расписанью.
Эшелоны
На баржах, на шаландах, на плотках
В подсумках перещупали патроны,
Оружие проверили впотьмах.
И чей-то голос, твёрдый и басистый,
Запеть опять пытался «Ермака».
Но были пушки слишком голосисты,
И незнакома тёмная река,
И в темноте не молнии летали—
Висели гроздя вражеских ракет...

И «Ермака», не спевши, оборвали.
Отчалили неслышно...

Только дед,
Усатый, старый волжский рулевой,
Тряхнув сурово лысой головой,
Перекрестился истово и строго
(Томила, видно, старика тревога),
Шептал в усы, нагнувшись над кормой:
— Сибиряки пришли... Надёжная подмога...

1942.

ЯБЛОНЯ «ЖЕЛТЫЙ ЧЕЛДОН»¹

Если ночью на пути—мины и пурга;
Если трудно в бой итти по сухим снегам,
Если друг устанет мой
И поникнет головой,—

---

¹ «Жёлтый челдон» — зимостойкий сорт яблони, выведенный иркутскими садоводами и получивший массовое распространение в Восточной Сибири.

Догоня первый взвод,
Друга позову:—Вперёд!
Запевай-ка, милый мой, со мной...

Чтобы не скучал отряд,
На полях войны
Вспомним яблоневый сад
Сибирской стороны:
Пену ласковых цветов,
Зелень тёплую листов,
Ствол упругий и прямой.
Вспомни, друг ты милый мой:
На сверкающий простор
К солнцу яблоня рвалась,
Бурям всем наперекор...
Вспомни, что она звалась
Так же, как зовут меня,
Так же, как тебя зовут.
(Песню; листьями звеня,
Ветви нам вослед поют)
Помнишь твёрдых листьев звон?
— Сибиряк ты мой, челдон,
— Шлёт Байкал тебе поклон!

Если в час глухой, ночной, бомбы землю рвут;
Если в тучах надо мной «фоккеры» плывут,
Если затоскует друг,
Скажет:—Страшен жизни круг...
Отвечаю я:—Вперёд!
— Солнце завтра нас найдёт,
— Унывать сегодня недосуг.

Вспомни, вспомни яблоню,
Зорьку небосклона.
Вспомни, друг мой, яблоню—
«Жёлтого челдона».
Прибайкальские сады,
Озарённые плоды.
Блеск девической косы,
Запах мёда и росы.
На сверкающий простор
Эта яблоня рвалась
Вьюгам всем наперекор.
Вспомни, что она звалась
Так же, как зовут меня,

Так же, как тебя зовут.
(Песню, листьями звеня,
Ветви нам вослед поют).
Помнишь тёплых листьев звон?
Сибиряк ты мой, челдон,
Шлёт Байкал тебе поклон!

Если шум ночных атак заглушит меня;
Если рвётся чёрный враг, лязгает броня;
С этой песней первый взвод
Выдвигается вперёд.
В бой идут сибиряки,
Бронебойщики—стрелки,
Вместе с ними песенка идёт:

Далеко, за сотни вёрст,
Дом отцовский мой.
Но земли сибирской горсть
На груди со мной.
Пусть в родимой стороне
Вспомнят нынче обо мне:
Там колхозная семья,
Там и яблоня моя.
На подножьях древних гор
Наша поросль поднялась
Бурям всем наперекор.
Вспомни—яблоня звалась
Так же, как зовут меня,
Так же, как тебя зовут...
(Песню, листьями звеня,
Ветви нам вослед поют).
Слышишь твёрдых листьев звон?
— Сибиряк ты мой, челдон!
Жёлтый, крепкий мой челдон,
Шлёт Байкал тебе поклон!

1943.

БАЯНДАЙ

Якутский тракт в раздолье снеговое
Перемахнул степями напролёт,
Там Баяндай—село притрактовое,
Моя любовь и молодость живёт.

Земляк, земляк! Припомни год счастливый,
Ты первый трактор вёл для МТС.
Над Прибайкальем дымчатые гривы
Стеной предгорий встали до небес.

Крепчал мороз, земля в сугробах стыла,
Знобящий сумрак вихрями кружил,
Но в нас кипела яростная сила.
Тогда я песню для тебя сложил:

Зима уйдёт,
Растает хмарь седая.
Мы на весну погоду повернём.
Добраться б только поскорей до Баяндая.
А там, в тепле, мы славно отдохнём.

Село у нас—колхозная столица.
Угодья рядом—пашни и луга.
В полях густела тучная пшеница,
А лесу было—целая тайга.

Богато, сыто, весело мы жили.
Душа росла спокойна и сильна.
И навсегда запомнят старожилы
Тот день, когда ударила война.

На сборный пункт пришли мы по приказу.
Июльский день, казалось, леденел.
Но земляки запели песню сразу.
И тот напев доньине уцелел:

Зима уйдёт,
Растает хмарь седая.
Мы на весну погоду повернём.
Добраться б только поскорей до Баяндая.
А там, в тепле, мы славно отдохнём.

Слились недели в месяцы и годы.
Жестокий путь проходим мы с тобой.
Огнём бушуют вьюги-непогоды,
Грохочет сталью ветер фронтовой.

Мы под Москвой, потом под Сталинградом,
В одном полку встречаемся, земляк.
Под плащ-палаткой часто спали рядом,
Делили хлеб и водку, и табак.

Сибиряки—советские солдаты—
Сроднились мы в бессмертные годѣ.
И по ночам, готовя автоматы,
Бормочем мы тихонько иногда:

Зима уйдѣт,
Растает хмарь седая.
Мы на весну погоду повернѣм.
Добраться б только поскорей до Баяндая,
А там, в тепле, мы славно отдохнѣм.

Пусть далека дорога к Баяндаю.
Сквозь кровь и смерть проложим мы еѣ.
В родных домах давно нас поджидают.
С победой ждѣт отечество моѣ.

Мы будем жить привольнее и краше!
Леса и пашни ярче будут цвѣсть!
Края отцов, село родное наше,
Тебе несѣм любви сыновней вѣсть.

Настанет час счастливой нашей встречи.
Вернѣмся мы, поход закончив свой,
И, распрямив натруженные плечи,
Споѣм на тракте утренней порой:

Зима уйдѣт,
Растает хмарь седая.
Мы на весну погоду повернѣм.
Добраться б только поскорей до Баяндая,
А там, в тепле, мы славно отдохнѣм.

ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР АРКТИКИ

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ЧУКОТКЕ

Серебряные тучи,
Эмалевые горы,
Береговых излучин
Чеканные узоры.

Я полон недоверья:
Ужели полночь—это?
Ис солнечные перья
Не потеряли света

А на часах двенадцать.
И где-то дремлют люди,
И сны кому-то снятся,
Такие ж как повсюду...

Мне третью ночь не спится.
Гляжу заворожённый:
Чудесный свет лучится
Бессмертием рождённый.

В теплеющем заливе
Заснувшего китёнка
Волна неторопливо
Качает, как ребёнка.

А дальше мать-китиха,
Полна своей заботы,
Фонтан пускает тихо,
Почти под самолёты.

Летающие лодки
Неслышно опустились.
И, вот, земля Чукотки,
К которой мы стремились.

Мой брат, или мой пращур,
Не знаю, кто встречает,
А сердце бьётся чаще
И другу отвечает.

Нам дороги приветы
Полночной этой жизни.
Но ею ли согреты
Окраины Отчизны?

Чукотские просторы,
Задымленные кручи,
Эмалевые горы,
Серебряные тучи.

1945. Мыс Кутугунда

ЛЕНСКИЕ СКАЛЫ

Скалы? Нет, не похоже на скалы—
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет, не похоже на горы.
Это—башни, дворцы, теремá,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, домá...

Ты мне скажешь: утёсы? Да, что ты?*

Это—стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты...
Ты толкуешь: «причуды камней».

Но вот это—конечно, не камень!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шелом.

Там, подальше, стоят великаны,
По колени увязнув в тайгу,
Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь, лезвия? Здесь воевали!..
Дремлют палицы, спят бердыши,
На секирах насечки пропали.
Только копья ещё хороши!

Высоко они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели
Это—ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим,—и не скушно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на ленские воды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской, чудесной стране.

1945. Сангах-Тая

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, тёмное;
Ветром полюса взбалмучено,
Будто судорогой скручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами тальными;
Берега́ твои бескрайные,
Редки гавани случайные.

Но прекрасно, даже гневное,
Ты, седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом—ледовитое.

Люди русские всегдашние,—
Наши прадеды бесстрашные
Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали;

Зимовать на берег чалились,
Не робели, не печалились,—
Проторили тропы правнукам,
Молодым друзьям—полярникам.

Имена их светят скромные,
Словно звёзды в ночи тёмные—
Маяки, сигналы, пристани,
Обозначенные исстари.

Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное!
Мы твоей волной умоемся
И ещё с тобой поборемся.

Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

1944.

ЭСМИНЦЫ В ВОСТОЧНОЙ АРКТИКЕ

В плывучих льдах они малы и хрупки.
Мохнатый иней стынет на бортах.
Стальные, остроносые скорлупки—
Они впервые в наших широтах.

Откуда шли, куда пойдут сегодня,—
Рассказывать не будем мы сейчас.
Для них дороги в Арктике свободны,—
Вот, что должно порадовать и вас.

Конечно, бури, слякоти и штормы,
Напор полей расколотого льда,—
Всё это было (даже свыше нормы).
Но, главное, они прошли сюда.

Порадуйтесь! И пристальней взгляните
На это море дыблящихся глыб,
Багрянец солнца мутного в зените,
И на стальных, заиндепевших рыб.

Пуржит, свистит, свирепствует моряна,
На мачтах поднят вымпел штормовой.
От океана путь до океана,
А нынче год зловерный, ледовой.

Туман прядёт густеющую пряжу.
Ещё не кончен северный маршрут,
Но я спокоен.
Если им прикажут,
Эсминцы и до полюса пройдут.

1945.

БУХТА АМБАРЧИК

Чем ты славишься, бухта Амбарчик,
Я пока никому не скажу.
Заколдованный северный ларчик,
Я с востока к тебе подхожу.

Но и тот, кто плывёт мне навстречу,
Ждёт твои голубые огни
И в июльский блистающий вечер,
И в сентябрьские серые дни.

О тебе говорят мореходы,
Ледоколы стремятся к тебе.
Ты встаёшь сквозь заслон непогоды,
Угнездившись в прибрежной резьбе.

Неказисто кругом, неприглядно,
И суров после шторма прибой.
Но полярному сердцу отрадно
Повстречать твой огонь голубой.

Лишь бинокли тебя обнаружат,
Посветлеет в пустынях ночных,
Забывается знобкая стужа
И коварство полей ледяных.

Заколдованный, северный ларчик
На далёком, скупом берегу
Ты прославишься, бухта Амбарчик,
Честным словом поклясться могу!

1945.

ПРОЛИВ БЕРИНГА

Увидел нынче я его
В середине дня.
Виденье детства моего,
Встречай меня!

Не в сводках Северморпути,
А наяву
С подводной лодкой мне идти.
И я плыву.

Плыву туда, где Беринг плыл
На рубежи.
Где в полночь солнца свет застыл
В морях чужих.

На стыке двух материков
Тумана нет.
Под парусиной облаков
Лучится свет.

Мне померещился вдали
Тяжёлый бот.
Быть может, Беринг корабли
Опять ведёт?

Быть может, Дежнева суда
Навстречу нам
Под ветром тянутся сюда
Вразрез волнам?

Нет, это новый караван
В советский порт,
Перевалив меридиан,
Ведёт эскорт.

Два миноносца впереди
Взметнули флаг.
Дана команда: «Подходи
И следуй так...»

Зарокотали дизеля,
Вперёд, вперёд!
Большая русская земля
Сигнала ждёт.

Радист у нас не говорлив.
И вот ответ:
— Проходим Берингов пролив,
— Отставших нет...

Отставших нет. Проверен путь.
Не нужен лот.
Звездой арктическую будь,
Полярный Флот!

1945.

ЯКУТСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

За четыре шага
На оленьи рога
Опускается лютая ночь.

Слюдяная луна.
Леденец валуна.
Глухومانное место—урочь.

Месяц—тундровый март.
Место—город Колымск.
Россыпь звёзд—накануне весны.

Скрип взлетающих нарт.
Бледной вьюги азарт.
Тяжелы заполярные сны.

Но у самой последней избы, за углом,
Тёплый храп и качанье рогов;
Почтальон поправляет медвежий шелом,
Привезённый с других берегов.

Спит Колыма-река, промерзая до дна.
Но ледяшкой стучит почтальон.
На страницах «Известий» приходит весна
Потеплевшим дыханьем времен.

И пока отдыхая, в горячем поту,
Почтальон распивает чай,—
Горожане, проснувшись, спешат в темноту
Проверить ожидания свои.

Белокрылые стаи хрустящих газет
Говорливей соседей-гостей.
Будто ярче играет полунощный свет
Отраженьем больших новостей...

В многолюдьи, оттаяв,
Довольный собой,
Под расписку сдавая тюки,
Почтальон засыпает
Над книжной стопой,
Не сгибая упрямой руки.

Путь жестокий—четыреста синих снегов,
Пять завьюженных северных дней;
Сквозь туман колыханье оленьих рогов,
Торопливые скрипы саней.

Ошалелая вьюга впадает в азарт,
Но спокойны якутские сны.
Место—город Колымск,
Время—тундровый март,
Россыпь звёзд—накануне весны.

1935. Становище Булгонях.

ОСТРОВ БОЛЬШОГО ДИОМИДА

Эскимосское стойбище. Ветер.
Океанский медлительный вал.
Горизонт по-полуночи светел.
Не во сне ли всё я увидал?

Многоликие идола-горы.
Разноцветные камни-столбы.
На песках водорослей узоры
И тюленьих лежанок горбы.

Пахнет морем солёно и пряно.
Зверобои сидят у костров.
Это племя детей океана,
Совладельцы двух островов.

Слушай, слушай! Ударил винчестер.
То меня подзывают к кострам:
Дескать, если охотился вместе,—
Ты не гость, а хозяин здесь сам.

Что ж, обычаем славна охота.
Два котла остывают в песке.
В знак, должно быть, большого почёта—
Мясо мне подадут на доске,

Остальные хватают руками.
Но завиден у всех аппетит!
Чашка спирта распита глотками:
— Здравствуй, остров Большой Диомид!

Любы мне твои чудные краски.
Неотрывно гляжу в океан:
Грузовые суда из Аляски
Задымили опять сквозь туман.

Говорят, тут проходит граница
Между прошлым и нынешним днём¹.
Этот остров—рубежная птица,
И сегодня—грядущее в нём.

1945.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТУНДРУ

Я перешел на другой меридиан.
Ровная тундра цветёт кругом.
Летние воды клубит океан,
Гонит волну золотым руном.

В проливе фонтанит бродяга кит,
Гагары купают жёлтых птенцов.
Чукотская кровь мне говорит:
— Это страна твоих отцов!

Смутно и нежно дымятся дали,
В кочках прыгают рыжие лемминги.
Круглые звёзды, словно медали,
Катятся в небе над морем Беринга.

---

¹ Между островами Б. Диомид (СССР) и М. Диомид (США) в Беринговом проливе проходит наша государственная граница и международная граница дня. Астрономические сутки начинаются в этой точке на советской земле, а заканчиваются на территории США.

Вечером, возле костра, в дремоте
Чувствую: травы теплы и сладки.
Слышу: ветер' ширококоротый
Мчится на южный берег Камчатки.

В ночь засыпаю, как спят соболя—
На моховище, среди камней.
Вольная тундра, отцова земля,
Юность моих незакатных дней!

1933. Зимовье Кутугунда

1931—1937

СИБИРЬ—ПАРТИЗАНСКАЯ РОДИНА

...Но мёртвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперёд—
Не гранате, не пуле сегодня власть
И не нам отступать черёд.

Н. Тихонов.

БОЛЬШАЯ АНГАРА

СОБИРАЛИСЬ ОТРЯДЫ

Поход начинали
Шесть человек.

Шесть человек,
Ветер да снег.

Ветер да снег,
За горой гора,

Под горой, вразбег—
Река Ангара;

Река Ангара
Несёт шугу,

Ледяная кора
Плывёт в тайгу.

Плывёт в тайгу,
Парусит ладья.

Паруса в снегу.
Торопись, ладья!

Осерчал мороз,
Стеклоенеет вал,

За кормой торос
В три сажени встал.

Приставай в затон,
Не найдут следа...

Падуны вдогон
Наговор гудят:

— Чтоб тайга—вразлом!

— Чтоб враскол—гора!

— Принимай гостей,

— Река Ангара!..

. . . . .

Перешли Ангару

Шесть человек,

Шесть человек,

Ветер да снег.

Ветер да снег,

Не бойся погонь!

Первый ночлег.

Полыхнул огонь.

В тучах повис

Заревой глухарь;

Ночью на свист

Отзывалась гарь;

Ночью на свист

Верховой скакал,

Ветер гремел

Через весь Байкал.

Кланялись кедры,

Аукал сыч.

Слушал медведь

Партизанский клич.

Камни под снегом

Хрустели: «Пора!»

Вспять собиралась

Река Ангара!..

КЕШКА БЕДОЛАЗ В ПАРТИЗАНЫ ИДЕТ

Горький дым самосада,
Брезжит лампочки желчь.
В крутобоких зарядах
Вбита волчья картечь.

На простенке—бердана,
Рыболовный багор
И, как сталь ятагана,
Голубеет топор.

На столе—опояска
Запылённых гранат...
Баба смотрит с опаской:
Вдруг они загремят?

Сухари уложила,
Калачей напекла;
Всю неделю тужила,
Слёз унять не могла.

Колчаковские волки
На деревню идут;
Кулаки, втихомолку,
Смертный список ведут.

И по этому списку
Самый первый как раз—
Кешка, сын Феоктистов,
Лесоруб Бедолаз.

— Не уедешь—пристрелят.
А уедешь—куда?..
Собирая постели,
Баба шепчет: «Беда».

Отрываться не сладко
От родного тепла,
Помыкаться украдкой
Без двора, без угла.

Полночь бьёт на задворках,
Час попутный, пора.
Кешка шурится зорко:
— Быть в тайге до утра!..

Баба в голос заныла,
Слёзы бабьи теплы.
Поглядела уныло
На пустые углы:

— Иннокентий, куда мы?
Лучше здесь помереть!..
Снег шипит под ногами,
Ночь темна на дворе.

Там в саях, по порядку,
Немудрёный запас,
Опоясал укладку
Ремешок-самовяз.

Ветер рывкнул сердито,
Но последним гвоздём
Двери плотно забиты:
— Будем живы—придём!..

Заскрипели полозья,
— Дом отцовский, прости...
Ночь темна и морозна,
Месяц в тучах грустит.

ГИБЕЛЬ ДЕРЕВНИ

I

За деревней
Лагерь на поляне.
Закрывает лавочку лабазник.
С хлебом-солью вышли поселяне,
Поп оделся в ризу,—будто праздник.

Господин хорунжий дёрнул стремя,
Перекинул шашку на колени.
Кулаки—догадливое племя—
Полегли на землю, как тюлени.

Поп с крестом отвесил три поклона:
— Заждались мы, ваше благородье...
А на блюде соболь да икона,
Золотое, пышное угодьё.

Сам кабатчик в синей разлетайке
Хлеб и соль подносит, не робеет:
— Выдаём советских без утайки,
Партизан покажем, лиходеев...

Трубачи дудят перепелами,
Верховые двинулись, как тучи;
Пономарь трясёт колоколами,
Медный гул тревожный да тягучий.

Поскакали к избам квартирьеры,
На папахах золото кистями...
— За Сибирь,
— За родину,
— За веру!
— Веселись хозяева с гостями!
— Наливай вина и медовухи,
Приготовь постели пуховые!..

Заскулили девки и старухи:
Гостеньки—разбойники лихие,
Налетели в избы, как ворёны.
Слова им не вздумай поперечить,
подавай печёным и варёным,
А не то—нагайкой изувечат.

Дыбом встали избы в Безымянке,
Пьяный зык рокочет с перепоя.

А у самой церкви, на полянке,
Столбовую виселицу строят,
Будут вешать—прочим для примеру:
За Сибирь,
За родину,
За веру.

II

Ча с т у ш к и: Распахнулись ворота,
На окошках тает лёд,
Колчаковская пехота
Реквизицию ведёт.

Подтяни затвор потуже,
Штык наточенный—не тронь.
Выворачивай наружу
Деревенское нутро.

Хлеб увозят из амбаров
До последнего зерна:
Говорят, берут не даром—
Рассчитаются сполна.

Вьют сено фуражиры,
Денщики несут поживы:
Кур, гусей и поросят
Забирают, не спрося.

Гости долго пировали,
Сладко спали,
Сыто жрали.
Хороша в Сибири жизнь,
Крепче за душу держись!

Объедались пирогами,
Угощались омулями,
Осетровою икрой,
Водку пили, ой-ой-ой!

Покорители Сибири,
Колчаковцы-командиры,
Все мордастые подряд,
По-собачьи говорят.

Пулемёты на подводу,
Мужики, не подходи,
Трубачи гремят к походу,
Трёхдюймовка впереди.

Баргузин позёмкой лепит,
Поднимает снежный плат,
Избы тёмные, как склепы,
Мертвецы в сугробах спят.

Хороша в Сибири жизнь—
Крепче за душу держись!

III

- Каковы кедровые орехи?
- Ничего не скажешь, хороши!
- Захватил в карманы для потехи,
От безделья плюй да шелуши...

Молодые, пьяные солдаты
Развалились в сѣдлах.
Скукота...
Старый унтер чѣртом бородатым,
Обшлага шинели закатал,
Притащил смолѣную лучину,
В трёх бутылках жѣлтый керосин:

— Принимай, ребята, для почину,
— К партизанским избам подноси...

Солдатыѣ отплюнуло орехи,
Кони рвут тугие поводѣ,
В кондовые избы и застрехи
Полыхнула алая вода.

Будто гром ударил Безымянку,
Будто с моря грянула гроза;
Шибанули бомбами в землянку,
Запалили избы партизан.

Брѣвна корчит огненная зѣмьять,
Головѣшки в пене смолевой,
Пепелища чѣрные—на память—
Обдувает ветер гулевой.

Вот взметнулись дымные стропила—
Старый дом Бесхлебных на дыбы.
Поднялась изба и раскатилась,
Только печи встали, как столбы.

Только ветер всхлипывает глухо—
Не вернёшь былого всё равно;
Пропадай, челдонская житуха,
Год труда за каждое бревно.

. . . . .

Вдоль по тракту движутся солдаты,
Переходят кони косогор,
Старый унтер—чѣртом бородатым,
В бороде—сибирский разговор:

— Каковы кедровые орехи?
— Ничего не скажешь, хороши!
— Захватил калѣных для потехи,
От безделья плюй да шелуши...

СУХАРНАЯ ПАДЬ

Есть такие места на Байкале,
Век ищи—не найдёшь с фонарём.
Дикий камень над морем оскален,
Гнётся берег гранитным ребром.

Узловатые корни кривые
Будто змеи ползут на уступ.
Не проедут сюда верховые,
Пешеход обойдёт за версту.

Излюбрины зыбкие тропки
В непролазном сухом кедраче,
Возле самого дула винтовки
Осыпается крик косачей.

А в ущелье пушистая пена,
Голубые стволы тополей,
Хрупкий снег глубиной по колена
И следы молодых соболей...

Есть одна гулевая дорога,
Да немногим известна она—
По ручью на Бобровую прдгаль
Тайный брод в ледяных валунах.

Перекаты дымятся с мороза,
От ключей тепловата вода,
Здесь плакучая никнет берёза
И в снегу притаился бадан.

Если выйдешь тропой за болота,
Под шатровой лесиной—курья,
А за ней, в частоколе, ворота
И весёлый дымок зимовья.

Лет за двадцать, а может и дале,
Неизвестно до точности—как,
Убежав в кандалах из централа,
С голодухи здесь умер варнак.

Говорят, что последний сухарик
Сберегал сирота до конца,
И остался сухарь, как подарок,
Для того, кто зарыл мертвеца.

Схоронили его в моховинах,
Даже места теперь не признать.
С той поры объявилась долина
По прозванью Сухарная падь...

Зимовьё разметалось просторно,
Для артельного дела как раз;
Доморощенный мастер топорный
Строил крепко, без всяких прикрас.

Острозубая сталь отсверкала,
Улеглась сосняковая гладь,—
Партизанскому штабу с Байкала
Пригодилась Сухарная падь.

СТАНОВЬЯ БОЛЬШОЙ АНГАРЫ

С четырёх ветров
На огни костров,
С четырёх сторон
На таёжный звон
Покатилась весть в гололедицах:
— Поднялась Сибирь, как медведица...

Пешие шли по глухим местам,
Шли по ночам да аукали.
Утром на роздых присев в кустах,
Бабы ребят забаюкивали.

Парни «обрезы» несли под полой,
Крыли «винты» полушубками,
Старые шли с батожьём да с сумой,
Девки вертелись голубками.

Сани скрипели. За возом—воз.
Рухлядь. Посуда. Съестная сыть.
С каждой деревни идёт обоз:
Где бы ни жить—
Лишь бы живу быть!

Живу быть—
На селе не жить,
Остаёшься жить—
Будешь слёзы лить;

Утирай слезу,
Запрягай коней,
На своём возу
Усади детей.

Захвати топор,
Подтяни ремень,
Вынимай запор,
Развали плетень.

Выгоняй коров,
Выводи телят...
Ото всех дворов —
Все ворота в ряд.

И пошла орда,
Только снег пылит,
Кочевать туда,
Куда мир велит.

Раздавайся вширь,
Мать-земля—Сибирь:
К партизанам жить—
Партизаном быть!

...Скачут обозы со всех дорог.
Пешие прут, и откуда их?
Речка за речкой,
Гора в разлог;
Ветер-шалонник
И тот затих.

Кони храпят, удила грызут.
Днище долины—рукой подать:
Пламя костров, как маяк, внизу—
Стан партизанский—
Сухарная падь.

Стан, будто табор. Подвод семьсот!
Лошади собраны всех мастей.
Ульем гудит боевой народ:
Съехались сразу с восьми волостей.

Издали будто бы голый лес:
Каждые сани—оглобли вверх...
Дым смоляной долетел до небес.
Песни и пляски, слёзы и смех.

С дальней дороги готовят еду,
Двадцать котлов, кашеваров сто.
Целых баранов в котлы кладут,
— Сала—не мало? Навар густой...
Здесь и закон и обычай прост:
Всё отдавай,
Ничего не жалей.
Каждый—хозяин, и каждый—гость,
Кушай да пей,
Да гляди веселей!

Чтобы в боях никогда не робеть,
В дальний собравшись путь,
Выучись сердцем своим владеть,
Старую жизнь—забудь!

1929—1934.

СИБИРЬ—ПАРТИЗАНСКАЯ РОДИНА

ПАРТИЗАНЫ

I

Лиственный лес—пестрядина.
Стынет снегов бирюза.

Каждая падь—пропадина:
Тайный приют партизан.

Кличет кедровки с досады,
Сосны тревогой гудят:

В каждом ущелье засады,
В каждой ложбине отряд.

Медным охотничьим рогом
Ночь зазывает в налёт.

Флаг над медвежьей залогой
Раннее зарево льёт,

Грузные тучи с востока
Ветер несёт за моря.

Где-то далёко, далёко
Встала большая заря.

II

С запада—враг!
И с востока—враг!
Солнце на полночь.
Мороз. Мрак.

Снежные деревья
Сучьём стучат,
Дрёмные деревни
Горят в ночах.

Ходит по Сибири
Метель-пурга;
Кровью по Сибири
Цветут снега.
Вот она какая
Челдонья жизнь:
Если испугает,
Пластом ложись;

Если не боишься,
Бери ружьё;
Если не боишься,
Иди с ножом.
С холоду
Да с голоду
Шагай смелей...

Песню пели смолоду:
— Жизнь не жалей...

Жизнь не жалей
И цена ей—грош!
Жизнь пожалел,
Под ярмом умрёшь...

Деды—каторжане,
Отцы—варнаки;
Дети заряжают
Дробовики.
С хлебом и солью
Семьёй в тайгу,
По снегополью
В метель, в пургу.

Лёгок в лесах
Партизанский шаг.
С запада—враг
И с востока—враг.

III

По следам горностаев
Через горы ходили,
Бородой обрастали
Из серебряной пыли.

На снегу отдыхали,
Умывались в зарницах
Ледовитым дыханьем
Опалённые лица.

У костров, на привале,
Под кедровой грядюю,
Сухари запивали
Родниковой водою.

Сквозь лесные яруги
В боевой канители,
Как летучие вьюги,
Лыжным бегом летели.

Пулемётчики были!..
С красным бантом папахи,
Щёки стёклышком брили,
Чтоб любили девахи.

Пулемёты на нартах,
След в сугробах струится.
Как ударят с азарта—
Только снег задымится.

В перестрелках шалели,
Бога крыли ядрёно.
Жизнь свою не жалели,
А жалели... патроны.

Молодые ребята
Поспевали во время;
По две бомбы на брата,
Пика вставлена в, стремя.

С тылу белым заедут,
Распугают обозы
И умчатся без следу,
Как таёжные козы.

А в гористых ухабах,
На гремучих низовьях,
Партизанские штабы
Заседают в зимовьях.

И оттуда по миру
Песня грянула всюду:
— В партизанской Сибири
Наших дел не забудут!

ЗИМНИЙ ТРАКТ НА БАРГУЗИН

I

Белые сѡвы кричат: «У-гу!»
Горы стоят до колен в снегу.
Кедры распялились—в три обхвата.
Дикая падь напролом измята,—
Сотни следов по тропам бирючьим,
Сквозь бурелом, по кустам, по сучьям.
Так начинается тракт к Баргузину:
Через голец, за тайгу, в низину.

. . . . .

Вечер январский метелит хмуро,
Сумрак в полнеба—медвежьей шкурой.
Слушая ветра залиvistый вой,
Старые сосны трясут головой.

Рыжая рысь на высоком суку
Лижет горячую шерсть на боку;
Лижет и слушает ухом тревожным,
Как поднимается логом таёжным,
Как по ледяшкам подковой звенит
Дробная поступь тяжёлых копыт.

Ветер холодный гремит с перелога,
Через голец завалилась дорога,
Вправо пошла напроход, в Баргузин,
Влево свернула сугробом низин.
Там, на угорье, четырнадцать ёлок,
Ключ Безымянка и старый посёлок.

. . . . .

II

Топот подков подвигается ближе.
Подгору ломится гулкая скачь.
Рысь на суку опустилась пониже,
Вздроснул игольчатый стылый кедрач.

Тучи раздвинули сизую пену,
Конный разведчик привстал в стременах;
Перекатившись за горную стену,
Выплыла синяя птица—луна.
Всадник в седле покачнулся, как пьяный,
Конь задрожал и рванул на дыбы:
Вдоль по дороге стоят истуканы,
Искрятся льдом голубые столбы...

Лунная синь бредовая такая,
Ночь ворожит нехорошую быль,
Белым туманом тайгу обтекает,
Сеет колючую, мёрзлую пыль.

Путь с Безымянки на тракт недалёкий,
Сорок столбов ледяных на пути.
Встали они по дороге к востоку,
Будто готовятся дальше итти...

Дымное облако льётся в тревоге.
Перекреститься бы, да не с руки.
Вместо столбов на таёжной дороге
Спят... замороженные мужики.

Спят бородатые пасынки мира,
Нахолодались, намучились всласть.
Ставит такие столбы по Сибири
Христолюбивая белая власть.

Видел ли кто, как сгоняли их стадом?
Как обливали байкальской водой?
Как отвечали: «Пощады не надо»...
Как беднота повстречалась с бедой?

В ночь, когда бились пустые берданы,
В плен захватили стрелков лесовых;
Толстый японец спросил: «Партизаны?»...
И приказал—заморозить живых.

Путь с Безымянки на тракт недалёкий.
Сорок столбов ледяных на пути.
Встали они по дороге к востоку,
Будто готовятся дальше итти...

ЭШЕЛОН СМЕРТИ

I

У-ух! Как холодно на Енисее!
Вьюга колючие зёрна сеет,
Ветер прошибает камни насквозь.
Поезд качается вкривь и вкось.
Мимо полустанков гремят вагоны,
Крыши обметало в скрипучий снег.—
Тёмные теплушки,
Двери засмолёны,
«Восемь лошадей да сорок человек».

Стужа оголтелая летит по шпалам.
Ночь лихорадит.
Тайга в бреду.
Филины-бездомники ждут за перевалом,
Гукают, хохочут в лешеву дуду:
У-ух! как холодно за Енисеем!
Дымные тучи к земле присели.
Вьюга подгоняет вагонный бег,
Крыши заметает сибирский снег.

Мёрзлые колёса считают вёрсты,
Чехи-часовые ногами бьют,
Снегом оттирают солдатские горсти,
Водку-колчаковку в очередь пьют.

Ветер надрывается,
Волком воет.
В такую ночь не сойти бы с ума.
Голое нагорье,
Поле снеговое,
Вот, наконец, станция—«Зима»!

Пане подпоручик идёт проверить:
Рыжая собака шагает вслед.
Вахмистры откатывают стонущие двери:
— Всё ли в порядке? Беглых нет?

Пане подпоручик понюхал: «Ф-фу!»
Целый эшелон лежит в тифу.
В каждой теплушке сорок смертей,
Сорок пар прохудалых лаптей.

Дранные шинели сбились в кучу,
Руки посинели, бороды во льду.
Стужа огневая мёртвых крючит.
...Рыжая собака завыла вдруг.

— Пане подпоручик, одна мертвяка,
Всё в порядке, беглых нет!..
Воет у теплушки рыжая собака.
Что это?

Сон?
Иль явь?
Или бред?
Сколько их?
Куда их?

Стучат колёса.
Дальняя дорога. Подъём да спуск.
Пане комендант депешей просит
Мёртвых и тифозных принять в Иркутск.

Рвётся телеграмма навстречу эшелону—
«Приказано: состав пропустить в Читу».

Тёмными могилами катятся вагоны
В белую,
морозную,
злую пустоту.

II

Калёная стужа
Спирает дух;
Снежинки кружат,
Костёр потух.
Морозный мдрок
Плывёт с Байкала,
Градусов сорок—
Ни много, ни мало.

Горы вокруг
Снеголёт засеваает;
На запад—Култук,
На восток—Мысовая,
А посредине
Межгорье—низина.

Сосны качаются,
Лапы раскинув;
Кедры, взметнув снеговое руно,
С грохотом валятся на полотно.

Хвойная насыпь
Горой поднялась,
Льдистыми сучьями
В рельсы впилась;
Путь перебит,
Телеграф перерезан!

Сажень на триста,
За каждым кустом:
Шашки,
Винтовки,
Берданы,
Обрезы.
И пулемётные ленты крестом.

III

Дряблый вахмистр хныкал у вагонов:
— Господа... товарищи... сдаюсь!
Нет у нас ни ружей, ни патронов.
Офицеры отвечают пусть...

Подневольно дело у военных,
Пожалейте, братцы, маяту;
Не оружие мы везём, а пленных
Из-под Омска, значит, на Читу...

IV

Гулкий выстрел хлопнул вдоль опушки,—
К пулемётам пальцы приросли...
Загремели мёрзлые теплушки,
На носилках мёртвых понесли.

Голубы предутренние тени.
Только мутно бешенство в глазах,
Конвоирры встали на колени,
Да ведь нынче миловать нельзя.

На ступени классного вагона
Сам Иван Бывалый заскочил,
Борода годами серебрёна,
На папахе красные лучи.

Был он страшен—
Древний, твердоплечий,
И, быть может, в страхе, потому
Всю обойму выпустил навстречу
Колчаковский браунинг ему.

Снеговые рыхлые увалы
Озарил сияющий туман,—
Падал вниз
Иван Бывалый—
Старшина байкальских партизан.

Старый кедр, разбитый ураганом,
Переживший голые года,
Падал он таёжным великаном,
Потеряв дыханье навсегда.

Он не видел друга-старожила,
Кто, почуяв бешеную злость,
Проколол рогатиной двужилой
Четырёх охранников насквозь.

Кто заплакал редкими слезами
Над его седую головой,
Над его закрытыми глазами,
Над его жестокою судьбой...

V

Две сотни мозолистых рук
Вскопали могилу не вдруг:

Всю ночь разводили пожар
И снег пробивали жестоко.
Лопата, как острый клинок,
Врезалась в землю глубоко:

Ни ястреб, ни ворон, ни зверь—
Не вырывают мёртвых теперь.

Четыреста красных солдат
Рядами в могиле лежат,
Быть может, и лучше им так:
Не тронет замученных враг.

Родной партизанской рукой
Уложат на вечный покой,
Уложат на вечную честь:
На славу!
На память!
На мечь!

Четыреста красных солдат
Рядами в могиле лежат;
Немного пришлось потесниться—
Четыреста первый ложится:
Могучий, седой великан,
Сибирский боец, партизан.

~~~~~

ДАРЬЯ ПАРТИЗАНКА

I

Покидала деревню,
Шла по снежным полям.
Образ бабушкин, древний,
Привязала к саням.

За санями корова,
На верёвке бычок...
Иннокентий суровый
Только молвил:—Ничò,

— Обойдётся по-малу,
Будешь нам помогать,
А не хочешь—пожалуй,
Поворачивай вспять.

Поглядела на мужа,
Да ему не понять:
— Там, в тайге-то, ведь стужа—
Пропадёшь без меня...

II

На станòвье осела,
Будто так повелось.
Бабе скучно без дела,
Дела много нашлось.

По привычке хозяйской
Целый день у котлов,
И обед партизанский
Раньше срока готов.

На холстине буханки
Из пшеничной муки,
Соль в цветной берестянке
Принесли старики.

Муженёк непоседа,—
Раньше не был таков,—
С ним приходят обедать
Сорок пять едоков.

Пулемётную роту
Накормить-напоить,
Потеряешь охоту
Горевать и грустить.

III

В перестрелках таёжных
Дарья с Кешкой рядком,
Смотрит глазом тревожным,
Бога молит тайком.

Ветер свищет ей в ухо.
Сердце словно замрёт.
Знать, любовь-то присуха
В бой за мужем ведёт.

Пулемётчик с разгона
Ленту страшную вьёт.
От пустого патрона
В дрожь бросало её.

От гранаты качалась—
Волны шли под ногой.

.
Было страшно сначала,
А потом—ничего...

IV

Нынче птица-зорянка
Весть в тайгу принесла,
Как жена-партизанка
Бедолаза спасла...

Дело вышло под вечер,
Бой кончался. Но вот,
Пулей злой покалечен,
Замолчал пулемёт.

Бедолазу навывлет
Прострелили плечо,
Кровь в снегу задымила
Алоцветным ключом.

Колчаковские кони
Надвигались в упор—
Их теперь не отгонит
Пулемётный затвор.

Фланги враз отступили
По опушке лесной.
В суматохе забыли
Бедолаза с женой...

Дарья дико завывала,
Обернулась назад,
Наудачу схватила
Связку добрых гранат,

Поднялась, замахнулась—
Только взрывы гремят.
Будто ветром смахнула
Колчаковский отряд.

Солнце шапкой багряной
Опрокинулось вниз,
Сизый дым над поляной
Круглой тучей навис...

Тут опомнились наши.
Лыжный выскочил взвод.
И свинцовую кашу
Заварил пулемёт.

С той поры партизанка,
Дочь таёжных невзгод,
В огневых перебранках
В бой с гранатой идёт.

БОЙ НА БАЙКАЛЕ

I

Пушка ударила с берега—бах!
С моря—в ответ
Заиграла труба,
Дрогнули в небе вечерние тени,
С дребезгом хрустнул торс голубой,
И в полынью покатались тюлени...

Взводы стрелков,
Набегая гурьбой,
Начали первый байкальский бой...

II

В дальних распадках проснулись медведи,
Белки-горюхи попрыгали в снег.
Через залив, по весенней «налёди»,
Северным ветром ударил набег.

В тыл колчаковской особой бригады
Лыжники сыпали лавой густой,
С флангов ломились лесные засады,
Грохот копыт покачнул ледостой.

Рявкнула сотня лихих запевал:
— Славное море, советский Байкал!..

III

Кешка Бедолаз, с пулемётами, у-ух-ты!
Двинул на санях из Песчаной бухты:
— Бей, голытьба, колчаковских молодчиков!

Сбросили папахи на́земь пулемётчики,
Как заголосили,
Как закуролесили...
Огненной лавиной
Путь врагам завесили...

Кешка подгоняет:
— Поддай, ребята!..

Снег перетаял,
Дымится лёд,
Падает за гóры
Полымя заката,
Солнечными пиками
По тучам бьёт.

Тучи растекаются
на юг,
на запад.

Оттепель в лесу перестала капать.
Вот и пулемёты глохнут от одышки,
Падают стрелки, как под ветром шишки.

То ли надломилась
Ярость бедовая?
То ли задавила
Сила боевая?

Нет, не поддаются,
бьются партизаны,
Отдыха не знают
лютые берданы.

Вышел переёмом,
Черепом горы
Николай Бесхлебных
С Верхней Ангары.

С ним четыре сотни
Бросила гроза
Закалённых в битвах,
Лучших партизан...

IV

Выходили лесорубы,
Распахнув медвежьи шубы.
Выходили зверобои,

Сея смерть перед собою...
Выходили рыбаки,
Зыбля тяжкие клинки.
И шахтёры Черембасса,
Перекликиваясь басом,
Через снежную курью
Били в лоб офицерию.

Шли в атаку хлебоборобы,
Молодые шли стеной,
Шли горячие от злобы,
Наст качая ледяной.
Шли под тёмною метелью,
Пеший в ногу шёл с конём—
Не сгибался под шрапнелью,
Не ложился под огнём.

В снеговые баррикады
Льётся алая вода.
Не дадим врагу пощады!
Не отступим никогда!

V

Песня: Провожали гостей партизаны,
Угощали гостей партизаны:

Подсыпали свинцовых пельмёней,
Подносили калёных тайменей;

Пулемёты с низов Ангары
Наметали горячей икры.

Целый вечер гремели гостины.
Тёмной ночью стелили перины:

На снегах, когда звёзды проснулись,
Гости кровью своей захлебнулись.

— Славен будет байкальский поход,
Девятьсот девятнадцатый год!

VI

Расколело Байкал пополам.
Тёплый ветер плывёт по щелям.
Как зелёная, злая руда
В полыньях закипает вода.

Бродит полночь за тёмной горой,
Тучи спят над рекой Ангарой,
По заламам размытого льда
Сладко дремлют тюленьи стада́.

Ночь идёт тяжела, глубока,
Соболями скользят облака,
Дикой утки глухая свирель
В перелёте встречает апрель.

Непролазная чаша-тайга
Наклонила стволы к берегам;
Под разорванной пушкой глухарь
Начинает весеннюю ярь...

Равнодушна туманная твердь.
Это—сон,
Это—ночь,
Это—смерть...

На далёком Гремячем мысу
Волки кровь под сугробом сосут,
И в горах, где растаял закат,
Чужеземные кости стучат.

ПАМЯТНИК ХАМАР-ДАБАНСКОМУ ОТРЯДУ

На перевале он стоит—
Хамар-Дабан.
Ему подножьем
По ущельям пал туман.
Над ним сверкает солнечный поток,
И самолёт идет «Москва—Владивосток»...
Встречая ветер, переплывший океан,
На перевале он стоит—
Хамар-Дабан.

Гранитный столб с пятиконечною звездой,
Гранитный столб стоит над каменной грядой,
Заря заката тёмный камень обагрила.
Под этим камнем—
Братская могила...

Из тёмной пропасти,
От шепчущей тайги,
Навстречу холоду—
Предвестнику пурги,
Крутой спиралью автострада поднялась,
Гудроном вымостила северную грязь
И, развернувшись широко у перевала,
Дороги старые бесследно растоптала.

Грузовики бегут на север день и ночь.
Обрывки туч прожектор гонит прочь,
Гудки в ущельях
Рассыпаются до дна;
Дорога горная далёкая видна.
Свободный ветер с океана бьётся всочь.
Грузовики бегут на север день и ночь...

На перевале,
У гранитного столба,
Где славный памятник поставила борьба,
И летом ясным,
И в бушующий мороз
Автомшины обрывают бег колёс:
Здесь проверяются моторы и сердца;
За перевалом—
Путь-дорога без конца...

Пока гудки не протрубят, не позовут,
К столбу гранитному проезжие идут.
Гранитный столб с пятиконечною звездой
Высоко в небо взмыл над каменной грядой,
Заря заката тёмный камень обагрила,—
Под этим камнем
Братская могила...

Здесь клятву дай
И верным быть учись!
Седому камню, кто б ты ни был, поклонись!

Любовь и ненависть, и мужество зови...
Запомни, что стоишь ты на крови.
И если хочешь ты прожить большую жизнь,
Здесь клятву дай
И верным быть учись...

.

Их оцепили здесь в ночной буран,
На перевале гор Хамар-Дабан,
И командир сказал, сжимая кулаки:
— Патронов нет,
Остались лишь штыки...

Ущелья горные
Запутались в тени,
Когда костёр в последний раз зажгли они.
И песни пели,—напоследок так и быть:
Им оставалось до рассвета только жить.

Когда восход багряный крылья распростёр,
На перевал пришёл парламентёр,
Учтивый, выбритый японский капитан
На перевал пришёл к горе
Хамар-Дабан.

На предложенье—выдать всех большевиков—
Увидел он сто пятьдесят штыков,
И к изумлению
Услышал он в ответ,
Что беспартийных партизанов нет.

Два дня, две ночи длился смертный бой.
Буран гудел в ущелье огневой.
Приклады грохали
И лязгали клинки,
Но пулемётов не осилили штыки...

— Сто пятьдесят!
Сто пятьдесят!
Их положили в ряд...
И вместе с ними шли в могилу их штыки.
Сто пятьдесят!..
Был славный их отряд:
Все непартийные—
И все большевики.

Могила братская у них у всех одна,
Но помним нынче все их имена.
В бою погибший

Будет вечно жив,
За счастье родины
Святую кровь пролив...

Великий памятник—гора Хамар-Дабан,
Ему подножьем по ущельям пал туман.
Над ним сверкает солнечный поток,
И самолёт идет «Москва—Владивосток».
И в небо врезался
Над каменной грядой
Гранитный столб
С пятиконечною звездой...

Здесь клятву дай и мужеству учись!
Седому камню, кто б ты ни был, поклонись!
Любовь и ненависть на память позови,
Чтобы огонь горел в твоей крови.
И если хочешь ты прожить большую жизнь,
Здесь клятву дай
И верным быть учись!

1932—1937. Баргузин—Иркутск.

1931—1941

СИБИРЬ—ЦАРЁВА ВОТЧИНА

..Сибирь—царёва вотчина,
Лихая сторона—
В решётки заколочена,
В снега занесена.

Старая песня

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ ИРКУТСКОЙ

БАЙКАЛ

I

...Славное море—священный Байкал,
Славный корабль—омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалёчка...

С этим напевом,
Покинув тюрьму,
Беглый варнак
Забивался в тайгу.
Ночи аукались
В дрёмную тьму,
Соболь подстреленный
Стыл на снегу.

Бьёт Ангара
На разлив Енисея,
Вспугнутый ворон
Упал между скал.
Строем этапов
Проходит Рассея
Путь столбовой:
Прямоком на Байкал.

Скрипы телег. Бубенцы. Конвоиры.
— Эй, приготовь поселенцам квартиры!

Спины сутулые греют прикладом:
Встреча в Сибири готова—что надо.

— Здравствуй, мятежник,
— Бездонный Байкал!..
Слесарь путиловский цепь расковал,
Шапкой слезу одинокую вытер:
— Что ж, досвиданья, расстрелянный Питер.

Кличет империя: «Слово и Дело!»
Песня набатом в тайге загудела:

- Славное море—
- Священный Байкал.
- Вшивый барак—
- Александров централ...

II

Море уносит ловецкую лодку,
Ветер грызёт паруса.
Эй, поселенец, веди мореходку,
Сеть приготовься бросать.

Тёмные бездны взрывая горами,
Камень водой напоив,
Море гремит водяными буграми,
Полчищем взмыленных грив.

Ветхий корабль—омулёвая лодка,
Вёсла с кормы унесло;
Завтра по мужу заплачет молодка,
Тяжко его ремесло.

III

...Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь...

.

Вышел беглец из тайги у Байкала,
С песней срубил лиственничный шалаш,
Волчьих щенят приручил за собак,
Лодку смастачил, подвесил ягташ;
Был каторжанин, а нынче рыбак.

Как выходили ловить на заставах?
Как обмерзали в ночных ледоставах?
Чёртову богу отсыпав поклон,
Так отвечал одичалый челдон:

- В Нерчинске плохо,
- Не сладко и здесь.
- Пили мы с горя,
- Что нечего есть...

НОЧЬ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

— Ночь-то какая, господи боже!
Братцы, товарищи, да вы здесь за что же?

— Мы, папаша,
За бедность нашу!
Носим парашу,
Хрупаем кашу,
Цепи волочим
И день и ночь.
Ложись на нары,
Башку не морочь...

Камера-погреб—чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках,
Семьдесят пар кандалов играют.
— А ну, не робей, ложись с краю...

Бритые затылки,
Лампы-коптилки,
Серые бушлаты
Насквозь дырваты.
Вши осыпаются на пол горохом.
— Живем, товарищ, не шибко плохо!
— Катится жизнь
— Под крутую горку,
— Утром по морде,
— На вечер порку!
— Слушай начальство,
— Гляди в глаза!
— Захочешь поплакать
И то нельзя!..

— Я, например, Иван Бывалый.
— Смолоду цепи меня обували,
— В жилах осталась хмельная полынь:
— Душу забили мою в кандалы.

— Что ж, бесталанным пошёл по свету,
— Значит, лучшей доли нету.
— В каторге много хороших людей,
— Ложись, дядя, не очень робей...

Камера-погреб—чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках,
Семьдесят душ не бредят, не спят...
— А как тебя кличут?
— Бесхлебнов, Кондрат...

— Фамилья голодная, дядя Кондрат;
— Поди, семейный?..
— Трое ребят...
— Ишь ты, сирот, значит, стало боле...
— А что же ты, дядя, сделал на воле?

— С голоду, братец, ударил гром:
Пустили в делёжку барский загром,
Два дня поели, а в третий свет...
— Сколько же дали?..
— Пятнадцать лет!..

Камера-погреб—чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках.
Ветер студёный гремит от Усолья,
Здесь даже камни бредят спросонья.

Лампы-коптилки,
Бритые затылки.
 Был человек—да пропал.
Будто неживые
Ходят часовые.
 Спит Александров централ.

ПЕСНЯ О СУХАРЯХ

Закат запутался в горах,
Скатился и зачах—
 зачах...
Варнак садится отдыхать,
Сухарики считать—
 считать...

Четыре чёрных сухаря,
Потом прощальная заря;
Четыре дня в пути—
 идти,
Потом и кости не найти...

Проходит день, проходит два—
Варнак бредёт едва-
едва.

Кругом косматая тайга,
На юг уходит Селенга.

На третий день, упав без сил,
Бродяга смерти попросил,
Воды напился ключевой,
В траву зарылся с головой,
Сухарь последний в руки взял,
Заснул и больше не вставал...

Зашёл на утро в буерак
Из Нерчинска другой варнак,
Увидел тело под травой,
Качнул обритой головой.

Он мертвеца узнал—
узнал,
Сухарь из мёртвых пальцев взял:
— Верну, товарищ, ляг и спи,
— Тебе теперь не по пути...

Мелькает день, мелькает пять,
Варнак приходит долг отдать.
Могила вырыта ножом.
Мертвец уложен, обряжён:
Мешочек новых сухарей
На грудь положен меж ветвей...

— Прости, товарищ бедный мой,
Ты жил голодный и больной,
Быть может, мёртвый будешь сыт,
Моей рукой в тайге зарыт...

Качнул башкой и зашагал,
Кедровок в чаще распугал,
Пошёл встречать свою зарю—
На каждый день—по сухарю...

ИДУТ ВАРНАКИ ПО СИБИРИ

I

Под кедровым навесом
Полыхнул костерок;
Ночь висела над лесом,
Тучи шли на восток.

За горой бурелома,
За болотом низин
Ветер плыл незнакомый
По реке Баргузин.

В потаённом разлоге,
Возле самой реки,
Будто звери в берлоге,
Чутко спят варнаки.

Закололи конвойных
И ушли в кандалах;
Сорок дней беспокойных
Промотались в горах.

Шли в чащобах на север,
Сторонились жилья,
Отдыхали в сугреве,
В лиственничных пальях.

Смыли сонную одурь,
Распрямили горбы,
Пили ржавую воду,
Собирали грибы.

Брали мох да бруснику,
Птиц ловили силком;
На сосновую пику
Взят медведь целиком...

Третий месяц в исходе,
Осень ждёт впереди,
На таёжной свободе
Веселее в груди.

За тайгою зарницы
Высоки, далеки...
Как пролётные птицы,
Чутко спят варнаки.

II

Ветер-шалонник
Ломит кедровник,
Ветер-култук
Холодит вокруг.

Белые перья вьёт над водой.
Утром валёжник совсем седой,
Мокрый кедрач на ветру́ измят:
По всем приметам—идёт зима...

Тёмная бухта. Залив Безымянный.
Сиверко гонит сентябрь окаянный.
— Что-то в Рассею меня не тянет,
— Дядя Иван, давай пристанем.

— Ладное место, рыбы богато,
— Лес подходящий—как раз для хаты...
— Хату-не хату, землянку треба.
— Только скучаю, Иван, без хлеба...

— Хлеб добудем, терпи, милоч,
— Пошарим, поблудим, дай срок...

Море—гремуче. Берег—плот.
Вширь и вразвалку шалаш растёт:
Крыша—кора, под ногой—песок,
Окна прорезаны наискосок.

Ветер-култук
Холодит вокруг,
Снег выпадает
Охапкой вдруг.
— Хата-не хата—медвежий закут,
Да, впрочем, и хуже люди живут...

РОЖДЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Одиноким не место в мире,
Лёгкий ветер былинку гнёт.
Испокон веков по Сибири
Человек к человеку льнёт.

Беднота к бедноте прислбнится,
Разве скажешь: земля тесна?
Ведь недаром пошла пословица:
«На миру и смерть красна»...

К шалашу Безымянной речки
Через год примостилась изба,
Задымила булыжной печкой,
Заманила бродяжьих баб.

У Бесхлебнова, в третье лето,
Из Рязани пришла жена;
Притащила ребят раздетых,
Самовар и два чугуна.

Побродяжка Иван Бывалый
(Знать недаром большой говорун)
Съездил как-то в Ангарск, к перевалу,
И привёл староверку-вдову.

Гольтьба оседала бойко,
За собой нищету вела.
Поднялась избяная стройка—
Кондовые стволы к стволам.

От реки Безымянки посёлок
Безымянкой по кличке пошёл;
Девять изб да четырнадцать ёлок,
Да кругом сетевой частокол.

Неизвестно с какого года,
По законам или без них,
Объявили: «подушную подать»,
Описали: «в наличьи живых...»

Это было, кажется, в праздник,
Переписчик домой спешил—
Двадцать душ насчитал урядник,
Получив по рублю с души.

Был он, впрочем, служака старый,
В пьяном виде—любитель забав:
Заглянул к рыбакам в амбары
И Бесхлебнову дал по зубам.

Приказал ему зваться—Б е с х л е б н ы х,
Омулей—для начальства ловить...
Тут добавил он слов непотребных
И на тройке изволил отбыть.

С той поры и пошло на годы
Гореванье—житьё-бытьё:
Сетеставы,
Туман,
Погоды —,
Да у баб суровьё-шитьё.

СИБИРСКИЕ ГОСТИ

Сибирь—широка,
Торные дороги,
Ледяные облака,
Кресты да остроги.

Над крестами вороньё
Сторожит погосты.
Спят одетые в рваньё
Сибирские гости.

Гольтьба и несчастливцы,
Бунтари и воры,
Невесёлые убийцы,
Люди-крохоборы.

Под петлём и под кнутом
Счастья не досталось,
Жили каторжным скотом,
Хоронили ярость...

Беглецы летят на стан,
Будто птицы в гнёзда;
Не последняя верста,
Умирать не поздно.

По трущобам друг и недруг,
Сторонись, прохожий:
Душегуб под каждым кедром
Кистенем долбёжит...

Сибирь—широка,
Торные дороги.
Ледяные облака,
Города-остроги.

АННА БЕСХЛЕБНЫХ

Молодая была—хохотушкой,
Чернобровая девка была.
За душой ни гроша, ни полушки,
А улыбка всегда весела.

Тяжело сиротливое детство,
Не богатый батрацкий талан;
От родных получила в наследство
Захудалый один сарафан.

Как найдёшь ты счастливую долю?
Непогожие вышли годá,
Запряглась в кабалу да в неволю—
Пропадёшь на земле без следа.

Вышла замуж, а легче не стало,
Всё равно ни двора, ни кола.
Только песни играть перестала
Да голодных ребят завела.

Муж попался хороший, но бедный,
По фамилии гораздо чуднѣй,
В самом деле: Бесхлебнов—б е с х л е б н ы й,
Подходящая пара с женой...

Терпелива бедняцкая сила,
Только клином сошёлся весь свет.
Как в Сибирь муженька проводила
Утопиться хотела, да нет,

Помешали соседские бабы...
И, проплакав всю душу свою,

Потащила в лесные ухабы,
Неудачу, суму и семью.

Из Рязани пришла к Енисею,
Подаяньем кормила ребят,
Проклинала родную Рассею,
Не взглянула ни разу назад.

Суматошной, завьюженной стужей
В лапотках по сугробам плелась,
Отыскала пропавшего мужа
И взялась за рыбацкую снасть.

Поседели смолёные косы,
Ледешками застыли глаза,
Будто петлю в душе своей носит
И не может никак развязать.

Тёмной ночью поплачет в подушку,
На которой невестой спала...
А когда-то была хохотушкой,
Чернобровая девка была.

ПЕРВЕЙШИЙ ЧЕЛДОН В БЕЗЫМЯНКЕ

Кто такой Пантелёймон Безродный?
Что за гость посетил рыбаков?
Он приехал на тройке залётных,
Ямщика подгонял кулаком.

Хриплым басом увесисто гукал,
Водку пил, не пьянея, в жару.
Сельский староста жал ему руку,
Поп за здравье поднёс просфору...

Не успели покончить с засолом
Как поставил он зимний барак,
Объявился для всех новосёлом
И открыл в Безымянке кабак.

Рыбу стал покупать по заявке,
Две коптильни открыл на мысу;
А по осени, в новенькой лавке,
Принимал соболей и лису.

Всю округу опутал долгами
Новоявленный, ражий сосед.
Сыпал справа налево деньгами,
Не жалел тароватых бесед.

Сапоги лакированы, с плисом,
Бородёнка—мочёной метлой,
Сам корявый, мордастый да лысый,
А кулак—чугуном налитой.

Разгадай-ка, народ худородный,
Приглядись-ка к нему посмелей:
Кто такой Пантелеймон Безродный,
Самый первый челдон на селе?

Говорят, он бежал с Сахалина,
Золотишко в Олёкме искал,
Ямщиком гулевал на путинах
И недаром зашёл на Байкал.

Говорят, кочевал по Витиму,
Спиртоносом прошёл по Оби,
В снеговую калёную зиму
Двух старателей в ночь зарубил...

К самородочкам кровь не пристала,
А за деньги—любовь и почёт;
Сам урядник забудет уставы,
Лишь бы только наличный расчёт.

Вишь каков он, купчина дородный.
Поневоле отвесишь поклон—
Пантелёймон Петрович Безродный
В Безымянке первейший челдон.

РЫБАЧЬЯ ПЕСНЯ

Баргузин вздувает пену,
Тучи падают с полночи,
Непогоду-перемену
Белокрылка напророчит,
Сиговьё ложится грузом,
Омульём забиты лодки,
Сеть болтается обузой,
Разметало мореходки.

Волны вёсла вырывают,
Бьют в борта холодным громом.
Ходит зыбь понизовая—
Почернел бездонный омут.
Изломались руки, плечи;
Кормщик выпустил рулило,
Берег вздыбился далече,
Землю дымом застелило.

С четырёх сторон морянка
Захватила, закачала:
Штормовая лихоманка
Загуляла вдоль Байкала.
Поддержись, рыбацья сила!
Маяки кричат в затоне:
«Мать-земля тебя носила,
Мать-вода тебя не тронет».

СЛАВНЫЙ КОРАБЛЬ—ОМУЛЕВАЯ БОЧКА

I

В чёрном сарае иркутской бондарни
Делали бочку ядрёные парни;
Клёпка в ободьях зашита на ять,
Днище запарено—не оторвать.

Обод ползёт—деревянная строчка,
Вот какова омулёвая бочка...
Ходит она по следам неводов,
Вес—при улове—шестнадцать пудов.

В морюшке холодно; ветер и гром...
Рыба на днище ложится гуртом;
На берег выкатят рыбные грузы—
Глядь, уже омуль в купеческом пузе.

Купчик-закупщик
Зажал в переплёт,
Ходит рыбак—да затылок дерёт,
Рванный кисет ворошит на боку;
Босый, раздетый,
В долгу, как в шелку.

Сколько ни выловишь—нету недостатков.
Знать и на воле живётся не сладко,
Только и чести: с каких-то времён
Был—каторжанин, а нынче—челдон.

Скупщики-прасолы
Жмут без отсрочки,
Тащат купцы
Омулёвые бочки,
Каждая весом в шестнадцать пудов,
Потом и кровью добытый улов.

II

Утром осенним прибором шевелил,
Бочку пустую качал на мели.

Клёпка в ободьях зашита на ять,
Днище замокло—не оторвать.

Вот ведь какая ловитва досталась:
Лодка разбита, а бочка осталась...

В мокрые доски вцепившись руками,
Старый рыбак выплывает на камень.

Сивая пена стекает с усов,
В море мотало двенадцать часов.

Пальцы—костяшки,
Колени разбиты,
Скулы торчат,
Как булыжные плиты,

На бороде ледешков оторочка...
«Славный корабль—омулёвая бочка...»

Волны, собравшись в последний рывок,
Бросили груз свой на белый песок;

Чайка спустилась, понюхала тело,
Крикнула ветру и вновь улетела.

Солнце на сопку уселось и ждет:
Если не умер—ещё поживет...

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ ИРКУТСКОЙ

I

Кличет кукушка: «Куда, куда?»
Горы да тучи, кругом вода.

Кедры распялились—в три обхвата,
Дикая падь колесом измята;

Пересекая нору барсучью—
Две колени по камням, по сучьям...

Так начинается тракт к Баргузину:
Через голец, за тайгу, в низину.

II

В летнее утро какого-то года
Солнце глядело с зелёного свода;
Вышел медведь, поглядел на дорогу,
Ухом повёл, оттопырил ногу.
Чу! Бубенцы голоса в полверстах.
Зверь повернулся, залёг в кустах.

Белка-летяга швырнула ветку,
Перескочила к своей соседке.
Чу! Под горой тарахтит телега,
Сивые кони сопят с разбега;
Скачет проезжий—
Как видно, в гости:
Рванный пиджак натянул на кости,
Кепка засаленного фасона...

Не велика бы, кажись, персона,
А в провожатых—
Урядник сам
Гостя везёт по кедровым лесам...

Горы расходятся тёмною щелью.
Не на побывку,
Не к новоселью
Бьёт бубенец под дугой в развилку—
Слесарь путиловский едет в ссылку.

Через тюремные двери бунтарь
Вышел этапом в таёжную хмарь:
Мимо гремучих, задебренных скал
Путь столбовой—пряником на Байкал.

Сытые кѡники с горки на горку
Гонят колѣсную скороговорку,
Вот уж бубенчик чуть-чуть лопочет.

Белка-летяга опять хлопочет,
Вышел медведь, поглядел на дорогу,
Ухом повёл, оттопырил ногу,
Рыжим зрачком поглядел на закат
И вперевалку побрёл назад.

III

Расписался староста в приёме,
Головой сердито покачал:

— Не сиделось что ли тебе дома?

— Пропадёшь здесь, парень, невзначай...

— Тут тебе не Питер, не столица.

— От централа бог тебя упас,

— Берегись, чтоб здесь не осрамиться—

— Убежишь, так шкуру снимут с нас...

— Чтобы, значит, паря, без опаски,

— Раз начальство пишет—поселись...

— Ночевать ступай на сетевязки

— Да поутру снова заявись.

.
Над заливом падали зарницы,
Грохотал прибой издалекá,
Поселился ссыльный из столицы
В захудалой хате варнака.

1929—1935. Иркутск—Красноярск.

СТАРЫЙ ЯКУГСКИЙ ТРАКТ

1. Деревня Куда

Избы серые с заплотами
О былом не говорят.
Над шатровыми воротами
Невесёлая заря.

Кто там прячется за ставнею,
Жгёт до полночи огни?
Спой мне песенку недавнюю,
Шире душу распахни.

Чтоб в тумане показалось мне,—
Будто снова молодой,—
Я иду дорогой жалостной,
Подгоняемый судьбой.

Будто страшные, железные
Кандалы мои гремят,
Будто слёзы бесполезные
Сердце давят и томят.

Штык конвойного качается.
В поле пусто и темно.
Но сибирская красавица
Смотрит следом мне в окно.

На дорогу многовёрстную,—
Может быть, на жизнь мою,—
Подала мне шаньгу чёрствую,
Словно душеньку свою.

Не с того ли загрустилось мне,
Почитай на двадцать лет,
Что случайной этой милостью
Был когда-то я согрет.

И деревня притракто́вая
Не забылась никогда:
Как вопрос, звучит суровая
Кличка странная—«Куда»?

А куда и не ответится,
Сам не знаю я—куда?..
Долго ночью в небе светится
Недоступная звезда.

2. Село Оёк

Пригорки да поля.
Морозная земля.
Тяжёлые снега...
А вдалеке тайга,
Обманчивая синь—
Предверие пустынь.
И где-то глубоко
Мерцает маяком
Забытый огонёк—
Село
Оёк.

Заиндевел мундир,
Шагает конвоир.
Он гнать меня устал.
И просто приказал:
— Шагай скорей.
— Гляди смелей.
— В Оёке будет веселей,
— А, ну,
— Давай,
— Не отставай!..

Но вот и огонёк
Дорогу пересёк.
Высокие ряды
Сибирской городьбы.
И между ними избы в ряд,
Закрывшись ставнями, стоят.
Как тихо здесь...
А всё-таки живые люди есть:

Идёт
Старик
И крестит штык.

Смутился, что ли, мой солдат,
Покорно опустил приклад.
И нынче помню, как во сне:
Старик
Идёт
Ко мне.

— Седая борода,
— Что ты мне можешь дать?
— Измучен я душой,
— Якутским трактом шёл.
— Один, как огонёк,
— В селе Оёк...

Перекрестивши штык,
Поклон мне бьёт старик:
— Прими, варнак!
И подаёт
Пятак.

Пусть будет так!
Отныне прозвище «варнак»
Пойдёт
Со мной.

Не оскорбит меня конвой,
Когда в лесу,
Замедлив шаг,
Услышу крик:
— А, ну,
— Варнак,
— Быстрее шагай,
— Не отставай.
— Гляди смелей:
— В Оёке будет веселей!

3. Качуг

Отчего так чайки плачут,
Что тревожит их покой?
Ни село, ни город,—
Качуг
Спит над северной рекой.

Волны маревом дымятся.
Розовеют облака.
Белой ночью сны не снятся
И тоска недалекá.

Затоскуешь поневоле
У этапного крыльца,
Услыхав в осеннем поле
Медный рокот бубенца.

Ямщики на Лене бойки,
Не жалеют о чужих.
Подвезут ночные тройки
Стариков и молодых.

А на утро из острога,
В час, когда роса свежа,
Только к пристани дорога
Поселенцев-каторжан.

В карбасах, на север дальний
Путь за тыщи вёрст глухой,
Вместе с песнею прощальной,
Вместе с юностью лихой...

Потому, знать, чайки плачут
Над сибирскою рекой,
Что в тебе, посёлок Качуг,
Я оставил свой покой.

4. Усть-Кут

Волны чёрные бегут,
Берега туманы ткут.
Усть-Кут!
Усть-Кут!

Жёлтой лиственницы медь
Не успела догореть.
Между сосен
Бродит осень.
Утром заморозки жгут.
Усть-Кут!
Усть-Кут!

Горы в снежной пороше.
Что-то холодно душе.
Не в тебе ль, моя душа,
Выпадала пороша?

Небосвод ненастный мглист.
Кружит ветер жёлтый лист.
Жёлтый лист на сердце лёг.
А тебе и невдомёк...

Бедный мой забытый друг,
Оглянись ещё вокруг:
Ястреб падает в тайгу,
Тучи к северу бегут,
Берега туманы ткут.
Усть-Кут!
Усть-Кут!

5. Киренск

Карбасы плыли у Киренска,
Вниз по осенней реке.
Парень из ближнего прииска
Нас провожал в челноке.

Долго рыдала гармоника:
Будто ей долюшки нет.
Так это жалобно, тдненько
Песня плескалась вослед.

Дальними, скучными вёрстами
Ветер суровый пахнул.
Город на Киренском острове
Словно в реке утонул.

Лишь над церковными главами,
Грустью забытых пустынь,
Долго качались и плавали
Чёрные крылья-кресты.

Полночь, дождями измятая,
С юга на север плывёт.
Вот и гармонь провожатая
Больше вослед не поёт...

БАШНЯ В ИЛИМСКОМ ОСТРОГЕ

Ух, как сыро, как холодно!..
Словно подуло
Несусветною вьюгой навстречу, в лицо.
Деревянная дверь покачнулась сутуло,
Под ногой тяжело заскрипело крыльцо.

Плесень, изморозь, слизь...
Опалённые стены
Из обтёсанных, диких чудовищ-бревнищ
Твёрже камня стоят.
И не ждут перемены.
А на старой иконе, сквозь прѳзелень, нищ
И убог,
Улыбается медный Исус...
С высоты
Брезжит жёлтой слюдой подволѳчная рама.
По ступеням зубчатым подъѳмы круты,
Пол разломан.
И пѳд полом яма.

Глухо здесь, в этой башне.
Закроешь калитку.
Два шага. И столетья уходят назад...
Шум на улице. Словно ямскую кибитку
Снеговые ветра опрокинуть грозят.

Померещится... Мѳрзлый, рогожанный пѳлог.
Два фельдъегеря. Рванный тулуп ямщика.
Запалѳнные лошади рвут на пригорок.
Приглядись—и увидишь лицо седока:
Посиневшие губы, небритые щѳки...

Это едет Радищев в Илимский острог,
На студѳнные годы, на мѳртовые сроки,
По тайгам, по ущельям забытых дорог.

Не из Санкт-Петербурга в Москву, с подорожной,
Этот путь по Сибири иная гоньба.
Непроглядные ночи в зимовке острожной,
Волчий вой на безлюдьях,
Метельная пляска-гульба...

Тут светлейший Потёмкин для императрицы
В показных деревнях не сгонял поселян.
Над зыбучими пашнями южные птицы
Не летели сюда в предвесенний туман.

Вольнодумец Вольтёр здесь бы мог убедиться,
Что калёная стужа клеймит горячо,
Но в стране россиян так легко затаиться,
Что в Сибири—
Нашёлся ещё бы маркиз Пугачёв.

Впрочем, ссыльный Радищев и впрямь—
Пострашней Пугачёва.

(Так об этом сказала царица сама).

Осуждён... ошельмован... помилован.

Снова—

Кандалы и попы,

Артикулы законов, тюрьма...

Двести зим бушевала, казалось, метель нелюдимо.

Двести лет одичало дремала тайга.

Деревянные башни гудели над старым Илимом,

И отзывное эхо гремело набат в берега.

Долог путь твой, изгнанник, в глуши невесёлой.

Ты его проложил не на год, а на век.

Слышу: вольное слово по градам и сёлам

Повторяет воспетый тобой человек.

За калиткой развеялся сумрак столетий.

Всходит солнце, хрусталится ранний снежок.

К нашей школе бегут, улыбаются дети

И, увидев меня, оцепили в кружок:

— Ты о чём это плачешь?

— Ты, может быть, болен?

(Сколько славных и вдруг опечаленных глаз).

— Нет, друзья...

Эти слезы мои поневоле...

— Я здоров. И мне радостно здесь, среди вас.

— Поглядите, как солнце плывёт над Илимом.
Мир чудесен, когда в нём свободно мечтать,
Жить свободно. И память героев любимых
Грустью сердца и тёплой слезой вспоминать.

1940. Илимск.

ДОСТОЕВСКИЙ

Мёртвый дом засыпает... А ты?
Ты не можешь заснуть поневоле,
Если чёрная пасть пустоты
Распахнулась в сугробистом поле.

Деревянный, угрюмый забор,
Караулы устали шагать.
И заводит ночной разговор
Нехорошая, злая пурга.

Зябко брезжат кой-где фонари,
На погосте хлопочут вордны.
Долог путь к пробуждению зари,
Тяжело под крестом и короной.

Видишь мир? Вдоль бревенчатых стен
На гнилых, переполненных нарах
Он заснул до больших перемен...
Он давно не боится удара.

Кандалы приучился таскать,
Озверело молчать под нагайкой.
И в петле задыхаясь икать,
Называя судьбу негодяйкой...

Помнишь—десять бумажных рублей,
В переплёте библейского шёлка,
Чтобы в каторге было теплей,
Принесла для тебя незнакомка?

Помнишь вечер, когда привели
Полумёртвых татар беглецов?
Как палач полотно расстелил,
Как надламывал розги с концов?

Это просто: четыреста розг,
Отдыхает палач. А в рассвет

Чей-то страшный, расплавленный мозг
Сумасшедшим ушёл в лазарет.

Карамазов, Раскольников—здесь,
Научившись терпению другому,
Понесут беспощадную весть
Всероссийскому мёртвому дому.

Это мало: «понять и простить».
Надо мир переделать сначала,
А потом и жалеть, и любить,
Чтобы каждая тварь отвечала.

В арестантском кривом колпаке
Ты напрасно доверился богу;
Разуверься в своём двойнике —
Разве бог пробивает дорогу?

Нет! С кайлой, в кандалах, по утрам,
Ты пойдёшь под сибирское небо,
Повинуясь конвойным скотам,
Будешь бить неподатливый щебень.

Не мыслитель, совсем не игрок,—
Рядовым, серолицым рабом
Будешь делать житейский урок
Для жандарма в плаще голубом.

И тебе не простят никогда,
Даже в лучших словах эпитафии,
Исторической правды суда:
Чёрных пятен твоей биографии.

1930. Омск.

КЮХЛЯ В БАРГУЗИНЕ

— Дросида Ивановна! Ах, ты, господи боже.
— Дроня, Дронюшка!
Не отвечает. Молчит. Рассердилась жена.
И размолвка теперь на неделю, быть может...

А поэма, казалось, совсем рождена:
Лишь садись да пиши.
А теперь не до Музы!

Почему он, однако, попался в беду?
Ну, допустим, ребята шалят, карапузы,
Изломали какую-то тыкву в саду.
Как за ними усмотришь,
Проглядел. А она осерчала,
Обругала, ушла...

Да, стихов не допишешь никак:
Середина в уме—только нет ни конца, ни начала—
Ах, Дросида Ивановна, что ж это так?..

Поглядел за окно.
Деревянные звери—
Коренастые избы насупились в ряд.
На запорах ворота, калитки и двери,
И на окнах тяжёлые ставни скрипят.

Баргузин, Баргузин!
Отчего здесь тоскливей,
Чем в тюрьме, или в крепости было тогда?
Постаревшее сердце грустит сиротливей,
И в забыты встают молодые годя.

Пять повешенных.
Пушкин на смертной дуэли.
Бой курантов: «Коль славен».
Седая невеста в гробу.
Лицеисты, которых при жизни отпели.
Всё свершилось.
И он—принимает судьбу.

Баргузин, Баргузин!
Забайкальские дали,
Голубые леса на последнем пути.
Слушай, слушай, как песни в душе зарыдали.
Только слов к этим песням тебе не найти.

Вечерет в горах.
Звёзды где-то под спудом.
Мертвоватый безмолвен, забыт городок:
Не тюрьма и не крепость. А впрочем—забудем...
— Дроня, Дронюшка, где ты, откликнись, дружок!

Неуклюже вихляясь, забывши о музах
Он шагает по улице к тестю.
Огни зажжены.

Вот, почтмейстерский дом.
Там опять голоса карапузы,
Тёща будет ворчать.
Он попросит прощенья у взбалмошной, глупой жены.

Баргузин. 1936.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Памяти погибших здесь

Пошатнулась стена в опустелом центре.
Умирает зима в казематах.
Только песня осталась: «Вы жертвою пали...»
Только память о горьких утратах.

Я закрою глаза и, прислушавшись к вьюге,
Различаю отчётливый звон кандалов:
Это гонят этапы в Иркутской округе,
Политических, каторжных, бритых голов.

От станков, от семей, от огней Петрограда,
Под крестом и молитвой Гапона,
Их встречала высокая, злая ограда
Императорским сводом закона.

Их встречали ночные провалы подвалов
И в петле календарных отсрочек—
Непроглядные годы железных оскалов,
Сумасшедший режим одиночек.

Мир, застывший кирпичным удавом.
Беспокойная ночь эшафота.
Это прошлое дышит угарной отравой—
Размахнувшись решёткой в воротах.

.....
На тюремном кладбище остались могилы,
Да на них безымянные травы.
Отдыхайте, товарищи! Вас не забыли.
Ваша память—почётная слава.

Ваша гордая песня и нынче поётся
На развалинах тюрем гнилых:
«Дело всегда отзовется
На поколениях живых...».

1932. с. Александровское.

1937—1939

ОГНИ ВИТИМСКОЙ ТАЙГИ

(Сказы о Ленском расстреле)

...И верьте мне, когда падут
И на Сибирь потоки света,—
Помянут с гордостью ваш труд
Стихи грядущего поэта

И возвеличит вас народ,
И долго-долго будут милы
Ему, принесшие свой плод
Давно забытые могилы.

Омулевский

ОГНИ ВИТИМСКОЙ ТАЙГИ

СЫН ТАЙГИ

Над заимкой
Снежной дымкой
Рассыпается пурга;
Белой шерстью горностая
Сыплет непогоду густая.
Спит Витимская тайга.

Пихтачи, насупив сучья,
Над берлогою бирючьей
Хвойным вздыбились шатром.
Занесло пути-дороги,
Рёбра гор и перелогИ,
Глухомань легла кругом.

Сторона наша, сторонка,
На сто вёрст—одна избёнка,
Вёрст на тысячу—тайга:
Горы, тучи да снегá.
Одинокие заимки
Скучно дремлют по зазимку;
Бабы вяжут, шьют да ткут,
Тянут длинную куделю
И на каждую неделю
Мужиков с белкóвья ждут.

Зимний промысел тяжёлый.
Лось ушёл на суходолы,
Белка вышла в кедрачи,
Соболь россыпью кочует,
Выдра, лыжный бег зачуяв,
След запрятала в ключи.
Год ненастный, несчастливый.
В курных избах сиротливых
Вспоминали ряд примет,
Жгли лучину до рассвета,—
Не к добру выходит это:
Звероловов нет как нет...

Заненастила невзгода,
Всё пурга да непогода—
Свету в окнах не видать.
Дикий ветер воеет в злобе,
Вровень с крышами сугробы
Наметала снегопадъ.
В феврале, порой холодной,
На заимке худородной,
Справив все свои дела,
Синеглазая Татьяна,
Жонка Фёдора Жигана,
Сына в полдень родила.

Завернув его в холстину,
Откусила пуповину,
Жарко вытопила печь,
Приготовила пельмени,
Пол подмыла на коленях—
Бабе некогда прилечь.

.
Сторона наша, сторонка,
На сто вёрст—одна избёнка,
Вёрст на тысячу—тайга:
Горы, тучи да снегъ.

Нет жилья во всей округе.
Только ветер, только вьюга
Поднимает долгий вой,
Кружит снег всё выше, выше—
И сугробы вровень с крышей
Над жигановой избой...

Два дня мучилась Татьяна,
Поднималась спозарана,
Щи варила на обед,
Сына милого ласкала.
У окошка поджидала—
Мужика всё нет как нет.

В третью полночь ждать устала,
Возле люльки задремала,
Истомилась, прилегла,
Пряку сдвинула в сторонку,
Забаюкала ребёнка
И неслышно померла.

А на утро перевалом,
По хрустящим снеговалам,
Сквозь бушующий буран,
Не добыв собольей шкуры,
Измотавшийся и хмурый
Из тайги пришёл Жиган...

ГОСТЕВАНЬЕ

Осенью в деревне Родниковой,
Подогрев купель у камелька,
Рыжий поп, хмельной и бестолковый,
Окрестил жиганова сына.

За четыре лисьих недомерка
Окунули в воду с головой,
Затворили старенькую церковь
И крестины кончили гульбой.

Побратимы, тётушки и дядьки,
Кумовья, племянник, свояки
Твёрдо знали старые порядки:
Принесли в подарок медяки.

Принесли копейки и алтыны—
Новокрёстку, значит, «на-зубок»
И в складчину справили гостины,
Потому что бедность—не порок.

Гостевал Жиган в семье у тестя,
Широко гулянку развернул:
Вся родня оплакивала вместе,
Захмелев, жиганову жену.

Тёплых слов покойнице не мало
Насказали гости за столом
И, чтоб слово зря не пропадало—
Запивали дарственным вином.

Пили брагу, сыченую с водкой,
Из стаканов битых и кривых;
Рыжий поп осипнувшею глоткой
Помянул усопших и живых.

А старуха-бабка по ошибке,
Иль с похмелья, может, потому
Поднесла играющему в зыбке
Чарку браги внуку своему.

Внук хлебнул, закашлялся и выпил,
На руках у бабки задремал,
Не слышал, как тенором, со всхлипом,
Многолетье поп ему орал:

— Окрещённу чадушку Игнату
— Вековать да здравствовать, да пить,
— Развесёлым парнем, тароватым,
— Много лет по-нашему прожить...

Запевая песню про Кучума,
Гармонист уселся на порог.
Новокрёсток спал, не слышал шума,
Повернувшись в зыбке поперёк.

.

Мутным квасом зачили похмелье,
По домам разъехалась родня.
Скучно жить Жигану в староселье,
А к ружью—и руку не поднять.

Не вернуться, видно, на заимку.
Там осталось горе да тоска...
И Жиган надумал: по зазимку
Попытать судьбу на «приисках».

Сговорил отец его крестовый
Со своей артелью в дальний путь;
Дед и бабка вымолвили слово,
Что прокормят внука как-нибудь.

Собрались в дорожку честь по чести
(Пропадай лихая голова).
Распростился с тещею и с тестем
И сынка в слезах поцеловал.

И пошли старатели пешочком
По тайге с зари и до зари;
За плечом болтаются в мешочках
Две рубахи, хлеб да сухари.

Сторона глуха и нелюдима,
У костров ночуют в хвойнике:
Путь не близкий вышел вдоль Витима—
Тыща вёрст... не меренных никем.

ПЕСНЯ КОПАЧЕЙ

Тайга моя, широкая— ,
— широкая, глухая.
Дороженька далёкая—
— далёкая, лихая.

Шумит тайга,
Зовёт тайга,
Ведёт тайга меня:

В ключах—вода,
В горах—руда,
Со мною лишь беда.

Удачи нет,
И фарту нет,
И счастья нету мне:

Гольцы—круты,
Шурфы—пусты,
Пески—на глубине.

Пробил четырнадцать шурфов—
Ни самородка, ни шлихов:
Обманку гонит водомёт,
Лоток крупицы не даёт.

Пробил четырнадцать шурфов,
Пятнадцатый к утру готов,
Кричит сорока меж ветвей—
Примета верная, ей-ей...

Дроби, кайла,
Греми, кайла,
Грызи, кайла, смелей:

Ведь как-никак
Приметный знак—
Зелёный железняк.

Рука моя,
Судьба моя,—
Заложу шурф двсйсй:
Найду песок,
Возьму лоток,
Не фарт ли выйдет мой?..

Тайга моя, широкая—
— широкая, глухая.
Дороженька далёкая—
— далёкая, лихая.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

I

Кружит ветер листья жёлтые в логу.
Пробивается артель через тайгу.
Третий месяц роют ямы, шахты бьют.
Третий месяц на бутары воду льют.

Знаки есть, а россыпь прячет мерзлота...
Заколдованная жилка, маята:
Не прощупать ни колодцем, ни шурфом,
Понапрасну перерыли всё кругом.

Измотались, обносились, захудали.
По привычке, по таёжной голодали:
Хлебец, ягода да травка-черемша,
Только-только в теле держится душа.

Напоследок берегли сухие корки,
От сапог остались драные опорки.
Надсадили спины, руки сбили:
Знаки есть, а россыпь—так и не открыли...

Собирались копачи обратно.
Даже староста артельный звал в понятной:
— Лист осыпался, пора итти шуге,
— Пропадём, ребята, с голоду в тайге.

Тяжело с пустыми сумками сворачиваться в путь.
Но судьба решила фартом обмануть:
На последнем, размороженном шурфё,

По распадку, где саранка да шалфей,
Возле ключика на стыке двух полян—
Самородное «гнездо» нашёл Жиган.

2

Пофартило (чур, не сглазить!), повезло.
Ух! и стукнули по камушкам кайлы.
Золотой «крупой» мешочки тяжелы;
Только хлебец на исходе, как на зло.

Ну, да если счастье лезет в руки, врѣшь...
Обалдели: роют сутки напролёт,
Копачей теперь домой не повернёшь,—
Позови кого, так глотку перервёт...

Брызжет, хлопает промывка, голосит.
Промывальщик льёт без устали: давай!
В глине бороды и щёки, и усы,—
Закружилась нынче шибко голова.

Никанор Авдеев, староста, в забое
В две кайлы с Жиганом землю роет.
Кум Елпах да свояк, Михей Галдонин,
На промывке измочалили ладони.

Где усталость, где степенная повадка?
Подгоняет, крутит лихорадка.
На подноске рвёт подмётки меж камней
Двоеродный сват, Васютка Курнопей;

Камни скачут,
Грунт дымится,
Бьёт струя.
Как чумная вся артельная семья.

Утро. Полдень. Сумерки. Закат.
Закусили кашей. Переспали кое-как.
На ключе ледком покрылся пережат,
Дует сиверко, куражится сквозняк.

Ну, да если счастье лезет в руки,—не зевай...
Чуть рассвет, и заработала кайла.
Золотой крупницей россыпь потекла,
Промывальщик задыхается:—давай!

Камни скачут,
Грунт дымится,
Бьёт струя.
Как чумная вся артельная семья.

— Что за чорт? Костёр не греет...
Сонный староста Авдеев
Шапку в сторону свернул,

Поднял голову,
Зевнул.

В небе брезжит Звёздный путь,
Ветер шарит под бугром,
В прутняке седая муть,
Снежный пух лежит кругом.

Падь глухая побелела,
От костра—одна зола.
Невесёлые дела...

3

У костра, в намётах снеговых
Пили чай. Судачили: как быть?
Обругали бога и святых
И решили—надо уходить...

Весь припас: десяток сухарей
Да полфунта грязного пшена—
По артельной волюшке своей
Разделили—каждому сполна.

Никанор Авдеев вёл дуван,
И у всей артели на виду,
Чтоб никто не пикнул про обман,
Шлиховую высыпал слюду.

Раздуванил блещущий песок,
Пять паёв прикинул на руке...
И запрятал каждый в свой мешок
Золотую «крупку» в кошельке.

Фунта по два на душу пришлось.
Есть чем вспомнить Лиственную падь,
Знать недаром вдоль и вперекось
Приходилось ямы ковырять...

Схоронили шурфик под землёй,
Валуном прикрыли в одноряд,
Под высокой, высохшей сосной
Промысловый спрятали снаряд:

Глаз чужой не сыщет, не найдёт...
Затоптали головни костра.
Кушаки стянули. На поход
Помолился староста... Пора!..

За ключом Витимская дуга,
Берега крутые, снеговые,
Впереди лохматая тайга.
Глядь—навстречу скачут верховые.

На ходу винтовками грозят,
Бьёт коня урядник седоусый,
Ни бежать, ни спрятаться нельзя.
— Что попались, каторжные гуси?

Подскакал урядник залихватски:
— Поздравляю с фартом, копачи!
— Ну, теперь рассказывайте сказки,
— Не пришлось с добычей проскочить?..

Копачи в ответ ни полуслова,
Помутилось солнышко в глазах.
А урядник, властный и суровый,
Самолично всех перевязал:

— Становись в шеренгу, варначата!
Обыскал, раздел их догола,
Золотишко тут же опечатал.
Не впервые в таких делах.

Шурф нашёл. Заметил всё, как было.
Протокол составил, подписал.
— Ты старшой, немазанное рыло...
Никанора сгрёб за волосы:

— Знаешь ты, где хищничал, дубина?
— Что отвесил кислую губу,
— Понимай, несчастная тварина,
— Тут земля барона Коцебу.

— Тут весной прииск будет новый,
— Видишь, столб казённый по ручью?
— Проглядел? Бродяга бестолковый,
— Что молчишь? На каторге сгною!

— Стань в шеренгу! Слушай без оглядки.
— Вот моё решение: так и быть,
— По уставу горного порядка
— Я могу, пожалуй, и простить...

— Золотишко ваше по закону
— Поступает полностью в казну,
— А самих представляю вас барону,
— Будто беглых с приисков вернул.

— На себя стараться не дозволю,
— На хозяев будете копать:
— Там работы каждому есть вволю.
— Вот мой сказ, бродяжьё шантрапа!
— Марш вперёд!..

.

Старатели споткнулись—
И пошли, покорные судьбе;
Только раз на ключик обернулись
(Не просить же каторгу себе).

А урядник в бороду хихикал,
Шапку поднял—будто генерал;
Тут удача редкая, гляди-ка,
Пять шахтёров в день «завербовал».

Рук рабочих нынче нехватает,
От хозяев тянутся вразбег.
По десятке прииск рассчитает—
Пригоняй хоть двести человек.

НОЧНОЙ ПРИИСК

Хмурая ночь наползает дремотой.
Лес да камень.
Тайга зубата—
Пенья, коренья,
Увал да болото;
Падь—пропадина,
Гора—горбата.
Ветер снежит.
В луговинах—слякоть.
Тянут деревья кривые сучья.
Хлябью хрустит
Моховая мякоть.
Зги не видать—
Сторона бирючья.

Этакой ночью лежать бы дома,
Спать на полатах, накрывшись шубой,
Мўтит, глаза застигает дрёма...
Голос урядника злой и грубый:

— Но-но, шевелись-шевелись, челдоны!..
Вздвогнул Жиган, зашагал быстрее,
Рядом споткнулся Михай Галдонин,
Кашлянул хрипло старик Авдеев.

Ветер позёмкой хлестнул с размаху,
Под гору ломится конская рысь.
Сват Курнопей подтолкнул Елпаху:
— Холодно, дядя, шагай, не ленись...

Вот уж навстречу запахло дымом.
— В оба гляди, под уклон не сверни!
В чёрном распадке, над самым Витимом,
Тускло и редко мигнули огни.

Прииск...
Отвалы. Кривые избёнки.
Зыбкие тени. Мерцающий мрак.
Из подворотней скулят собачонки.
Длинный, как гроб, растянулся барак.

— Стой! Заходи!..
Распахнулись двери.

Смрадом пахнула барачная мгла.
Нары в два яруса.
Люди, как звери,
Скорчились тесно в промозглых углах.

Спят, словно бредят.
Храпят от удушья.
Стонут и кашляют дети во сне.
Жёлтые лампы коптят равнодушно,
Липкая плесень блестит на стене.

Под потолком, на верёвке повисли
Мокрые тряпки, пелёнки, бельё...
Воздух в бараке дурманный и кислый,—
Тленом дымитесь ночное жильё.

Тяжко хрипят утомлённые груди,
Даже во сне их тревожит тоска.
Здесь собрались бесприютные люди
Тёмное счастье свое поискать.

Много их тут—забайкальских, иркутских,
Бывших крестьян, голытьбы, бедняков,—
Смуглых бурятов, китайцев и русских, —
Всех их сроднила судьба горняков.

Всех привела их нужда да неволя,
Волчья житуха, кабальная плеть...
Может, отыщется лучшая доля,
Может, придётся и так помереть.

— Что там гадать?.. Заночуем, ребята...
Старый Авдеев, крестом осенясь,
Снял свой холщёвый армяк дыроватый
И распустил ремешок-самовяз.

— Спать здесь не сладко, да мы ведь не бары,
— Наша перина—доска на земле.
— Нары полны, так полезем под нары:
— Всё же под крышей оно веселей...

ПРИСКОВЫЙ ФАРТ

Говорят, что не было и было,
Золотая сказка не удел:
Там кому-то будто пофартило,
Кто-то сразу вдруг разбогател...

В присковом низеньком бараке
Вечерами рассказы идут.
Голосит пропившийся гуляка:
— Пофартило—только на беду!

Жизнь у нас без фарта, без просвета,
На душе забота да тоска;
Голодай разутый и раздетый,
— Вот они какие, «прииска́»...

Каждый день с восхода до заката
В чёрных шахтах бухают кайлы.
Липкий дождик сыплется с наката,
Тёмной пастью щерятся стволы.

По стволам, по штрекам, по забоям
Мерзлота укрыла плывуны;
Гул идёт от каменного боя,
На куски дробятся валуны.

В полусвете двигаются тени,
Леденеет зыбкая вода.
Становись, забойщик, на колени,
Разверни пояростней удар.

Рвёт кайла без отдыха, без срока,
Прогрызает злую мерзлоту.
Но земля таёжная глубòка,
Тесный ход забился в темноту.

Чёрный ход сырой, заиндевелый—
Там таится золото в песках.
Добывай его остервенело...
— Вот они какие «прииска́»...

Дураки о фарте здесь мечтают:
Богател ли кто в своём труде?
Обдерут в конторе, обсчитают,
Не поймёшь и заработок где.

Штраф да вычет в каждую получку.
Шапку сняв, покорно распишись,—
Поглядит кассир на закорючку
И швырнёт хозяйские гроши:

Получай, мол, всё что причиталось.
Недоволен—жалуйся, иди...
Заливай проклятую усталость,
Горькой водкой, горе бередит.

Спиртоносы ждут не понапрасну.
Ходовой товар у них готов.
Покупатель пьяный, разнесчастный
Не жалеет собственных голов.

От такой житухи невесёлой
По тайге шатается народ
Бесприютный, хмурый, полуголый—
Ищет фарт, а счастья не найдёт.

Вот зато хозяева счастливы—
Фарт гребут старательской кайлой:
Золотые россыпи-разливы
На ключах,
В земле
И под землёй.

Богатеют промыслы без меры:
На копейку—рублик барыши.
Поднялись купчишки изуверы,
Капитал считают торгаши.

Застолбили горы и долины,
Бьют шурфы спросясь и не спросясь.
Растянула нити-паутины
Золотая, бешеная власть.

Богатимо прибыльное дело.
И никто не встанет поперёк:
Всё начальство куплено умело,
Сам хозяин нынче царь и бог.

Кровь и пот он с золотом глотает.
А старатель, россыпь отыскав,
День и ночь кайлу свою мотает...
— Вот они какие «приискá»...

ПЕСНЯ ЗАБОЙЩИКОВ

Двадцать сажен глубины.
Дыбом встали валуны.
Чёрный лёд и мерзлота.
Шахта гулом налита.

Возле каждого угла
Бьёт шахтёрская кайла—
Раз-два!
Раз-два!
Брезжит свет едва-едва...

Не подумай, братец, ты!—
Мы ведь люди, не кроты.
Пусть проходит день за днём,
Не напрасно спины гнём—
Роем шахту, не могилу;
Копим ярость, копим силу.
Кто нам встанет поперёк—
Царь, хозяин или бог?

Будет день—сведём мы счёты,
Подведём свои расчёты;
Наша песенка верна—
Рассчитаемся сполна!

Тридцать сажен глубины.
Хрипло дышат пловуны.
От зари и до зари
Тускло лампочка горит.

Возле каждого угла
Бьёт шахтёрская кайла—
Раз-два!
Раз-два!
Брезжит свет едва-едва...

Не подумай, братец мой,
Что запуганы мы тьмой.
Руки крепки, сердце бьётся,
В сердце ненависть грызётся.
Тлеет искра—будет пламя.
Мы поднимем наше знамя.
Кто нам встанет поперёк—
Царь, хозяин или бог?

Будет день, ударит гром;
Всё на свете повернём.
Наша песенка верна—
Рассчитаемся сполна!
Сорок сажен глубины
Мерзлотой закреплены.
Только, братец, не робей,
Бей, забойщик, крепче бей!

МАМКА АЛЕНА

1

Всякая пословица истине поклонится:
Бабий век—сорок лет...
Может,—правда,
Может—нет.

2

Подрастала, песни пела,
Косу чёрную плела,
С каждым годом хорошела—
И румяна и бела.

На вечёрках-посиделках
Хороводила парней,
Парни—в праздничных шинелках
Увивались за ней.

Был один чубатый, русый,
Крутоплечий весельчак,
Батрачонок бритоусый
И по прозвищу Варнак.

Миловалась с ним украдкой,
Обнимала горячо,
Молодым казалось сладко,
Всё на свете нипочём.

Но увяло счастье скоро,
И пришёл любви конец.
Мать накинута с укором
И с побоями отец.

Непригоже староверу
Выдать дочь за батрака,
Да ещё не нашей веры,
Голодранца, чужака.

Пригрозил отец сурово:
Ты, мол, лучше не дури
И своё девичье слово,
Как прикажем, говори...

Вся родня взялась за дело.
Парня—в рекруты, долой.
К девке сваха налетела:
— Слёзы, милая, умой...

Мать иконам поклонилась:
— Слава господу-христу.
— Эко счастье, божья милость.
— Люди ценят красоту!..

Сам кабатчик выслал сватов,
Деревенский богатей;
Правда, с виду кривоват он,
Не в почёте у людей;

Ну, да что ж, зато в достатке
Будет дочка вековать,
Спать на шёлковой укладке,
Золотую пряжу ткать.

На девишнике гулёны,
Пели девьи голоса:
— Ах, Алёна, свет Алёна,
— Пропадёт твоя краса...

3

Нагадали подружки судьбу,
Ворожейные песни сбылись.
Невесёлая, горькая жизнь—
В мужнем доме, как в пышном гробу.

Новобрачной поплакать пришлось.
Муж обиды своей не таил,
Неуёмную, дикую злость
По ночам на жене отводил.

Волю дал кулакам и плетям,
Толковал о разводных делах.
Всё терпела Алёна, ждала,
Знала: бьётся под сердцем дитя.

Стиснув зубы, без стопа, она
В ледяную октябрьскую ночь,
Неизбывною болью полна,
Родила—недоношенной—дочь...

Муж явился под утро, хмельной.
— Ах, ты, сука... и вмиг протрезвел
Властный голос навстречу звенел,
Нож поблёскивал тонкий, стальной.

— Если тронешь ребёнка, убью!..
Отшатнулся кабатчик назад,
Как пришибленный, сел на скамью,
Не осмелился слова сказать...

Жизнь как будто пошла веселей.
Наезжала родня поздравлять.
Но старуха, алёнина мать,
Не узнала Алёны своей.

Равнодушна, спокойна, бледна,
Спросишь что, а ответ—с холодком.
Всё молчит да сидит у окна,
Плечи кутает серым платком.

Стало тихо в богатой избе;
Тёмным камнем легла тишина.
Как чужие и муж, и жена,
Опостылев, замкнулись в себе.

Так и прожили десять годин...
А потом («видно милостив бог»)
После трёх кумовских именин
С перепоя кабатчик издох.

В староверской часовне, в скиту,
По уставу отпел его поп,
И кедровый, колодовый гроб
Закопал пономарь-хлопотун.

Не всплакнула ни разу вдова;
Торопилась скорей помянуть,
И, поминки закончив едва,
Вместе с дочкой отправилась в путь,
Ненавистное бросив жильё,—
Пусть другие его берегут.

Захватила приданье своё
И ушла—первопутком—в тайгу.

4

Никанор Авдеев, староста матёрый,
Нанял новую стряпуху на подряд:
Чтоб кормились во-время шахтёры,
Чтоб бельишко мылось у ребят.

В приисковой жизни без утаек
Ищут тёплый, ласковый уют
И стряпух, заботливых хозяек,
По-шахтёрски, «мамками» зовут.

У артельной этакой мамыши
Каждый день до вечера хлопот:
Варит щи, готовит вёдра каши,
Пухлый хлеб ковригами печёт.

Домовницы—верные подруги
Для своих «сыночков» дорогих
Залатают драные дерюги
И рубахи вымоют для них.

.

Семь «сынков» у мамки, у Алёны,
Семь «сынков»—один другого стоят.
И у всех, судьбою закалённых,
Бьётся сердце тёплое, простое.

И у всех плечистых, неуклюжих
Задушевные сдержанные речи.
И живет Алёна здесь, не тужит,
Согреваясь лаской человечьей.

Обжилась и прошлое забыла.
Светит жизнь дорогою открытой.

Где-то там—проклятая могила.
Может быть, и горе в ней зарыто...

Семь сынков, шахтёры удалые,
Кличут: «мамка»,—дети с бородами;
Все они уж люди пожилые,
И по жизни старше, и годами.

Никанор Авдеев ей папаша,
Весь седой, а тоже ходит «сыном»,
Говорит ей: «маменька ты наша,
Угостика-ка щами с солониной...»

Намотавшись выйдут из забоя —
Надо быть, казалось, злее злого,
А они являются гурьбою,
Каждый скажет ласковое слово.

Всем сынкам улыбчива Алёна.—
Человечья ласка дорога нам,—
Но из всех отметила челдона,
Баргузинца, Фёдора Жигана...

5

Сероглазый, русский, хлопотливый,
Он казался близким и родным.
И Алёна сердцем сиротливым
Хорошо беседовала с ним.

Было что-то общее, такое,
Что бывает только в сорок лет,
Когда сердце редко беспокоит
И не ищет нежности в ответ.

• Он—вдовец. И сын его, подросток,
Был погодком дочери её. ;
Толковали дружески и просто
Про житьё таёжное своё.

О любви они не говорили,—
Впрочем, кто их знает—что и как,
Только скоро прииск удивили,
И семья прибавилась в барак.

Так у «мамки» нашей, у Алёны
Дочь и сын, и муж из горняков,
И ещё, в придачу, бьют поклоны
Шесть шахтёров, ласковых «сынков»...

6

Бабий век—сорок лет?..
Может—правда,
Может—нет,
Всякая пословица истине поклонится.

ТАЕЖНОЕ ДЕТСТВО

1

Жемчужным кружевом черёмуха в лесу,
Багульник—алыми кострами на мысу.
Над половодьем голубеет лёгкий дым,
Вздувает волны в заводях Витим,
На крыльях птиц врывается весна...
Кедрач размяк. В тайге цветёт сосна,
Горячей смолю пахнет ветерок,
И облака уходят на восток,
И солнце льёт потоками тепла
Туда, где зелень новая легла.

2

По теплу, по весенней распутице
Ручейки разлились в черноталах,
Дети моют в расплёснутой лужице
Сероватый песок на отвалах.

Подражая бывалым старателям,
На лотках самодельных еловых,
Молодые друзья и приятели
Промывают отменно толково.

Присковое детство не балует,
Школы нет, а играть надоело.
Ну, и если начальство пожалует,
Принимаются дети за дело...

Разрешил господин управляющий:
— Пусть ребята копают всё лето,
— Примем золото, как подобающе,
— И заплатим наличной монетой...

Приисквое детство не балует,
Лишний грош для семьи пригодится;
Малолетки ребята удалые,
На заре им спокойно не спится.

Вместе с батьками, с мамками, босые
На работу, выходят с гудками.
Словно птицы разноголосые,
На песках суетятся с лотками.

Тащат вёдра, лопатами брякают,
Копошатся в студёных протоках,
Перелогам да буераками
Забиваются в землю глубоко.

Нет суровее жизни, безжалостней!
Тянет россыпь проклятую жилу,—
Не до прихотей тут, не до шалостей,
Труд для детской руки не под силу.

Но ребята примером приучены
И идут по отцову завету,
Перерыли лога и излучины—
От работы отказчиков нету.

Их не манит весна свиристелями,
На гулянку они не охбчи,
Как большие, разбившись артелями,
Подражают ребята рабочим.

У Игнашки Жигана артельница
Быстроглазая Настя, сестрица,
В приисковой семье рукодельница
И на песни куда мастерица...

Сводный братец с сестрой неразлучные,
Точно две ивняковые ветки,
Никогда не увидишь их скучными:
С песней дружно живут однолетки.

Босногих подростков-старателей
 Управляющий даже похваливал
 И Алёне, удачливой матери,
 Как-то встретившись,
 Сам наговаривал:

Молодцы, мол, ребята примерные,
 Подработают пусть на отвалинах...
 Нам нужны-де рабочие верные,
 Чтоб ценили заботу хозяина.

Приглашал управляющий ласково,
 Судто Настю впервые увидел:
 — Приходи мыть полы перед пасхою,
 — Да не бойся, не будешь в обиде...

Но Алёна речиста и сметлива,—
 Поняла управителя сразу,—
 Поклонилась за дочку приветливо
 И ответила твёрдым отказом:

— Наши дети неграмотны, тёмные,
 — В барском доме им быть неповадно.
 — Вот бы школы открыли казённые...
 Управляющий крикнул досадно:

— Школы? Детям рабочих? Фантазия!
 — Вашим детям не нужно науки.
 — Здесь, вы знаете, всё-таки... Азия.
 — И в цене только... умные руки...

ОБВАЛ

1

В тёмном штреке воздух глух,
 Грунт слоистый, ледяной...
 Слышно только: бух да бух!
 Углубляется забой.

Лампа жёлтым светляком
 Чуть мерцает языком.

На простенках лёд блестит,
Под кайлой песок хрустит.

Узкой глинистой норой,
Между каменных стамух,
В глубь земли ползёт забой,
Слышно только: бух да бух!

Горный мастер, сволочь, гонит,
А в обшивке—два бревна...
Земляная тяжесть клонит,
Крепи держатся едва.

Льёт вода, стучат камня,
Надрываются кайлы,
Тени, словно привиденья,
Бьются в мёрзлые углы.

Изодрали все ладони,
Брёвна ткнули под навес;
Горный мастер, сволочь, гонит,
Бережёт хозяйский лес...

Дотянуть хотя бы смену,
Пусть крепильщиков дают.
Рвёт кайла крутую стену,
Ждёт откатчик на краю.

Слышно только: бух да бух!
Крепь сгибается всё ниже.
В тёмном штреке воздух глух.
Подошёл забойщик ближе,

Размахнулся, тюкнул—раз!
Искры брызнули из глаз...

Брёвна лопнули, как спицы,
В штреке ветер просвистел,
Потолок пошёл кривиться,
Покачнулся, захрустел.

В пльвуны над водоёмом
Чёрным льдом прошла слюда,
Гул подземный грянул громом,
Злобно всхлипнула вода...

Свет погас... Запахло илом...
Заглянул откатчик: «ой,
— Братцы, братцы, завалило!
— Помогите, там ведь свой!

— Помогите! Погибаем!..»
Голос замер на лету.
Крепи охнули, сгибаясь,
И пропали в пустоту...

2

Откопали их на утро, четверых.
Откопали их, знакомых и родных...
Слёзы редкие утёр Жиган рубахой:
— Жалко всех, а больше всех Елпаху.

— Вместе фарт мы с ним искали много лет.
— Кто же даст теперь за смерть его ответ?
Зашумели горняки, заговорили,
Узловатыми руками загрозили:

— Мастер горный, сволочь,
— Гнать его, ворону!..
— Управителя к ответу, по закону!
— Мастер—сволочь,
— А хозяин, взять в пример...
— Тише, братцы, вишь, подходит инженер...

Подошёл костлявый, сонный англичанин:
— Ви о чом его, робьята, закричали?..

Мастер быстро подкатился:—Так и так,
— Виноваты сами,
— Не извольте беспокоиться, пустяк!
— Сами плохо закрепили, а кричат.
— Вот расчёт дадим—тогда и замолчат.

— Расходитесь!
— Погоди, не тычься очень...
Зачесались крепко руки у рабочих,
Не стерпел Жиган, ударил мастера с размаху:
— Получай-ка, шкура, за Елпаху...

Тяжело вздохнули сдавленные груди.
— Что для вас рабочие:
— Скотина или люди?..

- Эй, товарищи, зрителя на тачку!
- Прекратить работы!
- Стачку!!!
- Верно! Правильно!—кричали горняки.
- А навстречу, высоко подняв клинки,
Подлетали конные жандармы.
- Берегись!
- Расходись, товарищи, покуда, расходись...

ЛЕНСКАЯ СТАЧКА

1

В шахтах—пусто,
В штреках—пусто;
По утрам гудки молчат.
Клеть тяжёлую не спустит
Оцинкованный канат.

На отвалах мёрзлым пухом
Все тропинки замело,
Только плюхается глухо
Вьюги снежной помело.

Только горная дорога
Гололедицей гремит,
Только тайная тревога
Тёмным облаком летит...

В мастерских потухли печи,
Иней жжёт колосники.
Пыль и ржавчина калечит
Сиротливые станки.

Всё затихло.
Всё остыло.
Всё умолкло... Снег и лёд!
И никто в забой постылый
На работу не пойдёт...

2

Забойщики, откатчики,
Крепильщики, шахтёры,
Проходчики, накладчики,
Бурильщики, монтёры.

Подземные, надземные,
Драгёры, монтажисты,
Бессменные и сменные
Путейцы, машинисты—
Бастуют все рабочие, все шахты вхолостую.
Бастуют все рабочие, все прииски бастуют.

Порукой кровной связаны,
Рабочей думой—вместе,
Плечом к плечу не раз они
Встречали злые вести.

Не раз, по безработице,
Случалось, голодали;
Не раз пришлось заботиться,
Чтоб вовсе не пропали...

В содружестве приучены
Идти к великой цели,
В ярме лихой покручины
Иные поседели.

Но старые и малые,
И женщины, и дети—
Встречают, как бывалые,
Напасти все на свете.

Не выдадут товарищей:
Стеною друг за друга.
В огне зари пылающей
Витимская округа.

Сибирь, земля кандальная,
Ломай тайгу густую!
Окрестные и дальние—все шахты вхолостую...
Бастуют все рабочие, все прииски бастуют.

3

Мастер вывезен на тачке.
Управитель глаз не кажет.
Сорок дней гуляет стачка...
— Что-то нам начальство скажет?
Скоро должен быть ответ.
Согласятся или нет?..

«...Есть иль нет у нас законы?
Мы желаем их иметь.
Пусть берут назад «талоны»
И деньгами платят впредь.

Что положено—исполни,
Штрафы, вычеты—долгой.
Чтобы все были довольны
И обиды никакой.

Труд свободный не насилуй.
Баб в работе не гноить,
Мы немного запросили:
Только б можно было жить...

Честный труд цени по чести,
Труд рабочих не игра:
Пусть надсмотрщики на месте,
А жандармов прочь убрать!

Чтоб таёжному народу
Не пришлось на вас пенять;
Арестованным—свободу
И уволенных принять!

Таковы у нас резоны
На душе и на уме.
Есть иль нет для нас законы?
Мы желаем их иметь...»

.....

Сорок дней бушует стачка
Управитель глаз не кажет,
Мастер вывезен на тачке...
Что-то нам начальство скажет?
Скоро должен быть ответ.
Согласятся или нет?

4

Поснедали хлебушка на ужин,
Вместо чая выпили водицы,
Затянули пояса потуже.
Время спать, а никому не спится.

Тараторки-мамки загрустили,
Ребятишек греют на коленях,
Очаги давно уже остыли—
Дров в сарайке нету ни полена.

Все ларьки и лавки позакрыты.
Под замком конторские ворота,
У ворот, на гвоздиках прибитый,
Лист—
Приказ компании Лензото.

...Для охраны вызвали казаков...
...Три дня сроку дали в размышление...
...Выселять грозятся из барakov...
...Пишет так из Питера правление...

Поздний час, а никому не спится,
Собрались шахтёры думу думать,
Потемнели каменные лица,
Голоса тревожны и угрюмы.

— Как же быть, товарищи, что делать?
— Голодаем долго... Силы нету...
— Нам нужда всю душу переела...
— Жизнь у нас глухая, без просвету...

— Соглашаться, выйти на работу!..
Подскочил Жиган, остервенился:
— Видно, мало пролили мы поту,
— Чтоб хозяин золотом давился.

— На работу выйти? По приказу?..
— Значит стачку по-боку?.. В понятный?..
Поднялись, заголосили сразу:
— Нет у нас дороженьки обратной!

Никанор Авдеев крикнул:—Тише!
Головой тряхнул седебородой.
— Надо нам пожаловаться выше,
— К прокурору выйти всем народом...

Самокрутки чадно задымились,
Разгадал старинушка задачу.
— Ты скажи, пожалуйста, на милость,
— К прокурору... Верно, не иначе...

Обсудили дело дружным кру́гом,
Все сомненья были пережиты:
Порешили—выйти всей округой
К прокурору. Требовать защиты.

ПРИИСК НАДЕЖДИНСКИЙ

Россыпь шла на подгорье, в раскате,
Пласт под камень запутала тайно,
И бродяга, копач-приискатель
Самородок нашёл здесь случайно.

Понадеялся крепко бедняга,
Никогда не везло ему прежде,
Сколотил он шалаш на листьягах,
Назвал шахту «Святая Надежда».

Стал копать, промывать помаленьку.
Думал к осени выйти богатым
И родную свою деревеньку
Удивить кошельком тароватым.

Но старателя этим же летом
Закололи в тайге душегубы.
Это было давно... По приметам,
С той поры самородки—на убыль.

Но осталась глубокая россыпь,
И хозяйскою волей, как прежде,
Этот прииск на вывесках носит
Величавое имя Н а д е ж д ы.

На Надеждинском жителей много
И дома здесь отменной постройки,
И сюда столбовою дорогой
Часто мчатся казённые тройки.

Бубенцы заливаются гулко,
Ямщики погоняют с охотой,
Пролетают кривым переулком—
Прямо к главной конторе Лензото.

Резиденция здесь. Управление.
Становой. Прокурор. И жандармы.
Деревянный острог в отдаленье.
И солдатские даже казармы.

Понимай, значит, чувствууй, надейся—
Вся таёжная власть воедино:
Поклонись (да смотри, не убейся),
Полицейские ходят за тыном.

Высоки столбовые ворота,
Широки, изукрашены двери;
Да не суйся, а то повертят:
Тут рабочему люду не верят.

Тут рабочему нечего делать,
Проходи поскорей, без оглядки;
Здесь недаром запевка гудела:
— На Надеждинском круты порядки,

— Не надейся!.. Тюрьма наготове.
— Жандармерия—на удивленье...
Для таёжного жителя внове:
Резиденция тут... Управление...

Целый город поднялся, как в сказке.
Эта сила зовется—Л е н з о т о.
И отсюда идёт по указке
Кабала, нищета и забота.

Царь и бог капитал защищают,
Им не слышно голодного стога,
Кнут и штык бунтарям обещают.
Где тут правду искать по законам?..

НА БЕРЕГАХ ДАЛЕКОГО ВИТИМА

1

По дорогам приисковым,
По тропинкам вересковым
Шли они со всех сторон.
Горы хмурые стояли,
Реки мутные играли,
Тёмный лес шагал вдогон.

Затянуло солнце дымом,
Тучи плыли над Витимом,
Гулко падала капель,—
И в тайге, в лесных разломах,
На полянах незнакомых
Стаей птиц шумел апрель.

Но зарю весны встречая,
Люди шли не замечая—
Не для них весна цвела...
По увалам и оврагам
Шли они тяжёлым шагом,
И над ними туча шла.

Туча тёмная, густая
Крылья в небе распластала,
Солнце спрятала в башлык.
Обрывая камень дикий,
По ущельям ветер гикал,
А они всё шли и шли.

От шагов земля дрожала.
Впереди их тень бежала,
Тень легла на небосклон:
В полдень—будто в полудни—
Шли две тысячи рабочих
По тайге со всех сторон.

2

Забойщики, откатчики, крепильщики, монтёры,
Проходчики, накладчики, бурильщики, шахтёры.

И старые, и малые, и женщины, и дети,
Голодные, усталые явились за ответом.

Слова у них рассчитаны—чьё сердце не затронут?
Найдётся ли защита им по правде, по закону?

Сошлись они сегодня здесь для мирных разговоров.
Какую же услышат весть две тысячи шахтёров?

Что скажет пасынкам своим таёжная дорога?
Какой ответ готовит им закон царя и бога?..

Но вот последний переход, шагай не отдыхая:
За перевалом прииск ждёт, зарница полыхает.

Солдат-горнист дудит в трубу,
Поёт, рыдает медь:
Иди, встречай свою судьбу,
Кто хочет умереть...

3

Бескозырки. Шинели. Штыки.
Частокол на дороге. «Куда вы?»

Неподвижно стоят горняки.
— Берегитесь, детишек задавят...

— Ничего... потихоньку... пройдем..
Потеснились. Толпа прибывает.
Но солдатские цепи кругом
И колючая сталь, как живая.

И опять засигналил горнист.
— Что вы? Что вы?..
И вдруг—захлебнулись.

Гром! Огонь! И стремительный свист!..
Беспощадно ударили пули.

Беспощадно рокошет сигнал,
С хрипом дышат солдатские груди.
Кто-то крикнул и грузно упал.
И земля покачнулась, и люди.

— Отступайте! Бегите! Назад!!!
Повалились ряды. Застонали.
Кровь и слёзы смещались в глазах,
Но винтовки пощады не знали.

Гром! Огонь! И стремительный свист!
Раскалённые дула дымятся.
И опять засигналил горнист.
— Прощевайте, товарищи, братцы...

Рухнул старый Авдеев. Устало
Бородою уткнулся в сугроб.
Рядом девушка Настя упала,

Зажимая простреленный лоб.
И ещё, и ещё... Повалились...
Закричала Алёна:—Спасите!..

.

На снегу багровёлая сырость;
Камни солнцу кричат о защите,
Люди просят пощады у неба.
Но напрасно. Холодные тучи
Надвигает проклятая небыль;
Неприветливо скалятся кручи,
Вешний ветер, как смертная стужа...
Кровь дымится в сугробах и в лужах...

.....

КЛЯТВА НАД ЛЕНСКОЙ МОГИЛОЙ

Не шумит тайга густая, не шумит.
Ночь тяжёлая.
И зверь, и птица спит.
Ночь безлунная, угрюмая, темна.
Даже звёздочка на небе не видна.

Тучи путаются низко над землёй,
Сосны старые качают головой.
На лосиных тропах вдоль болот
Куржавеет инея налёт...

В эту ночь на зимовьё, в Глухом логу,
На витимском леденелом берегу
От раскрывшихся своих кровавых ран
Умирал на топчане старик Жиган...

Привезли его дорогою лесной
Милый сын с любимой женой,
В непогодную распутицу и грязь
Привезли его украдкой, хоронясь.

Возле дымного ночного камелька
Умирал он на алёниных руках.
Он не плакал, не прощался, не стонал—
Он товарищей убитых вспоминал...

Не шумит тайга густая, не шумит.
Лёд в разливах нарастает, ветер спит.

Туча крылья тянет низко над землёй.
Горы спрятались в тумане с головой.

Этой ночью, поздним часом не грустить,
Этой ночью поклялись мы отомстить.
На могилах у Витима каждый год
Наша клятва нерушимая встаёт.

Кровь отцов, друзей и братьёв—славный стяг.
Поднимает наша клятва грозный шаг.
Шаг рабочий крепнет в буре. Путь—широк.
Клич борьбы летит на запад, на восток...

1936—1938. Ленские прииски.

ВЕДОМОСТЬ
О СЕКРЕТНОМ ПРЕСТУПНИКЕ ЧЕРНЫШЕВСКОМ
за 1862—1883 годы

1. Чин, звание и фамилия, какой губернии уроженец:

Чернышевский Николай, государственный преступник, какой губернии неизвестно.

5. На какой срок или бессрочно подвергнут надзору и какому именно—гласному или секретному?

О сроке неизвестно. Секретному.

Из „Ведомости о государственном преступнике, находящемся под надзором полиции в Вилюйском округе, за 1876-й год“.

(Якутский архив. Фонд Вилюйского Полицейского
Управления, л. д. 640, 641).

Примечание редакции: Чернышевский Н. Г. был арестован у себя на квартире 7 июля 1862 года и сразу же перевезён в Петропавловскую крепость, где провёл в одиночном заключении почти два года. 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади в Петербурге состоялась процедура «гражданской казни». Осенью того же 1864 г. Чернышевский после короткой остановки в Усолье (см. «Люди из Бездны») проследовал в Кадаинскую каторжную тюрьму. Сюда к нему приезжала на свидание жена с малюткой сыном. В 1866 г. Н. Г. Чернышевский был переведён в тюрьму Александровского завода (Нерчинского округа); отсюда после окончания срока каторжных работ (1864—1871 гг.) его перевезли в Вилюйский острог. Здесь Н. Г. Чернышевский пробыл одиннадцать лет. В ночь на 2 сентября 1883 г. Чернышевский увезён из Вилюйска и 27 октября водворён на место нового поселения, в Астрахань.

В стихотворениях Анатолия Ольхона широко использованы подлинные исторические данные и сибирский фольклор о Чернышевском. Перечисленные в первой части поэмы имена: жан-дармского полковника Ракеева, дворянина Всеволода Костомарова, протопопа Полисадова, мещанина Петра Яковлева — собственные имена и фамилии личностей, сыгравших постыдные роли в «деле Чернышевского». Бездненский крестьянин, ссыльно-каторжный Никита Опарин, ленские ямщики, садоводы-братья, станционные смотрители Тулунского почтового станка, якутка Магда — фигуры народных легенд о Чернышевском. Солдатский сын, Ипполит Мышкин — историческое лицо, исторический факт — описываемая поэтом попытка освобождения Чернышевского. Позднее И. Мышкин замучен в Шлиссельбурге царскими охранниками.

СВОДЫ ЗАКОНОВ

...Один из обречённых, я почти на-
верное погибну...

Чернышевский.

АРЕСТ

На фигурных часах повернулась избушка,
За окном потускнел невесёлый закат.
Подскочила вертялая птица-кукушка.
Молоточек простучал часам невтопад.
Расплываются в кольца сигарные дымы,
И в стаканах не допит сверкающий чай,
Но уходят друзья, будто ветром гонимы.
Торопливо последнее слово: «Прощай».

— Что ж, прощайте...

Быть может, навеки разлука.

Обернитесь, взгляните скорей на него:

Впереди его—смерть,

Или смертная мука...

Но ему ли бояться пути своего?

Улыбаясь, он машет рукой на прощанье,

Говорит им:

— До завтра...

А думает сам,

Что сегодня, последнее это свиданье,

Накричала кукушка ему по часам.

И тревожны друзья, и не в меру любезны:

Поклонились жандарму.

А тот, словно бог,

Словно дьявол в мундире,

Пришедший из бездны,

В золотых аксельбантах, шагнул за порог.

Звякнул шпорой и ждёт...

Вот захлопнулись двери—

И ни входа теперь, и ни выхода нет.

Полицейские в чёрных шинелях, как звери

Перерыли его кабинет.

Дыбом поднято всё...

Груды книг и журналов,

Под ногами раскиданы клочья газет.
Среди старых статей,
Из бумажных завалов
Выпал маленький женский портрет.
И, совсем как живые, глубоко взглянули
Так любимые им дорогие глаза;
Показалось ему, что в них слёзы сверкнули...
«Будет плакать, а мне и утешить нельзя».

Сердце стиснула давняя, тайная жалость.
«Как она будет жить? Тяжело будет ей:
Ведь в наследство одно только горе осталось
Да сиротская доля детей...»

Горло давит рыданье.
А надо сдержаться,
Спрятать мысли и чувства от чуждых людей,
Надо гордо смотреть и в лицо улыбаться
Неизбывной, неведомой смерти своей.
Надо твёрдо смотреть, как жандармские руки
Распахнули шкафы и открыли столы,
И полковник, сквозь зубы зевая, от скуки
Самолично обшарил пустые углы.

Да и впрямь, поскучает сегодня охранка:
Не нашлось, не сыскалось желанных улик,
Только ворох статей,
Недоправленных в гранках,
Да полдюжины английских книг.

Взяли письма жены, дневники, корректуры.
Связку книг полицейский взвалил на плечо.
И какой-то чиновник, безликий и хмурый,
Кабинет опечатал литым сургучом.
А в столовой, где плачет прислуга-старушка,
Повернулся фигурный резной циферблат:
Деревянная птица, вещунья-кукушка,
С перепугу кукует часам невпопад...

ЖАНДАРМ РАКЕЕВ

Поглядеть на него—он и вежлив, и скромен,
Ослепительно чисто, моложаво лицо.
Только глаз его жёсткий
Неподвижен и тёмн.
И по взгляду такому узнают подлецов.

Он глядит, не мигая,
Будто в самую душу
Хочет влезть
И на ощупь вызнать мысли других.
Он любую надежду умело задушит.
У него по-звериному быстры шаги.
У него деликатно начищены ногти,
Лёгкий запах духов он приносит с собой...
(Но под замшей перчаток почувятся когти,
Аксельбант померещится петлей тугой).

Поглядеть на его ордена и медали,
Золотое шитьё на лазурном сукне,—
И всплывут пред тобою
Сибирские дали
Или тяжесть решёток в тюремном окне...

Этот холёный барин в жандармском мундире—
Столп законов империи,
Царский слуга,
Охранитель короны,
Самой проклятой в мире.
Он в любом правдолюбце встречает врага...

У него послужные, похвальные списки
Отмечают высокий полковничий чин,
Им начальство довольно.
И, дружески близкий,
Генерал Бенкендорф его службе учил.

С давних пор уже этот полковник Ракеев
К литераторам русским—
По службе—привык...
Три десятка прислуг и продажных лакеев—
Вместе с ними
Повсюду полковник проник.

Все беседы в редакциях,
Сплетни и слухи,
Разговоры в салонах
И встречи друзей,—
Всё доступно его неусыпному нюху
Из доносов вернейших людей...

Четверть века назад
Начинал он карьеру.
Он был скромный поручик.
И всё ж генерал
Своему, молодому тогда, офицеру
Отличиться удобнейший случай сыскал.

Государственной важности выпало дело.
(А такую удачу должнó оценить!)—
Литератора Пушкина брeнное тело
Он,
Ракеев,
Увёз хоронить.

И частенько потом вспоминалось об этом...
Как без úстали гнал он тогда ямщика,
Как метель голосила над мёртвым поэтом.
(У жандарма тогда задрожала рука).
Он попа торопил возле бедной могилы.
(Поднимались ворóны с насиженных мест).
Гроб в замёрзшую глину с трудом опустили,
Пономарь перепуганно вкапывал крест...

.

По приказу царя всё исполнено было:
Схоронили н е с л ы ш н о.

Четверть века прошло...
И в чинах, и в наградах его не забыли,
И сегодня опять ему дело нашлось.
Нынче взят Чернышевский,
Бунтовщик, литератор.
Предписание шефом было лично дано:
«Повелеть соизволил государь император,
Чтобы взяли б е з ш у м а...»
И всё свершено,
Всё исполнено точно—
Арестован «без шума»...

И полковник Ракеев верноподанно рад:
За такую удачу,
Можно смело подумать,
Не оставят, конечно, без новых наград.

ЧЕРНАЯ КАРЕТА

Вот и дверцы распахнуты настезь... Входи!
В этой чёрной карете вмещается мир.
Сердце, кажется, вспыхнет, взорвётся в груди,—
Но бесстрастен, безмолвен жандарм-конвоир.

Видишь?
Там, в переулке, горят фонари,
Сон домов на граните незыблем, тяжёл.
Над Невою белесые перья зари.
Это мир,
Тот,
Откуда ты нынче ушёл.

В ресторациях шумно пируют дельцы,
Отдыхают сановники в Царском селе.
Богадельни, бараки, казармы, дворцы—
Всё, как было, на этой знакомой земле.
Слышишь?
Поздний прохожий идёт торопясь,
Деревянную тростью стучит по торцам;
Сонный дворник сметает вчерашнюю грязь...
Что тебе?
Этот путь ты прошёл до конца.

Где-то дети, родные, друзья и жена,
Гул редакций и тихий домашний уют;
Эта «повесть о личном» тобой сожжена.
Но припомнились
За пять коротких минут:
Петербург и Саратов, и Лондон...

Зачем?
Весь масштаб географии нынче иной:
На высоких колёсах, могилен и нем
Мир
Квадратной коробкой
«Стоит пред тобой—

Лакированный, чёрный распахнутый гроб.
Две скамьи для сиденья. (Как пыльно внутри!)
Что ты смотришь, очки поднимая на лоб?
Жизнь окончена?
Значит иди и умри.
Приготовься погибнуть...
Тебя ли пугаёт
Петропавловской крепостью,
Смертной тоской?
Поднимись на ступеньки!
Четыре шага...
И захлопнутся дверцы вослед за тобой.

С этих дверей двуглавые рвутся орлы,
В их когтях истомится любая душа.
Чёрноклювые птицы встревоженно злы,
Но шагай им навстречу, шагай не спеша.

Полицейские кони копытами бьют,
На окошках кареты густая тафта.
Где-то своды законов давно тебя ждут
И дорога далёкая, дальняя, та,
На которой ломаются чувства людей,
По которой никто не вернулся назад...

Но рождённый для светлых, великих идей
Ты пойдёшь ради них в ледяной каземат;
К эшафоту пойдёшь. Всё отдашь навсегда,
Чтобы только Россия и русский народ
Поминали тебя на века, на года,
Чтобы зарево билось во весь небосвод.

А сейчас, над Невой, только искры зари.
Город спит. (И Россия ещё в полусне).
В переулке соседнем горят фонари,
И гуляка, прохожий, поёт о весне,
А на улицах осенью пахнет.

И мир,
Измельчав, потускнел, как прошедшее лето.
И давно поджидает тебя конвоир
Перед чёрной тюремной каретой.
Вот и дверцы распахнуты настезь... Пора.
— Господин Чернышевский, входите!

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ

Он не носит короны—
Носит кивер с султаном.
Бакенбарды его—знаменитей реформ.
На дворцовых парадах
Он стоит истуканом
Среди золотом шитых, тугих униформ.

Он—властитель России.
Сочиняет законы,
Орден и награды швыряет кругом.
И сенат, и дворянство
Бьют покорно поклоны,
Верноподданной лестью
Славят скипетр его.

Но он в скипетр не верит.
(Верит в шефа жандармов)
Мономаховой шапкой не покрыта страна,
И народ не осилишь
Ни тюрьмой, ни казармой,
Пусть вся сила империи
Одному отдана.

Повелитель российский,
Как он стиснул державу!
Он крестом и кнутом усмиряет народ.
Он помещиком первым был назван по праву,
Крепостную Россию пустив в оборот.

Себялюбец, фразёр, он любил манифесты,
В тронной речи слезами
Всю Европу дивил...

Но в докладах охраны были грозные вести,
Полыхали зарницы от кровавых могил.
Восставали крестьяне,
Бунтовали мещане.
А из Лондона Герцен то просил, то грозил.
Даже в дальней Сибири поднялись каторжане,
Генерал-губернатор едва усмирил.

Расцветает крамола,
Трон империи зыбок,
Но хранителя власти не легко испугать.

И в бессонные ночи,
После бальных улыбок,
Самодержец России
Мсть готовит врагам.

Это он в каземате заморил Бейдемана ¹,
Он судил по законам,
А вешал без них.
По его повеленью всем «свободным» крестьянам
Уготована доля батраков вековых.

Он в подушную подать
Впряг крестьянскую душу,
Кабачки всей России сдавал на торги.
И чтоб подданный каждый покорялся и слушал,
Высочайшею розгой
Заменял батоги.

Он хотел быть великим царём и героем.
И чтоб царскую милость народ его знал,
Словно памятник вечный—
Он при жизни построил
Александровский, чёрный,
Всесибирский централ.

Повелитель России,
Как он самодержавен!
Всё согнулось в поклоне,
Власть его—наяву...
Но услышав ночами
Звон курантов: «Коль славен...»
Император тревожно глядит за Неву.

Там Петровская крепость, неподвижна, угрюма,
Над речными волнами поднимает гранит.
И тогда выплывает затаённая дума:
В этой крепости нынче
Чернышевский сидит...

Социальных идей
Проводник, собиратель
Ненавистную правду доверил перу;

¹ Михаил Бейдеман— герой известного романа О. Форш „Одеты камнем“,—жертва самодержавия. Арестованный по личному приказу Александра II, просидел в крепости около 25 лет в одиночном заключении. Сошел с ума и умер в тюремной больнице.

Титулярный советник,
Разночинец, писатель—
И осмелился Русь призывать к топору.

К революции, к буре
Зовёт он открыто.
Вся столица сегодня толкует о нём.
Это враг даже там, в равелине забытом,
Пишет письма сенату (и дерзко притом).

Что Бакунин и Герцен?
(Недоступны для власти!..)
Чернышевский страшней, ненавистней других;
С ним идут разночинцы,
Будят тёмные страсти—
Это новой породы объявились враги.

.
Ночь проходит глухая,
Жёлчь плывет с небосклона.
Белый лист донесенья самодержцем измят.
Будет суд и расправа
Под сводом закона;
Новый приговор завтра
Изготовит сенат.

РАВЕЛИН

Мёртвый камень кругом...
На решётках, в железе
Лихорадит багрянцем осенний закат.
За стеной кто-то горло себе перерезал,
И теперь его кровь замыкает солдат.
В коридоре бренчат комендантские шпоры,
Часовые столбами застыли в углах,
Громяхают ключи... проверяют запоры.

В равелине висит непроглядная мгла.
Низкий свод, словно купол, сырой и тяжёлый,
Словно тысячу лет эти стены стоят.
Серый камень, холодный, жестокий и голый,
Придавил навсегда каземат.

Сколько душ тут погибло под каменным грузом,
Сколько лучших раздавлено сил!

Многим жизнь здесь казалась постылой обузой,
Но пощады не каждый просил.
Кто сюда попадал,
Смерть того не страшила,
Смерть желанною многим казалась сама,
Лишь бы только душа свой огонь не тушила;
Не сойти лишь бы только с ума.

Старый камень грозит в одиночках удушьем,
Он подслушает тайну, сумятицу дум,
Он в осеннюю ночь
Наползёт с равнодушьем
И задавит согнувшийся ум.

Тут не страшен палач, убивающий тело,—
Страшен камень в проклятой его наготе;
Страшно думать, что светлое, славное дело,
Может быть,
Здесь, с тобою, умрёт в пустоте.

Легче здесь лишь тому,
Кто поверил и знает,
Что за стенами крепости был не один,
Что призывное слово его пролетает
В городах и деревнях
Российских равнин.

Легче здесь лишь тому,
Кто за счастье народа
Жизнь и счастье своё
До конца отдавал,
И чтоб в Новой России сияла свобода—
Шёл в неволю и страха не знал.

Равелин—это тёмная яма, могила.
Но бессмертная мысль не погаснет нигде;
Эшафотная ночь эту мысль не сломила;
И мятежная искра подобна звезде.

Люди, сильные духом, останутся живы,
В этих каменных клетках голов не согнут...
Только выйдя отсюда они молчаливы—
И на смерть, и на каторгу молча идут.

Ослабевшие духом не выйдут отсюда,
Равелин—это бездна для слабых умов.
Мёртвый камень сомкнётся и душит, покуда
Часовой подойдёт и промолвит: «Готов».

.
В коридоре бренчат комендантские шпоры,
С керосиновой лампой шагает обход,
Загремели ключи...
Отпирают запоры,
А преступник на койке лежит, не встаёт.

— Что с ним?
— Спит... Целый день за работой.
— Пишет всё?
— Точно так! Не устанет весь день.
На прогулку и то выходил с неохотой...

— Посвети-ка, дежурный. Да тише, тюлень,
Не стучи сапожищами... Лист нумерован?
— Нумерован, осьмнадцатый...
— Хм!.. Отойди.

Зашуршала бумага.
Как видно, взволнован
Господин комендант.
Торопливо глядит,
Перешупал листы:
Аккурат восемнадцать.
Быстрый почерк, а буквы ясны и просты...
И не верит жандарм, и не хочет признаться,
Что его растревожили эти листы.

— Заключённые пишут романы: «Что делать?»
Это значит—крамола закралась в тюрьму.
А начальство бумагу давать повелело?..
Комендант повернулся. Тревожно ему.
— Донесу. И немедленно...

Упали запоры.
Загремели столетнею ржавью ключи.
Беспокойно бренчат комендантские шпоры,
Часовой в коридоре прикладом стучит.
— Не спускать с него глаз!
— Точно так, по уставу!..

.

За окном петербургская осень, снежок.
Полицейские мёрзнут у Невской заставы,
Почтальон дилижанса играет в рожок.

В этот вечер,
Никем не отмеченный, серый,—
Одиноко сияла звезда с высоты...

ПРОТОПОП ПОЛИСАДОВ

Перед каждою казнию
В крепостных казематах
Появляется этот отец протопоп,
И скрипучею дверью
В коридорах горбатых
Перед ним раскрывается каменный гроб.

Поп приходит ночами,
Когда в равелине
Заключённые узники сумрачно спят,
Когда в крепости тихо,
Как будто в пустыне,
И пугливы глаза караульных солдат...

Распахнув свою рясу,
Он в камеру входит,
Осняет себя троекратным крестом
И гнусавые речи с молитвой заводит,
И в заплеснелый свод указывает перстом.

Для него—в высоте
Повелитель живущих,
Обещающий каждому мир и покой.
И наместник Христа,
Словно райские кущи,
Крестит камни застенка привычной рукой.

И тому, кто на утро
Будет взят и повешен,
Для кого приготовлен могильный наряд,
Поп толкует о том,
Что счастлив и утешен,
Помирившийся с миром,
Сознавший «брат».

За признание «грехов»—
Обещание рая,
За предательство—
Милость земного царя...
Протопоп Полисадов умело играет,
Часовые со страхом о нём говорят.

Исповедник, он ставит ночные допросы,
Он страшнее заправских, простых палачей:
Исповедные тайны жандармам доносит
И торгует слезами предсмертных ночей.

В эпитрахили чёрной
И с именем бога—
Заклинает,
Грозит,
Умоляет,
Зовёт.

.....
Но бывает и так, что взглянувши с порога
Протопоп Полисадов вздохнёт
И уйдёт.
Так и нынче...

Пришлось не по силам заданье:
(Есть такие сердца́, что ничем не сломить!)
На его, протопопово, увещеванье
Чернышевский
Преступник,
Не стал говорить.
Молчаливо на дверь показал, не стыдяся.
А ведь сам из духовного звания тож...
(Разлетается шёлком шуршащая ряса,
Протопопа невольно подёрнула дрожь).

— А ещё говорят: семинарская гордость!
Ждали—церкви российской светило растёт!
И, скажите, откуда крамольная твёрдость,
Где источник строптивости силу берёт?

СВИДАНИЕ В КРЕПОСТИ

Сколько было надежд.
Всё ждала перемены.
Всё училась неслышно, тайком горевать.
Скоро два года в крепости...
Серые стены...
А за ними—на кронверках солнце, трава...

Подбежала, заплакала:
— Боже мой, боже,
Что с тобой они сделали?..
— Тише, мой друг,
Господина поручика этак встревожим...
Но поручик чегой-то сконфузился вдруг:
— Mille pardone!
И к окну отойдя, отвернулся.

— Оля, надо спокойнее, видишь—здоров!..
Пересилил себя, кое-как улыбнулся.
А у ней нехватило улыбок и слов,
Всё глядела и чуть шевелила губами:
— Что с тобой они сделали, Коленька мой!

Он стоял, молчаливо,
Очки над бровями,
Исхудалый, колючий,
Какой-то чужой,
Непонятно-далёкий...

Хотел успокоить
И не мог.
Только руку до судорог сжал.
А у ней поднималось рыданье такое,
Что в глазах помутнело и голос дрожал.

Ей хотелось оплакать его, не скрывая,
Не стыдясь ненавистных, проклятых людей.
И стоит, и глядит она, как неживая,
Задыхаясь от жалости женской своей.

Как он вытерпел всё?..
В письмах были надежды,
Много нежности было...

И—в письмах—родной,
Оставался любимый и близкий, как прежде,
А сегодня свиданье, и он, как чужой.

Напряженный какой-то...
Хотя бы заплакал,
Хоть на что бы пожаловался...
Нет, не понять...
Поджидала, не будет ли тайного знака,
А потом перестала и этого ждать.

Шла обратно.
Замки рокотали железно.
В коридорах её провожал офицер,
Говорил о погоде, простился любезно...
Яркий день показался безлюден и сер.

Оглянулась назад:
Тишина, запустенье,
Как стеклянное море сверкает Нева.

.
Скоро два года в крепости.
Серые стены.
А за ними—на кронверках солнце, трава...

ДВОРЯНИН ВСЕВОЛОД КОСТОМАРОВ

Среди скользких газетчиков,
На страницах журналов
Объявился непризнанный, новый поэт—
Проигравшийся недоросль,
Дворянин Костомаров:
Отставной офицерик,
Уланский корнет.

В петербургских редакциях
Потолкавшись с полгода,
Немудрёную роль мудроно разыграл,
Напечатал в газете
Стишки для народа,
Стал известен по кличке
Как поэт-либерал.

Он умел, потрясая своей шевелюрой,
Вдохновенно твердить
О высоких делах
И для многих казался
Широкой натурой:
Вот каких, мол, родная земля родила.

Погляди,
Как никак из хороших фамилий.
Прогрессист, да какой—
Столбовой дворянин.
Разночинцы его у себя приютили,
Захудал, опустился?
Так он ли один?

Нынче это не так уже стало постыдно:
Идеалы—по Гегелю.
Жажда реформ...
Между прочим,
Частенько приходится, видно,
Дворянину
Искать себе лучший подкорм...

Всеволод Костомаров
Умел притворяться.
(К Добролюбову втёрся—
И принят как свой!)
И пришлось поздновато
Друзьям сознаваться.
Что личина людская
Фальшива порой.

После пышных речей
У господ либералов
С неудачных поэм
Перейдя на донос,
Клеветник по призванью,
Дворянин Костомаров
В чёрной прозе
Фальшивки жандармам принёс.

Угрызения совести чужды корнету.
Суд сената закрытый—о чём горевать?
Разночинца засудят по любому навету,
Костомарову нынче на всё наплевать:

Он напишет ещё,
Если только угодно...
(Чернышевский к тому же его обругал).
Что касается песни—
В газете—народной,
То её у французов он просто списал.

Благородство, прогресс,
Реномэ гегельянца?..
Но, позвольте,
Корнет—это всё-таки чин!
И, в конце концов,
Если уж надо сознаться.
Он не кто-нибудь вам—
Столбовой дворянин.

ПО УКАЗУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО...

Мелкий дождь.
На плацу грязноватые лужи.
По булыжнику хлюпают сотни сапог.
Полицмейстер, как ястреб, на площади кружит
В длинной сизой шинели,
Устал и продрог.
Чертыхается люто, разносит кварталных:
— Эшафот не готов, а сейчас привезут...

Заскрипели ступени в холстах погребальных,
Прибивают последние гвозди внизу.
— Всё готово-с!..
Сомкнулись солдатские цепи.
Напирает толпа.
— Тише, тише! Ведут...
У столбов эшафота, затянутых в крепе,
Привязали кого-то у всех на виду.

Высоко над толпою стоит он спокойный,
Близорукий, в очках. Прислонился к столбу.
На позор и на гибель царём осуждённый,
Он великую, славную видит судьбу.

Знает он,
Что столетья его не забудут,
Что народ его русский родным назовёт,

Что мечты о свободе свободными будут.
И сейчас уже славен его эшафот.

Там, внизу, за высоким барьером помоста
Онемела, застыла, недвижна толпа
Кто-то плачет навзрыд,
По-народному просто,
И какой-то солдатик споткнулся, упал.

— Загляделся?

Да, здесь заглядеться не диво:
Не разбойник стоит у столба и не вор.
Потому-то народ так глядит молчаливо,
И позорище казни—совсем не позор.

Пусть пронзительно-гулко гремят барабаны,
Пусть палач похваляется властью своей,
Там, внизу, за штыками военной охраны
Необъятное море молчащих людей.

Мастерщина, курсистки, студенты, торговки
И случайный чиновник с кокардой—молчат.
И солдаты, с тоскою сжимая винтовки
Непонятную тяжесть несут на плечах.

Тяжело, в самом деле, сегодня народу,
Хоть не каждый поймёт отчего—почему?
Ведь к столбу не привяжешь мечту и свободу,
И позорный ярлык не наклеишь уму.

У столба, опершись на ступени косые,
Он стоит, близорукий,
Скривились очки—
Так смешно.
На молчит, не смеется Россия,
Будто слушает в собственном сердце толчки.

Колокольни ударили к ранней обедне.
Что-то крестятся мало.
Но шапки долой!
На помосте читают жестокий последний,
Беспощадный указ о судьбе роковой.

Мелкий дождь моросит...
Все промокли, иззябли.
С головой непокрытою замер народ.

В тишине одиноко прозвякали сабли
И, внезапно... в цветах запестрел эшафот:
Кто-то бросил букет...
И толпа загудела:
— Будь здоров, Чернышевский!
— С тобою друзья.
— Будь здоров, наш герой!
— За народное дело
И на каторге будет забота твоя.

МЕЩАНИН ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Мутный свет.

Пахнет водкой и кухонным чадом.
Расторопный буфетчик, кудряв и румян,
Угощает гостей по кабацким обрядам,
Терпеливо заводит гремучий орган.

Целый день здесь шумливое длится безделье,
Разливная сивуха в стаканы плывёт,
И кричит и смеётся тупое похмелье,
Заливает тоску петербургский народ.

Всё какие-то чуйки, кафтаны, поддёвки
За столами, качаясь, сидят в картузах.
Половые бегут, не теряя сноровки,
Равнодушная скука застыла в глазах.

— Что угодно, почтенный?
— Садись, угощайся!
(Распоясался пьяный, богатенький гость).
— Благодарствую вас!
— Да, садись, не ломайся,
У меня, брат, сегодня на выпивку злость:
Угощаю и пью...

Половой удивился:

— Угощать вам, почтенный, придётся в наклад...
Гость ударил в ладони, на стол навалился.
(У, какой нехороший, блуждающий взгляд!)
Диковато ведёт разговоры хмельные,
Всё кому-то грозит волосатой рукой,

И слова у него бредовые, шальные,
И никак непонятно: кто сам он такой?

Прогоревший купец?
Не похож по обличью.
Сюртучок—по-студентски...
Да, нет, не студент.
Тянет тонкую шею, вертлявую, птичью,
Огляделся вокруг (протрезвел на момент)
И опять к полуштофу стаканы придвинул.

— Благодарствую, нам не приказано пить,
Но за ваше здоровье—одну опрокину!
Торговали с прибытком, осмелюсь спросить?

— Торговал...
И с прибытком!
Замётано дело.
Как ты, братец мой, точно меня угадал:
Торговал, говоришь?
Торговал и умело...
Человека сегодня жандармам прода́л.

Чернышевского, знаешь?
Да ты не пугайся,
Сам начальник охраны—мой друг дорогой
Что глядишь? Одурел?
Н-ну, садись, угощайся,

Подавай полугару, да выпей со мной;
Нынче я, брат, сильнее, чем сибирская язва,
Приучить бы меня к кистеню да к ножу.
Не Иудой, Петром при рождении назван,
А теперь у жандармов в подручных хожу.
И продам и куплю,
Лишь ценою бы спелись...

Работёнки искал, ну и выпал подряд:
Все писатели, вишь ты, начальству приелись.
А какое мне дело, кто в чём виноват?..
Совість, честь—
Это всё, брат, понятие пустое;
Наше дело, любезный, на пользу царю.
Ну, а царское дело немалого стоит,
Потому-то сегодня деньгами сорю...

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД

...Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди...
Только там люди да цепи
Цепи да люди.

Омлевский.

...Жить для себя возможно только
в мире,
Но умереть возможно для других.
Так мыслит он..

Некрасов.

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД

У ПРОЩАЛЬНОГО СТОЛБА

1

Тройка, тройка, птица-тройка...
Где там птица!
Еле-еле лошади бредут.
Дребезжит расколота спица,
Колесо скрипуче на ходу.

Неказиста сбруя, грязновата,
Поглядит ямщик да загрустит:
Почтовая тройка небогата,
Только кнут новёшенький свистит.

А уж сколько раз на тракте этом
В два конца промерен горный путь,
И зимой, и осенью, и летом.
Никуда с дороги не свернуть.

Седоки-то нынче не простые:
Арестанты, видно, из господ.
И, толкуют люди наездные,
Будто всё страдают за народ.

Говорят, что солнце правды брезжит,
А людей везут по рудникам.
И сейчас—сидит такой проезжий,
Два жандарма дремлют по бокам.

Тройка, тройка!..
Путь всё в горы, в горы.
Захлебнулся медный бубенец...
Высоки уральские просторы.
Перевал последний, наконец.

Чуть плетутся взмыленные кони,
Древний лес шумит по сторонам,
И ямщик, крестясь как на иконы,
Поклонился вздыбленным камням.

Ты чего?
— Кончается Рассея,
Попрощаться надобно, гляди:
Повернёт дороженька на север,
Там и столб прощальный впереди.

Вот и столб виднеется.
Но что там?
Крик, и плач, и ругань, и божба.
Голосит этапная забота,
Арестанты около столба.

Старики и женщины, и дети
Под конвоем сбились в полукруг.
Видно, чёрный жребий их отметил,
Заклеймил их каторжный недуг.

Суждено им вспомнить об утратах,
Горевать и плакать горячо
В кандалах, в распахнутых халатах,
С головою, бритой палачом.

Здесь рубеж, последняя граница.
За столбом дорога рвётся вширь.
Прощевай, российская земляца,
Здравствуй, горе-каторга—Сибирь.

II

Всё идут и идут, и идут...
По грязям,
По дождям,
По снегам...

Умирают они на ходу,
Поклонившись холодным тайгам.
Неизвестно в котором году
Стёрлись камни,
Легли колени...

Всё ведут их, ведут и ведут
За чужие грехи, за свои...

В лютый жар и в калёный мороз
От заветной уральской черты
Растянулись этапы насквозь
От Тюмени до самой Читы.

Конвоиры кричат. Торопись,
Поджидают тебя рудники.
На твою невесёлую жизнь
Поднялись частоколом штыки.

Прощайся-ж с родимой землей,
Горсть её в узелок завяжи
И, когда час настанет лихой,
В гроб с собою её положи.

В безымянной могиле дремать
Будет слаще с землицей родной.
Как твоя терпеливая мать,
Она ласкова будет с тобой.

У столба на последнем хребте
Горькой жизни своей не скрывай,
Русской ты поклонись нищете,
Вместе с нею навзрыд запевай.

III

Песня Сибирского тракта

Гонит жёлтые листочки,
Гонит ветер гулевой,
Тучи дрёмные, с дождями
Слёзы льют над головой.

По дороженьке широкой
Арестантики идут,
На дороженьке далёкой
Себе кликают беду.

За уральскими камнями
Птичка—в ельничке—снегирь
Позади тебя—Рассея,
Перед личиком—Сибирь.

Обождите, не спешите,
Эй вы, босы и голы,

Левой рученькой держите,
Придержите кандалы.

По распутью, по росстани,
Помяни родимый край.
На прощальном на привале
Нашу песню запевай.

Чтобы кости не стучали,
Чтобы путь короче был,
Чтобы вы не заскучали
У дорожных у могил.

Кто там лёг, не всё равно ли?
Знать, такая ж голытьба:
На спине бубновым тузом
Припечатана судьба.

Не зови Сибирь чужою,
Только душу береги:
Места хватит под землёю
Для тебя и для других.

КАНДАЛЫ

Заковывали в Томске...
Жёлтый вечер
Над городом качал сухие облака.
Тягучий жар, как бы от сотни печек,
Плыл из степей.
Сомлевшая река
Лениво катила глинистые вёды...
Было душно.
На улицах похрустывал песок.
Казённые скрипучие подводы
Тянули груз куда-то на восток.

На гауптвахте, где остановились, пахло водкой,
Скучали часовые.
Комендант
Беседовал с досуужей молодкой...

Не вó-время подъехал арестант.
Возись с ночлегом,
Принимай жандармов,

Заказывай на утро лошадей.
А тут ещё кузнец ушёл в казармы.
Кого послать за ним?
Свободных нет людей.

По предписанию, данному в столице,
«Преступник Чернышевский должен быть,
Прибывши в Томск,
В присутствии полиций,
Немедленно закован...»

А осмелимся спросить:
Ужель в Санктпетербурге не нашлось заклёпок?
Зачем везли досюда без оков?
Пугнуть хотят Сибирью?..

Да не робок
Преступник Чернышевский, не таков.
Прослушав предписание, подчинился
Довольно равнодушно.
Пожал плечами,
Поставил ногу на колодку.

Молоток
С железным лязгом звонко опустился,
И кандалы качнулись между ног.
— Носи, не потеряй!—сказал кузнец привычно.
И тут родилась мысль, нелепая, как бред:
«Не потерять бы в самом деле...»
Как обычно,
Внимательный во всём,
Он долго щупал цепь: не свалится ли?
Нет,
Её, оказывается, не скоро снимешь,
Не скоро разомкнёшь.
Она крепка.
И, если на руке её прикинешь,
То удивительно покажется легка:
Как раз пять фунтов весу, по закону.
А на ногах волочишь, словно пуд...

Пять фунтов кандалов—нацепят по закону..
А если незаконно душу закуют?..
Как тяжело висят её оковы,
Заклёпанные русскою тоской?

И сколько весу в них?
Прикинь
На гирях тысячепудовых,
На бедности,
На ярости людской.

Ощупай цепи—славу лихолетья,
Казённым весом их не измеряй.
Пройдут года, а может быть столетья,
Ты вспомнишь кузнеца.
— Носи, не потеряй...

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

1

Лунным заревом ночь перебита,
Открываются сны наяву.
Деревянные церкви Ирбита
К полундщной молитве зовут.

Звон тяжёлый такой, невесёлый,
Медной жалобой льётся в поля.
И твердят в деревнях новосёлы:
— Спаси, господи, люди твоя...

— Спаси, господи... Этакой ночью
Плохо спится нивесьть почему.
На Иртыш, на Тобол, к Заволдчью
Гонит ветер косматую тьму.

По ухабам, по гатям болотным,
Повернув колеи на восток,
Старый тракт от столбов приворотных
Всю Сибирь перешёл поперёк.

От шлагбаумов омских и томских
Будто встали столбы в караул,
От острогов и сёл божедомских
Старый тракт свой хребёт растянул.

Посчитай, сколько вёрст до Амура:
Здесь темно, там—давно уж заря...
Вековая дороженька хмура,
Не изъездить её почтарям.

Если б кто-нибудь птицей поднялся,
Тракт сибирский зарѣз оглянул,—
Он бы долго смотрел, удивлялся,
А потом, может быть, и всплакнул.

Города невелики, невзрачны,
Залегли наподобье берлог.
В каждом городе логовом мрачным
Поднимается царский острог.

Из добротного камня он сложен,
И железная крыша на нём,
Целой улицы будет дорожке
Этот длинный, осанистый дом.

В деревнях эти зданья беднее—
Там кирпич заменило бревно.
Чуть не в каждом посёлке темнеет
Под решётчатой вязью окно.

Эти тёмные здания стойки,
Им не скоро рассыпаться в пыль...
И такие-то всюду постройки
Украшают сибирскую быль.

Поневоле здесь люди угрюмы,
Плохо спится, нивесть почему,
Всё мерещатся чёрные думы:
Вспоминай-ка тюрьму да суму.

Если за́полночь колокол брякнет,
Медный гул в переулках тая,
Скажешь:
— Страшно живётся на тракте,
Спаси, господи, люди твоя!..

II

«Сибирь, Сибирь—золотое дно.
Золотое дно—
Глубоко видно:
Ест прошеное,
Носит брошеное,
Живёт краденым...»

Эта ли пословица
Ветром протрезвонится,
Песня ли варнацкая
Ухнет по тайге...

Столбики клеймёные,
Думы полонённые,
Плачутся бубенчики
На крутой дуге.

Много дальних есть дорог в России,
Дальше этой нет...
Не твои ли кости износились,
Затерялся след?

Не тебя ли вьюга окликала:
— Кто ты? Отзовись!
Над пустыней синего Байкала
Снеговая высь.

Широко Сибирь гостей встречает,
Рад или не рад.
Если даже сердце заскучает—
Не уйдёшь назад.

Слышишь ты, в тайге заголосили:
— Потерялся след...
Много дальних есть дорог в России,
Дальше этой нет.

III

Селитьбу ставили на тракте по указу.
Листвяжный лес рубили топоры,
И вот пошли тесниться коновязи,
Амбары и ямщицкие дворы.
И всё это росло и расплзлось
Всё шире—
Вдоль дорожной колени,—
Заборами высокими связалось,
Делило избы дымные свои.
Горбатилось,
Плодилось,
Горевало,

Часовню и кладбище завело.
Так будет впредь и раньше так бывало—
Сибирское, ямщицкое село.

Здесь жили трактом:
«Бичиком»,
Гоньбою
Почтовых, грузовых, перекладных.
Платили подать с руганью, с божбою.
(А подать брали с мёртвых и с живых!)

Здесь никаких помещиков не знали,
Хозяин был один—
Российский царь.
Его порою крепко поминали:
Колючим словом славился почтарь.

...На тракте жить—не шуточное дело:
Что день, что ночь, впрягайся и гони.
На облучке полжизни пролетело.
Да ничего, привычные они:

Им по наследству выпала ямщина,
Сибирский тракт навек приколдовал.
(И на колёсах катится кручина
Через тайгу, болотом, за увал).

Всё полбеда, да трудно прокормиться.
Одной заботой гнётся голова:
Своим-то хлебом долго не пробиться,
Купить легко, да хлеб дороговат.
А тут ещё кандалные...

Известно,
Что год, то больше гонят на восток.
Как поглядишь, послушаешь их песню,
Кажись, последний отдал бы кусок.

IV

Милосердная песня

Милосердные наши батюшки,
Милосердные наши матушки,
Не забудьте арестантов—Христа ради!

Пропитайте души грешные,
Пропитайте души бедные,
Сожалейтесь, родимые.
Мы голодные, гонимые,
Сожалейтесь, печальники,

Мы—невольники, кандалники,
Сожалейтесь,—Христа ради!

Мы сидим-то во неволюшке,
Мы идём-то во неволюшке.
В тюрьмы каменны закованы,
За решетками, за железными,
За замками, за висячими,
Маем горе наше тёмное,
Мычем долю нашу горькую.

Распростились мы с отцом, с матерью,
Со всем родом своим, племенем.
Пропитайте милосердно,—Христа ради!..[†]

V

— Гляди, идут...
Шатаются, качаются,
Котомки на плечах;
С прохожими встречаются.
Оковами стучат.

Не радостно им праздничать—
Полмира обойти.
Не сладко христарадничать,
Да голодно в пути.

Они такие тёмные
Глазами и лицом,
Усталые, бездомные
Встают перед крыльцом.

Чьё сердце тут не сжалится?
Нет хлеба—дай поклон.

„Милосердная“—старинная песня каторги. Здесь без всякого изменения дается вариант, записанный автором этой книги от иркутского пенсионера—инвалида Тимушева Ив. Г., 76 лет, бывшего крестьянина Вологодской губ. Усть-Сысольского уезда, с. Усть-Нем, осужденного за убийство урядника и отбывшего каторгу в Александровском централье. Другие варианты „Милосердной“ см. Кеннан „Сибирь и ссылка“ и Максимов „Сибирь и каторга“, т. 1.

Пойдут да закачаются,
Во след железный звон.

— Гляди, идут...
Без имени, без отчества,
Ослабли с голодух.
Идут в царёву вотчину,
На каторгу идут.

Орловские, самарские
Шагают в рудники,
Всё царские да барские,
Всё больше мужики.

Иного люда мало тут,
А этих гонят—тьму.
Несут глухую жалобу
Да нищую суму.

По зною и по холоду
Идти им целый год;
Повымерли бы с голоду,
Да выручит народ.

Здесь нету хлеба лишнего,
Но знают с давних пор:
Прокормит нищий нищего,
А бедность—не зазор.

Примета сердобольная
В сибирской стороне—
Сухая корка чёрная
На полочке в окне.

Не днём, так ночью, может быть,
Голодный подойдёт.
Как не подать прохожему—
Жалкуется народ.

VI

...Сначала край степной,
Равнинный,
Неоглядный.
Потом идут леса,
Всё гуще и тесней.
Потом в разломах гор,

Стремительный и жадный,
Пересекает тракт
Холодный Енисей.
Всё дальше на восток
Идут хребты Саянов,
Высоко в небо подняты снега.
Стеной встаёт под пологом туманов
Извечная разлучница тайга.

Она гудит
Настойчивей, сильнее,
Корнями камень рвёт из-под горы...
Поселья стали реже и беднее,
Но шире станционные дворы.
Идут обозы—
Чайные—из Кяхты.
Из Нерчинска обозы—
С серебром.
И бубенцы горластые на тракте
Звонят за каждым каменным бугром.
А путь ползёт всё дальше, меж горами,
Как будто нет нигде ему конца
С этапами,
С почтовыми дворами,
С ямщицкой тройкой около крыльца.

VII

Первый голос: Везут...
Второй голос: Кого? В Россию?
Первый голос: Из России...
Закованный, по-вольному одет;
Покуда подорожную носили
Прописывать, пришла пора—обед,
Ямщицких троек утром не осталось,
Поедет с почтарями...
Второй голос: Молодой?
Первый голос: Не старый.
Только очень уж усталый;
В тюрьме оброс, как видно, бородой...
Второй голос: А не слышать,
Какого званья, чина?
Откуда он?..
Первый голос: Из Питера везут.
Насчёт чинов его,
Расспрашивал купчина—

Проезжий,—да, подикосся, наврут,—
Назвался будто писарем столичным...
Второй голос: Какой он писарь?
Врут тебе, ей-ей.
Везли разве когда-нибудь с поличным
На каторгу столичных писарей?..
Первый голос: Встречать не доводилось,
А быть может,
И были.
Кто их разберёт?
Там писаря на наших не похожи:
Столичные—особенный народ...»
Телеги дожидаясь почтальной,
Со скуки просвещая свояка,
Так толковал смотритель станционный
Тулунского почтового станка.

ЛЮДИ ИЗ БЕЗДНЫ

I

Прибайкалье...
Полынное всполье.
Клобуки снеговые Саян.
Вдоль старинной дороги в Усолье
Засыхает колючий бурьян.

Прибайкалье...
Далёкие тучи.
Голубая щетина тайги.
Ангара широко и могуче
Повернула на север изгиб.

Гонит тёплую пыль на увалах
Суховой из монгольских пустынь,
Вянет лист на ветвях чернотала,
Облетают черёмух кусты.

От московского тракта поодаль,
За увалы дорога идёт,
Там кресты на могильных колодах,
И внизу солеварный завод.

За кладбищем, у ветхой часовни
Деревянный заветренный дом.
Сколько лет ему, даже не вспомнить.
Всё давно покосилось кругом:

Арестантские камеры, клетки,
Кордегардия, будки, посты...
Жарко дышат полынные степи,
Пахнет дымом смолистым, густым.

Неприятное брезжит раздолье,
Сотню лет и вчера и поднесь.
Это старый посёлок—Усолье,
Государева каторга здесь...

Полыхают на варницах печи,
Ядовитый туманится чад.
Истомились, измаялись плечи,
А насосы скрипят и скрипят.

Сторона ты лихая, чужая,
О тебе прокатилась молва:
— На Усолье рассол дорожает,
Арестантская кровь дешева.

На Усолье порядки жестоки,
Возле варниц и днюй и ночуй.
Раза два не осилишь «уроки»,
И под розги пойдёшь к палачу.

Каплет пот в солевые растворы,
Соль застыла на выбритых лбах...
Возле флигеля главной конторы
Жестяные орлы на столбах.

Вьётся пыль среди башен дворовых.
Караульный заснул инвалид
И не видит, как тройка почтовых
Подкатила к крыльцу и стоит.

— Эй, проснись!..
Из телеги проворный
Конвоир соскочил с облучка,
А за ним вылез пыльный и чёрный
Арестант, бородатый, в очках.

Огляделся вокруг безразлично,
Будто видел Усолье давно,
Подтянул кандалы непривычно,
У крылечка присел на бревно.

А жандарм к инвалиду с попрёком:
— Что ты дремлешь? Где твой комендант?
Иль не видишь, везём издалёка,
Государственный наш арестант.
Шевелись!..

— Да чего шевелиться,
Комендант зван в Иркутск на обед.
Может, к вечеру он возвратится,
А скорее—до завтрага—нет.

— Отдыхайте!.. Тепло здесь в июле.
И кандалный пускай переспит.
Третий день я стою в карауле,
Говорю вам: начальство гостит.

II

Закричали, загремели,
Осторожней, сторонись...

— Три дня хлебушка не ели,
Животы надорвались...

Повалились в пыль заборы.
Толпы каторжных бегут,

Возле флигеля конторы
На штыках халаты рвут.

Цепи грохают, как гири,
• На земле тяжёлый след.

Что тут делать конвоирам—
Без начальства сладу нет.

Третий день кутит начальство,
Все смотрители пьяны.

Третий раз, отбив дневальство,
Взбунтовались горюны.

Разлетелись все запоры,
Бьют набатом кандалы...

Жестяные у конторы
На столбах дрожат орлы.

Вот они, взгляни, какие—
Солевары, жиганы:
Сухорукие, хромые,
На огне закалены.

Вот они, взгляни, какие—
На черпáлах шеи гнут:
Остролицые, худые,
Бородами враз трясут.

Низко сгорбились, скривились,
Пальцы вывихнуты вкось,
Щеки словно провалились,
Прóсолели все насквозь.

Божьей милостью питались
Государевы рабы...

Но сегодня зашатались
Заорлённые столбы.

Если смерть—одно спасенье:
На миру и смерть красна.
Нынче кончилось терпенье,
Стала каторга тесна.

Цепи грохают, как гири,
С кандалов слетела ржа...
Что тут, сделать конвоирам—
Перевязаны, лежат.

У цейхгаузов, у складов,
Сбив замок с глухой двери,
Десять дюжих дровокладов
Горстью делят сухари.

Делят шапками мучицу:
— Подходи и получай!
С голодухи пьют водицу,
Только челюсти стучат...

Меркнут к вечеру просторы,
Солнце пало между гор...

Возле флигеля конторы
Слышен тихий разговор:

— Кто-то спит.
— Очнись, печальный.
— Подымайся поскорей.
— Подымайся, друг кандалный,
Да отведай сухарей...

— По оде́же, вроде—вольный,
А в оковах...
— Митька, эй,
Тут бедует сердобольный,
Ты ему оковы сбей...

— Нет, не надо...
— Как не надо!
Али жизнь не дорога?..
За мукой беги до склада,
Торопись, уйдём в бега...

— Добрый путь!..
— Да ты в уме ли?

— Ты откуда?
— Кто таков?

Каторжане зашумели:
— Позовите стариков...

Волоча больные ноги,
Низко-низко поклонясь,
Подошёл высокий, строгий,
В седине до самых глаз.

III

— Как зовут тебя, барин?
— Зовут Николаем,
Но какой же я барин?..
— А што, скажешь: нет?..
Как по бабушке кличут?..
Ведь мы понимаем,

Николай—свет—Гаврилыч, чиниться не след.
Ты хотя и кандалный, а все-таки барин,
Только барин хороший и, видно, с душой...
Ну, а я прозываюсь Никита Опарин,—
Из Казани под старость в Усолье пришёл.
Не чурайся, мой свет, я—не вор, не убийца.
Я по роду, по племени русский мужик.
Думал счастье найти,
Думал правды добиться...
По ночам слышу будто бы истощный крик:
«Нету правды в Россее!..»
А как уж искали,
Сколько сгибло народу, спаси их господь...
От царя, от дворян, видишь, правду мы ждали.
Вот и вышла нам правда от наших господ.

«Выкупай,—говорят нам,—землицу родную.
Заплати,—говорят,—за избёнки вперёд...»
А откуда добыть нам деньгú выкупную?
Хлебопашцы, кажись, небогатый народ:
Животы охудали,
Коровы пропали,
Недоимки, оброки—
Гляди ты, беда...
В крепостных-то хоть хлеба порою едали,
А как вышла свобода—одна лебеда...
Повернулась колом государева милость,
А помещику выкуп подай, положи.
Тут народное дело у нас и случилось—
Взяли в руки тогда топоры да ножи...
Ты учёный, мой свет,
Может, даже и слышал:
Есть в Казанской губернии Бездна—село.
Вот оттуда со всею семьёй я и вышел.
И сегодня припомнить о том тяжело...
Ждали новых указов.
К царю посылали
Ходоков.
Приходи, мол,
Взгляни на крестьянскую жись.
Ходоки запропали.
Мы ждали их, ждали...
Три уезда шумели.
И вот, дождались,
Понагнали солдат.

И ружья, и пушки...
Крови пролито море.
Да что поминать,
Разметали по брёвнышку наши избушки...

Посмотри на меня:
Не разбойник, не тать!
И кругом—погляди!
Не скажи: душегубы...
Их на каторге мало.
Тут всё мужики:
Спины сечены,
Биты—повыбиты зубы,
Это наши всё, бэздненские, бунтовщики.
Эх, мой свет!
Кабы нам вожаком Пугачёва
Али Разина...
Нас бы тогда не смести,
Вся земля подниматься за нами готова,
Всколыхнулось крестьянство,
Да некому было вести.
Убиенные други схоронены в Бездне.
А живые...
Живые попали сюда,
Года три просидели на цепке железной.
И сейчас побежим, непонятно,—куда...

Ну, прощай, мой кандалный,
Закованный барин.
Ведь и ты—не разбойник какой и не тать.
Что ты бьёшь мне поклоны?
Никита Опарин
Может тёмным умом и тебя понимать;
И тебя, чай, в Усолье за правду примчали.
А бежать, как смекаю, тебе не к лицу.
Будешь в каторге жить—
Хоронись от печали,
Не страшись своему и чужому концу.
Человек ты мудрёный, но, как я гадаю,
Будет время и все твою душу поймут,
А умрёшь, так могилку твою обрыдают,
Тёплым словом страданья твои помянут...
Чтобы легче холодные цепи носились,
Не забудь, что Никита тебе завещал...
Остаёшься?

Дай бог тебе крепости, силы.
И прощай,
Николай—свет—Гаврилыч,
Прощай...

СВИДАНИЕ НА КАТОРГЕ

Высокий лоб, упрямо сжаты губы.
Крутые скулы...
Он или не он?
Халат надет на нём какой-то грубый.
Должно быть, николаевских времён,
Измятый и в заплатках.

Исподлобья,
Нахмуренно глядят запавшие глаза.
Личина каторжанского подобья—
Холодная, далёкая гроза.

Так вот он здесь каков,
Мыслитель,
Лишённый прав, свободы и труда,
Сибирских рудников давнишний житель,
Закованный на долгие года...
Ссутулился,
Но голову не клонит.
На конвоиров будто не глядит.
(Иссохшие, прозрачные ладони
Халат запахивают на груди).

Сейчас его позвали на свиданье,
И это озарило, наконец,
Двойную грусть его существованья:
Здесь—каторжник,
А там он—муж, отец.

Здесь он—«лишённый прав и состояний».
А там его права сохранены.
(Хотя бы лишь в словах воспоминаний,
В приветях из родимой стороны).

...Вот он идёт
И твёрдо так шагает
Навстречу бледной, плачущей жене;
Испуганного сына обнимает.

Спокойным кажется, но голос зазвенел...
Слова любви, заботы, ободренья!..
Да, он сумел их всё же отыскать,
Хотя взметнулось сердце от волненья
И кровь шумит встревоженно в висках.

Он вышел на свиданье, как на пытку...
О родственных беседовал делах,
Сухие губы морщились в улыбку,
(Но трудно улыбаться в кандалах).

Не о себе он был так озабочен:
В четыре дня истаяла жена,
Свиданья добивалась...
Между прочим,
Необходимо,
Чтоб уехала она.

Четыре дня шпионы и жандармы
Следят за нею...
Чудится ему:
Ведут её в рудничные казармы
И, вместе с сыном, в каторгу, в тюрьму...

Здесь всё возможно!
А ему бодрее,
Когда она в Саратове живёт.
Подальше их отсюда, поскорее,
Здесь произвол особенно гнетёт.

Ведь там ей всё привычно и знакомо.
Пусть рѹстит сына...
Там они вдвоём
Отца дождутся...
Лучше будет дома.

И он сумел поставить на своём,
Уговорил немедленно уехать...
Он даже улыбался в этот день.

ЗЕМЛЯКИ

I

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?..
Тишина.

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?..
Ночь темна.

Ночь темна,
В тюрьме темно.
От окна
Во тьме пятно
Чуть мерещится в глазах.

Дремлет погреб-каземат,
Дремлют стены,
Дремлют двери—
Для людей покоя нет...

За окном, огромным зверем,
Деревянный силуэт
Будто руку простирает,
Будто сумрак закликает
Перейти скорей в рассвет.

Со столба на перекладину
Опустила кдыца вниз,
Как змея, веревка-гадина
На чужую чью-то жизнь.

Палачам легка работа:
Тут не надо эшафота,
Тут ведь каторга—Сибирь...
Тут повесят, кто узнает?
Равнодушен тёмный мир.

Что же слёзы вытирает
Отупевший конвоир?
Видно, жаль ему кого-то,
И слеза ещё нашлась...
Тяжела тоска-забота,
Что ж, поплачь украдкой всласть.

Шинелёшка дыровата,
Ствол ружейный плечи гнёт,
Подневольна жизнь солдата,
Хоть не каждый и поймёт.

Он у виселицы ходит,
Караулит смерть в ночи,
Он тайком к окну подходит
И тайком в окно стучит:

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?
Тишина.

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?
Ночь темна.

— Спишь?

— Не сплю...

— А видишь?

— Вижу.

— Вешать будут утром.

— Вижу.

— Страшно, Николай Гаврилыч...

— Знаю.

— Тяжко, Николай Гаврилыч...

— Понимаю.

II

...Николай Гаврилыч с детства помнил
Низкий берег, избы, тополя,
Барский дом, пруды, каменоломни
И за Волгой жёлтые поля.

Хлебосол, помещик пригородный
В той деревне сказочно кутил
И на каждый праздник новогодний
Всех знакомых барственно дарил.

Из теплиц его оранжереи,
В новый год—с утра до темноты—
Казачки, одетые в ливреи,
Развозили южные цветы.

Весь посёлок знал причуды барства.
Барин был прославлен—чудаком.

Хилый отпрыск древнего боярства,
Он убит был собственным рабом.

Хоронить убитого съезжались
Из шести уездных городов...
И у многих в памяти остались
Чудеса помещичьих садов.

...Николай Гаврилыч помнил долго,
Как, приехав осенью с отцом,
Он гулял по берёгу, над Волгой,
Перед пышным каменным дворцом.

Пальмы там росли и орхидеи,
Гроздья роз пахучи и густы...
Казачки, одетые в ливреи,
Подстригали хрупкие кусты.

— Вот мои любители природы,—
Показал помещик на ребят:
— Оба Васьки, братья, садоводы,
Близнецы к тому же, говорят.

Поглядите, в самом деле сходство.
Вся семья такая, с малых лет:
Мужики, а любят цветоводство,
И отец садовничал, и дед.

Предлагали тысячу за штуку,
Но продать навеки зарекусь:
Эти Васьки знают всю науку...
Я в теплице даже их секу.

— Хе... Хе... Хе...—Помещик рассмеялся.
Под ногою хрустнули сучки;
Куст японской розы закачался,
Побледнели братья-казачки.

...И тогда запомнились: ливреи,
Блеск цветов—рубин и бирюза,—
Пестрота большой оранжереи
И испуг в мальчишеских глазах.

Земляки, саратовцы, родные,
Половодьем время пронеслось.
Садоводы братья-крепостные,
Вот где Васек встретить довелось.

Надерзил подросший Васька Панин
(Не-под силу стала маята),
Осерчал наследник, новый барин,
Сдал до срока парня в рекрутá.

А в солдатах вид имел неражий,
В «призывной» глазами заморгал
И попал—
В «войска тюремной стражи»—
Караулить каторжный централ...

Годы шли, и встретились братаны,
Да не где-нибудь, а в рудниках,
Где по сопкам жёлтые туманы
Улеглись на пыльных сорняках.

И второй садовник, Васька Панин,
Всю Сибирь протопал поперёк...
Запороть его грозился барин,
Да себя, грехом, не уберёт.

Вспомнил Васька кровные обиды
За невест поруганных и жён.
Заказал попу две панихиды—
И садовым, дедовским ножом
Заколол помещика в теплице,
Возле новых розовых кустов...

А потом на церковь помолился,
Парники поджог со всех концов.
И во всём спокойно повинился...

Принял он три тыщи батогов.
Год болел, хирел, но не сломился.
Только мясо выгнило с боков.

В Кадаю пришёл кандальным «вечным»
И теперь (ведь вот какая жизнь!)
В рудниках, под небом этим желчным
Близнецы на каторге сошлись.

III

А уж лучше бы им не сходиться,
Погибать бы неизвестными врозь,
Чем при встрече друг друга стыдиться.
В сердце прятать и жалость и злость.

Васька-Каторжник (горе лихое)
Неизбывной тоскою объят,
Смотрит волком, как ходит в конвое
Брат родной его, Васька-Солдат.

Брат ему стал всего ненавистней.
Он ни слова ему не сказал,
Только брови, как тучи, нависли
Да прихрустнул цынготный оскал...

С Николаем Гаврилычем вскоре
Познакомились братья...

Земляк
В каторжанском, безвыходном горе
Светлым солнцем сиял через мрак.

И конвойные, и каторжане,
Все, кто был одинок и угрюм,—
В Кадаинской тюрьме уважали
Благородный, отзывчивый ум.

За простое и тёплое слово,
Может быть и не зная того,
Всей душой одичалой, суровой
Арестанты любили его.

Земляку рассказали братаны,
Как их жизнь в Кадаю привела
(А у каждого тайные раны
И в глазах беспросветная мгла).

Конвоир всё искал примиренья,
Каторжанин мечтал—отомстить,
Говорил, что врагам нет прощенья,
Что тюремщика надо убить.

А вся каторга жадно следила,
Чем закончится братьев вражда,
И по камерам громко судили,
Что долгонько приходится ждать.

Вышло дело, однако, другое.
Был смотритель в тот вечер хмельной,
Ваське дал по зубам, при конвое,
И... с пробитой упал головой.

Васька-Каторжник тяжкой оковой
Бил надтмашь, себя не жалел.
Захлебнувшись тоскою багровой,
В две минуты совсем поседел.

Сердце плавилось, шире и шире,
Бушевала грозой душа...
Оттащили его конвоиры,
А смотритель уже не дышал.

По столетним, острожным уставам
Осудил его суд полевой...
И начальство велело поставить
Чёрный столб за тюремной стеной

Для острастки кандальному люду,
Возле окон у всех на виду...
Чтобы каждый сказал: «Не забуду»,
Чтобы помнилось долго в бреду.

...И в последнюю ночь, в непогоду,
Будто правя прощальный обряд,
По приказу начальника взвода
Ходит плачущий Васька-Солдат.

IV

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?
Тишина.

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?
Ночь темна.

— Спишь?

— Не сплю.

— Грустишь?

— Тоскую...

— Слышишь, Николай Гаврилыч, боль такую?

Песня смертника

Приготовили верёвку
Не толстú и не тонку.
Именинную обновку—
Длиннорукую пеньку.

Палачи, в цветных рубахах,
Закатали рукава.
Вот тебе моя папаха,
Удалая голова.

Не жале́й ца́рёва мыла,
Чтобы душу захлестнуть,
Чтоб петля меня давила
Горячо, не как-нибудь.

Что глядите, каторжане,
Рты разинув до ушей?
Затяните на прощанье
Песню родине моей.

На столбе, в петлѣ качаясь,
От нее не отвернусь,
В смертном хрипе заикаясь,
Русским людям отзовусь...

Ах, прости-прощайте, дру́ги,
Подкандалные мои.
Чѣрный коршун чертит круги,
Осмолѣнный столб стоит.

Палачи идут за мною,
Отходную мне поют,
За тюремною стеною
Я кончаю жизнь свою.

Те, кто выйдет к жизни новой,
Вспомни нас изда́лека,
Помяните добрым словом
Горемыку-бедняка.

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД

Через четыре года он заметил,
Как стали притупляться чувства...

Хотя попрежнему рудничные часы
Отсчитывали месяцы и сутки,
И по утрам смотритель голосил,
И так же шли поверки и побудки,
Ночные обыски, работа в рудниках,
Обед из пшённой каши, переписка...

Порой он видел это всё как бы издалека.
Казалось, что он вычеркнут из списка
Живых и мыслящих...

Хотя кругом
Попрежнему бряцали кандалы
И люди плакали, грустили и смеялись;
Зимою мерзли в камере углы,
А по весне все рамы открывались;
Но он все реже говорил
И равнодушной слушал...
Проснувшись утром,
День заране знал.
И чувствовал, что сердце бьётся глуше.
И в сущности, пожалуй,
Безразлично ему—
Зима или весна.

Тревога выросла не сразу.
В каземате
Уныло перелистывались дни—
Страницы книги, временем измятой,—
Заучены, запомнены они.

Их можно ошупью читать,
Не замечая,
Каков в них смысл,
Зачем они нужны,
Не радуясь, не плача, не скучая.
Катились в сердце волны тишины.

И, как-то вечером,
Он вдруг поймал себя на мысли,

Что слишком стал спокоен ко всему,
Что своды казематные нависли
Угрозой.
И что надобно ему
Куда-то выплеснуть всю накипь отупенья,
Чтобы душой покорно не заснуть,
Чтобы в привычной мудрости терпенья,
Как в омуте, ему не утонуть...

Тогда он стал тревожиться...
Быть может, слишком поздно?
Быть может, голос сердца онемел?..

Он поглядел в окно.
Пустыней многозвёздной
Огромный мир
Бессмертием светлел:
Переливалось небо над острогом...

Рядом
Лежали люди, бредили во сне.
Усталый часовой шагал за палисадом...
Тут он упал на койку
И заплакал,
Почувствовав,
Что всё-таки он рад весне.

ГОСУДАРЕВЫ ЯМЩИКИ

I

Всё тучи да горы,
Всё горы да тучи,
Глуха снеговая тайга.
Лесные просторы
Тесны и могучи.
На Лене круты берега.

По тракту заносы,
Пуржит да метелит,
Торосья на Лене гремят.
Седые утёсы,
Иззябшие ели,
Да столбики редко стоят.

Столбы верстовые,
Столбы расписные—
Примета этапных дорог;
От ближней деревни
До дальней деревни
Одна остановка—острог.

Якутские дебри суровы, дремучи
Преддверия белых пустынь.
Всё тучи да горы,
Всё горы да тучи,
Да возле дороги кресты...

II

Гулкий гром,—это рвутся деревья от стужи:
Пополам расколосась столетняя ель.
Синий снег на угорьях метелица кружит,
Пуховую в долинах взбивает постель.

То завоюет сквозняк голосисто, по-волчьи;
То набатом в тайге тяжело загудит.
Индевелые кедры ломает и корчит,
Каменистую землю насквозь леденит.

Снеговой рассыпает дрожащую пену,
Ветер режет, как сталь голубого ножа.
Белым мраком закрыло широкую Лену.
Низкорослые избы под ветром дрожат.

Спит приленский посёлок, затерянный в чаще.
Только жарко пылают всю ночь камельки.
На почтовом станке, возле печки дымящей,
Выпив водки, беседу ведут ямщики.

Первый ямщик:

— Ишь, погода какая.
Никак не уймётся,
А жандармы сказали: чуть свет—запрягать...

Второй ямщик:

— Им-то что!
Вот проезжий от стужи трясётся.
А приказано, слышишь, его сберегать...

Первый ямщик:

— Сберегут, дожидайся.

Видали, не первый,

Понимаем, что в ссылку на гибель везут.

Из каких он?

Второй ямщик:

— Да что ж, «государственный» верно,

Чистоватый такой и стекёлки в глазу.

По фамилии, слышишь, зовут Чернышёвской.

Обходительный барин, спаси его бог...

Первый ямщик:

— А с жандармами ладит?

Второй ямщик:

— Ну, он не таковской:

Всю дорогу ни слова, хотя и продрог,

А молчит, ни гу-гу, ничего не попросит...

Первый ямщик:

— Вот так барин!

А что про него говорят?

Второй ямщик:

Будто он, в одиночку, пошёл на царя:

— Слух-то, видишь, какой от Иркутска доносит.

Пригрозил бунтовать за крестьянскую долю.

подавай-де, мол, правду для русской земли;

Чтобы всякому люду свободу да волю...

Первый ямщик:

— Ну и что же?

Второй ямщик:

— Да что ж: в кандалах от царя увели.

Засудили его на повешанье...

Первый ямщик:

— Что ты?..

Второй ямщик:

— Вот те крест!

А верёвка возьми—оборвись!

У него на душе-то мирские заботы,
Не берёт, значит, петля евонную жись.
Ну, тогда закатали его в каторжане.
В рудниках, полагали, в железах сгниёт.
А не вышло...
В Олёкме вчерась проезжане
Толковали—железо его не берёт...

Первый ямщик.

— Не берёт?

Второй ямщик?

— Вот те крест!

Да оно и понятно,
Потому и везут его, слышь, на Вилюю:
Кто туда попадёт, не вернётся обратно...

Вот что, кум, я тебе, по знакомству, велю:
Ты возьми мою доху, поедешь—закутай,
Путь лихой, не помёрз бы.
Да только гляди,
Сделай всё это сам, а жандармов не путай,
Чернышовской от них не возьмёт...
Впереди —
Ямщикам накажи, чтоб давали одёжу;
Так с Иркутска ямщина везёт напроход.
Для него-то мирская забота—надёжа,
Человек он родной, пострадал за народ...

.....
Спит приленский посёлок в завьюженной чаще,
Спит проезжий на нарах в этапной избе.
И всю ночь до рассвета у печки дымящей
Ямщики толковали о тёмной судьбе.

МЕСТА ОТДАЛЁННЫЕ

Вихрями в бурные годы,
В край наш занесит глухой
Птиц неизвестной породы
Смелых и гордых собой.

Омулевский

..Надобно же нам не уронить себя,
со стороны бодрости характера, перед
людьми, которые будут изучать нашу
жизнь.

Чернышевский

МЕСТА ОТДАЛЁННЫЕ

ДЕБРИ

I

Сини сугробы на Лене.
Ветры на Лене гремучи.
Зимние пышные тучи
Плавают в розовой пене.

В розовой пене заката
Медное солнце садится.
Ветер позёмкой дымитя,
Лёд по дороге накатан.

Лёд по дороге накатан.
Стынут торосья столбами.
Горные цепи—горбами
Подняли пламя заката.

Подняли пламя высоко;
Свет догорел и растаял.
Белая, вьюжная стая—
Рвётся позёмка с востока.

II

Проходили на север этапы,
На привалах плакались в песнях.
Тайга леденелые лапы
Протягивала поднебесью.

Дай-ка гармонь, я сыграю,
Звонче тряхну кандалами.
Путь к позабытому краю
В сумрак ушёл перед нами.

Плачет гармонь и смеётся,
Рвись, каторжанская глотка.
Слушай, как ночью поётся
Старая песня-находка.

Песня якутских этапов

Подожди, конвоир, не гони:
Всё равно до станка не дойти,
Ошалелый мороз уронил
Белопенную шерсть на пути.

Дай, прилягу в зыбучую стынь,
Снежный мир успокоит меня.
В неподвижности мёртвых пустынь
Не дожидаться весеннего дня.

Ошалелый мороз уронил
Белопенную шерсть на пути.
Подожди, конвоир, не гони:
Всё равно до станка не дойти!

III

Неприветлива, забыта, холодна,
Одичалая пропаща сторона.
Птиц не слышно.
Не видать звериных троп—
На сугробе поднимается сугроб,
Переливчатый, мерцающий хрусталь,—
Будто брезжит нетревожимая даль,
Будто призрачным сияньем налита
Синеватая, слепая пустота.

Невозвратно, одиноко, далеко...
На тайгу свалились хлопья облаков.
Снег и камень—
И под снегом тишина.
Лёд и камень—
И над камнем вышина.
Вышина, стеклянный купол, синий блеск:
Это в небе звёзд едва заметный всплеск,
Лунный сон в серебряной пыли.
Это вечная пустыня—
Край земли.

.
Якутия. Белые реки.
Замёрзшие стены лесов.
Холодная память навеки,
Полярный тоскующий зов.

Безлюдье неведомой ночи,
Окраина старой беды;
Костры потаённых урочищ,
В горах—ледяные сады.

Якутия. Тёмные вьюги.
Лавины звенящих снегов.
Морей голубые заструги,
Граниты немых берегов.

Пространства ночные. Трущобы.
Хребтов становые кряжи,
Болота, угорья, чащобы—
Полмира пустыней лежит.

ВИЛЮЙСКИЙ ОСТРОГ

Двор широкий, пустой.
Караульная будка.
Деревянный забор из смолёных столбов.
Между вялой осокой кой-где незабудка.
От стены до стены полтора шага.

Двор промерил он сам
На шаги, на аршины.
Подсчитал незабудки и брёвна в стене.
Дальних гор, на востоке, тупые вершины
Часто видит он даже во сне.

Все дороги отсюда навечно закрыты,
Здесь и летом в болотах синее лед.
По зыбучим тропинкам, в чащобе пробитым,
Почта два раза в год
Из Якутска придёт...

Время тут протекает неслышно-невидно,—
Никого,
Никуда,
Никогда
Не ведёт.
Жизнь уходит...
И здесь никому не обидно:
Год—как день,
Или день—словно год?

Обыватель по-своему время считает:
По крестинам,
Родинам
Да похоронам.
И никто здесь о доле иной не мечтает—
Все покорны привычкам и календарям.

Но тому кто идёт за острожной оградой,
Износив на себе не одни кандалы,
Много силы и мужества тайного надо,
Чтоб считать незабудки и мерить углы.

Полтора ста шагов от угла до другого.
Частокол потемнел, изветшало бревно...
С невесёлого неба, такого чужого,
Осыпается липкая сырость...
Ему всё равно.
Он не видит дождя...
По пятам, неотлучно,
Ходит следом усатый вилюйский казак.
Конвоиру сегодня особенно скучно,
Червь тоски его гложет:
— Дозвольте, в кабак!..

— Что ж пойдем...
Так выводят его «на прогулку».
За воротами город—
Домов шестьдесят.

Всё знакомо ему.
По кривому проулку
Молодые рыбачки на ловлю спешат.

Тянут песню, вилюйскую—горечь обиды.
И взлетает, как птица, напев высокѐ.
А потом, словно белого света не взвидя,
Обрывается песня...

Да так глубокѐ,
Что на сердце щемит.
И не знаешь откуда,
И не знаешь, зачем эта грусть рождена?
Раз послушал её—никогда не забудешь:
Эта песня и жизнь для тебя суждена.

Песня вилюйчанок

Что Вилюй, река глубокая,
Круты волны половодит?
Сторона наша далёкая—
Даже солнце к нам не ходит.

Даже солнце к нам не ходит,
За горами солнце прячется,
Ветер-сивер непогодит,
Нашей доле незадачится.

Нашей доле незадачится,
Не по мертвом, по живом
Загруститесь да заплачетесь:
На краю земли живём.

На краю земли живём,
Свету-радости не видели.
Тучи серые, осенние кругом
Нашу долюшку обидели.

Сторона наша далёкая—
Даже солнце к нам не ходит,
Что ж, Вилюй, река глубокая,
Круты волны половодит?..

Вот и кончена песня.

А! вот и казак.

Ухмыляется, выпил, душа потеплела:

— Всё молчишь, Чернышовской?

Не надо бы так.

У тебя голова-то с тоски поседела.

Аль не пишет жена?

— Пишет, пишет. Пойдём.

— Ну, а пишет, так что ты в тревоге?

Вот мы дома...

Смолёные стены кругом.

Заскрипела калитка в Вилюйском остроге.

МЕСТА ОТДАЛЁННЫЕ

I

Как забыть мне тебя, нелюдиму,
Необъятная родина вьюг?
Здесь жилища считают по «дыму»..
Снег и ветер хозяин сам-друг.

На поречьях посёлки издревля
Раздвигают сухой бурелом:
Два дымка́ называют—деревня,
Восемь дымов зовутся—селом.

Восемь юрт—это восемь несчастий,
Чёрный мор, нищета, кабала;
Будто все человечьи напасти
Воедино судьба собрала.

По распутицам гибнут олени,
Поредело лесное зверьё.
Далеко от туземных селений
Городское, большое жильё.

Над тайгой, над болотистой бездной.
В зимний мрак и в сырую жару
Голод правит рукою железной,—
Вместо хлеба здесь гложут кору.

Зверобои богаты пушшиной,
Рыбаки не охают улов,
Да урядник с попом и купчиной
Всё зарáз заграбастать готов.

Кабала тяжелей год от года,
Промыслóвое дело не впрок:
Меховая добыча—за подать,
А рыбацья ловитва—за долг.

Русский царь-государь, издалёка,
Из-соседства якутский тойон
Под ярмо загоняют без срока,
Правят свой беспощадный закон.

Нашаманил шаман неудачу,
Или так суждено на роду,—

Только дети голодные плачут,
Да старухи считают беду.

II

Как забыть тебя, край одиночеств?
Ты мне снишься ночами опять.
Вижу я—
Без имён и без отчеств
На кладбищах изгнанники спят.

Вдалеке от любимых и милых,
Не оставив следов о себе,
Спят они в одиноких могилах,
Истомившись в неравной борьбе.

Но живёт о них давняя память,
И великая сила живёт,
Вольных дум озарённое знамя
Поднимает бессмертный народ.

Это знамя с ненастьями спорит,
Потому-то во мгле снеговой
Высоки незакатные зори
Над суровой якутской землёй.

Потому-то медлительно длинный
Вспоминает туземный напев
Путь изгнанников;
Песней былинной
Молодые сердца разогрев.

И заботой других поколений,
Чтобы память прохожий хранил,
На кладбищах старинных селений
Берегутся кресты у могил.

На крестах кто-то смелой рукою
В честь и славу погибших людей
Поднял к синим просторам покоя
Крылья смелых гостей—
Лебедей.

Как мечты, молодые порывы
Из могильников в светлую высь,
Словно птицы живые, счастливы,
Выше смерти они поднялись.

Широки эти крылья, могучи.
Это памятник дальней страны,
Где рождаются ветры и тучи
Накануне полярной весны.

ЯКУТКА МАГДА

Горбатая, костлявая старуха
Открыла двери:
— Принимай гостей...
Откашлявшись надрывисто и сухо,
Якутка Магда положила на постель
Убогий узелок,
Потом присела,
На корточках погрелась у огня.

— Ты что же это, бабушка, болела?
Давненько не бывала у меня.

— Давненько не бывала...
Словно эхо,
Откликнулась старуха,
Затряслась.
— Бельишко вымыла, да думала не к спеху.
Прости, Николушка, насилу собралась.
Беда ведь у меня: похоронила сына...

Сидела тихая, покорная всему.
Лицо иссохшее, в коричневых морщинах.
Шептала (как во сне) и кланялась ему:
— Прости, Никола...

— Что ты, Магда, что ты...
— Прости, Никола, долго не была...
Он сразу позабыл свои заботы,
Почувствовал в груди прилив тепла,
Хотел обнять её.
Присел у печки, рядом.
Погладил по плечу.

Как статуя, она
Глядела равнодушным взглядом,
Лицом своим измученным темна.

В прообразе её—долготерпенье,
Туземная, столетняя нужда.
Сидела у огня в оцепененье,
Оборванная, нища и седа.
Как эхо откликалась.

— Помер?

— Помер.

— Давно?

— Давно.

— А как давно?

— Сегодня девять дней.

Купец бывал у нас, слышал,

Пушник Ерёма?

Забрал за долг хвосты от соболей,

Оставил нам бутылку водки.

Парень выпил.

Да водка с купоросом, что ль, была.

Пошли в грудях у парня

С кровью всхлипы,

А смерть-то в одночасье прибыла.

Сгорел сынок,

Тепере я, вдовуха,

Одна совсем...

Да ты не осерчай,

Что долго не была к тебе старуха...

Бельё стирала возле сына по ночам.

Всё думала, что выдюжит...

Охотник

Такой был сын,

Могутный да большой.

Ан вот, купец попутал, захребётник...

Бельё-то я помыла хорошо,

Не осерчай, Никдла...

— Что ты, Магда, что ты!

Садись к столу да будем чаевать.

У нас одни с тобой и думы и заботы:

Ты для меня ведь не чужая будешь, мать.

ЦЫНГА

Зима кончалась.
Ветры дули с юга.
Двенадцать дней плескался снегопад,
Прозрачная, дымящаяся вьюга
Выламывала брёвна из оград.
Гудели крыши глухо и протяжно,
Как бы готовясь в небо улететь.
Острог стоял приземистый, коряжный,
Зарывшись в снег, как в логово медведь.

Двенадцать дней крутила непогода.
Весь мир, казалось, в сумерки одет.
Потом скатились тучи с небосвода,
И выплыл бледный, медленный рассвет.
Так кончилась зима...

Вдоль косогоров
Проталины желтели.
Каждый день
Он выходил гулять между заборов
И вспоминал, что где-то есть сирень.
В Саратове уже, наверно, жарко,—
Май на исходе, как ни говори.
А здесь снегá...
И небо так неярко,
И солнце за туманами горит.

.

В тот год весна в Вилюйске запоздала.
Зима была свирепой.
В феврале
Тюремная охрана сообщала
В Якутск:
«Преступник Чернышевский заболел».
Бессонными, бирючьими ночами,
Растапливая старый камелёк,
Он видел смерть—за самыми плечами...
Но вспыхивал погасший уголёк
И озарялось жадное сознание,
Былых надежд мятущийся костёр,
Огромное горячее желанье,
Желанье жить—всему наперекор...

Огонь его бодрил.
Всю зиму полыхала
Смолистая лучина в камельке,
Всю зиму непогода лиховала,
И льдины лопались от стужи на реке.

Болезнь подкралась вместе с холодами.
(Он сам её лечил и наблюдал).
Сначала пол качался под ногами,
Потом казалась горькою еда.
Три месяца он вылежал в постели,
Лечил себя брусничною водой...

Когда снега под солнцем загустели,
Он был совсем измученный, седой.
От слабости ему едва дышалось.
Он сгорбился, ссутулился, оглох...
Тюремное начальство отписалось
В Якутск:
«Преступник Чернышевский очень плох.
Не жалуется ни на что,
Но видно скоро
Помрет, не дотянувши до весны...»

Они ошиблись этим приговором,
Но были по-чиновничьи честны:
Умри он—
И в Вилюйске бы вздохнули
Спокойнее.
А тут опять хлопот...
Ещё в Якутске скажут: обманули.
Там смерти ждут его из года в год.

Сам капитан-исправник, недовольный,
Приехал навестить, а
Когда больной,
Секретный государственный невольник
Гулять впервые вышел за стеной,

В то утро над вилюйскими хребтами
Полярные летели журавли,
И облака, подбитые ветрами,
Кружились низко, около земли.

Он медленно шагал,
Попыхивал сигаркой
И вёл с собой упорный разговор:
— Пусть солнца нет и небо пусть неярко,
Но надо жить—всему наперекор...

СОЛДАТСКИЙ СЫН ИПОЛИТ МЫШКИН

1

— Ещё один заряд...
Казаки окружали.
Он видел, как далёкие кусты
Встревоженно ветвями задрожали,
Роняя пожелтевшие листья.

Чудовищная, топкая трясина
Тянулась вдоль обрывистой горы.
Над зарослями, в жиденьких осинах
Навязчиво звенели комары,
Гудел зелёный свод.

Под ногами
Похлюпывал болотный водоём.
Колючими, широкими рогами
Истлевший громоздился бурелом;
Столетние трухлявые колоды
Пересекали путь.
Тут некуда бежать—
Кругом пустыня:
Илистые воды,
Зыбун,
Лишайников пузырчатая ржавь,
И смерть кругом.

— Ещё один заряд!..
Укрывшись за колёдиной, он скинул
Изорванный, мишурный свой наряд—
Мундир жандарма, выпачканный тиной.
— Теперь не нужно маски.
Чу! Идут!
Холодный пистолет он поднял торопливо...

Урядник, спотыкаясь, на ходу
Выкрикивал в кустах нетерпеливо:
— Сдавайся, выходи! Собаками доймём!..
И, в самом деле, злобно взлаяли собаки.
Похрустывая, раздвигался бурелом,
Ругались озверелые казаки.

— Быть может, для себя оставить пулю?
(Курок на взводе!)
Нет, не в этом смелость...
Он медленно отвёл сверкающее дуло
И выстрелил вперёд, почти не целясь.

Урядник охнул.
Сбоку набежали,
Собаки навалились...
— Бей его, не трусь!..
Но он рванулся так, что люди задрожали:
— Держите псов!
Всё кончено, теперь—сдаюсь.

II

Профессия революционера—
Единственная, избранная им.
Как дуэлянт, всю жизнь он у барьера
Играл со смертью. (И непобедим!).

Во имя будущего,
Верный зову дружбы,
Он был готов пожертвовать собой.
Погибнуть там, где это делу нужно...

Солдатский сын, взлелеянный борьбой,
В нём билась сила, данная народом,
И он её народу отдавал...

Вот он стоит—
Большой, русобородый.
Приподнята высоко голова,
Лицо в кровоподтёках, исхудало.
Весь в тине, мокрый...
А в глазах
То вспыхивало вновь, то пропадало
Сияние—
Раздумье и гроза...

Досада жжёт его, как тайная отрава,
Проклятый аксельбант запутал жизнь.
(Он нацепил его на левое плечо,
А надо было справа;
В Вилюйске знатоки мундирные нашлись!).

Весь маскарад испорчен.
Подозренье.
Конвой в Якутск.
Проклятый аксельбант!..
Что думать тут о собственном спасенье,
Когда в остроге на Вилюе арестант.
«Теперь его запрут, конечно, строже.
Несчастный Чернышевский...»
Так шептал
Беглец
О том, чья жизнь была ему дороже
Своей.
Себя за жертву он не почитал...

С подложным документом офицерским
(Поручик корпуса жандармов!) он хотел
Один пойти, уверенным и дерзким,
Великий ум спасти для новых дел.

А сколько надо было сил и воли
Носить мундир жандарма
И уметь,
Курок в кармане стиснувши до боли,
На полицейских ласково глядеть?

А сколько надо было смелости и силы
В Вилюйск пробраться, зная, что назад,
Быть может, не вернуться;
Что в России
О нём, как об умершем говорят?

Казалось, всё предусмотрел и взвесил.
Ничтожная ошибка—и провал...
Он обвинял себя в невежестве и спеси
Все восемь дней, покуда бедовал
В болотистой тайге,
Спасаясь от погони,
Отстреливаясь,
Прячась в хвойнике.

Он знал, что всё равно его догонят,
И восемь дней держал заряд в руке.—
Последний...

Вспоминая об остроге,
О Чернышевском,
Он был решен
Себя прикончить выстрелом в дороге—
За неудачу.
Но потом остыл,
Почувствовал, что это театрально,
А он плохой актёр:
Поручика и то не мог сыграть...
.....
Его свезли в Иркутск дорогою кандалной,
И след его теперь не отыскать.

ОСЕНЬ НА ВИЛЮЕ

I

Дожди шумят, как будто водопады,
Сорвавшиеся с грузных облаков.
Тяжёлые таёжные громады
Затоплены разливом далеком.

Хрипят болота, чёрные трясины,
Кустарники поникшие дрожат.
На обнажённых зарослях осины
Багровая, пузырчатая ржа.

Всё сгнило, изветшало, опустело.
Гнилым туманом дышат пливуны,
В зыбучих тучах небо загустело;
Днём—солнца нет,
А ночью—нет луны.

Вилюйск притих, нахохлился и замер,
Прислушиваясь к шопоту ветров.
Угрюмыми, закрытыми глазами
Темнеют ставни низеньких домов.

За целый день ни встречных, ни прохожих.
На улицах—озёрами вода.
Теперь до первопутка бездорожье,
Не вылезешь, не выйдешь никуда.

II

Унылый вечер.
Холодно в остроге.
Ослизли стены, каплет с потолка.
Казак дежурный бросил на пороге.
Промокшие дрова для камелька:
— Затопишь, Николай Гаврилыч, сам, от скуки...
И вышел.
Что ж, от скуки, может быть,
И в самом деле...
Обжигая руки,
Он долго камелёк пытался растопить.

Сырые ветки корчились, скрипели.
Дымилась мокрая, пахучая смола;
Потом погасло.
Только сучья тлели.

Бездумно он глядел из своего угла
На камеру, на замкнутые двери.
Постыло всё...
Одиннадцатый год!
(А может, и столетье: как проверить?)
Он в этой камере тоскует и живёт...

Сосновый стол, скамейка, табуреты,
Убогая дощатая кровать,
Четыре полки книг и старые портреты
Жены и сына...
Трудно их узнать.

Наверно, там
Они сейчас совсем другие.
Там изменилось всё:
Его друзья,
Знакомые, приятели, родные...

И странно думать здесь—
Что у него семья,
Что где-то есть отцовский дом на Волге,
Что сам когда-то он счастливым там бывал.

Всё—как во сне!
Но здесь и сны недолги.

Хотя он всё-таки немного задремал
С открытыми глазами,
Одинокий, измученный...

На крыше дождь стучал.
В подсвечнике, из проволоки скрученном,
Коптила сальная оплывшая свеча.

Весь день,—охваченный сердцебиеньем,
Не видя, как сгущается туман,
Гонимый внутренним каким-то нетерпеньем,
Он торопился дописать роман—
(Последнюю надежду и заботу
За эти десять лет!..)

Когда ушёл казак,
Он с горечью перелистал свою работу
И вдруг,
В конце
Поставил знак—
Огромный, узловатый знак вопроса.
Потом, с бессильным гневом, строчку подчеркнул
И, яростно чернильницу отбросив,
Ночную камеру понуро оглянул
И съёжился в углу...

Холодная усталость
Давила мысли.
Низкий потолок
Ещё спустился ниже, показалось.
Забывтый чуть дымился камелёк.

В подполище лениво грызлись мыши,
Вся жизнь застыла тусклым полусном.
Стодневный дождь нахлёстывал по крыше,
Перекликались часовые за окном.

Струилось время...
Выплыл отдалённый,
Придавленный туманом перезвон,
Протяжный гул, призывный, колокольный—
Ворвался сразу с четырёх сторон.

Вилюйский арестант очнулся от дремоты,
Нашёл на ощупь спички.

Огощёк
Пугливо озарил
Листы его работы,
Окошко
И погасший камелёк.

Обугленные ветки не дымились,
Осыпалась холодная зола.
Подумалось, что все его забыли,
Вот только мыши смотрят из угла.

— Сейчас погреемся!..
Он взял листы романа,
Помял в руке,
— Не надо бы, да что ж,
Отнимут, отберут..
Пока ещё не поздно и не рано..
(Да и растопки лучше не найдёшь).
Вернёшься ли ещё когда обратно?..
А может статься, мыслью ослабел?..
Чуть слышно он шептал совсем уже невнятно
И горько улыбался сам себе.

Стремительное пламя пожирало
Прозрачные, упругие листы,
Сверкающими красками играло,
Отдвигало стены темноты.

А он глядел в огонь замороженный.
Ему хотелось так же бы сгореть.
Своей душой, в изгнании полонённой,
Как эти искры, вольно улететь.

Ведь перед ним металась и пылала
Не хрупкие бумажные листы:
Сияющие, солнечные дали,
Могучие, свободные мечты,
Предвиденья, надежды, обличенья,
Искания великого пути...

Он жёг себя, не зная отреченья.
И слёз его кровавых не найти.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

Пахло жёлтой полынью волнующе-горько,
За Барабинском степи легли широко...
Днём и ночью скакала казённая тройка,
Торопились жандармы, гоня ямщиков.
Подвязав бубенцы, городá объезжали,
Сторонились обозов и встречных подвод...

А столбы верстовые на запад бежали,
А на западе тучи—во весь небосвод,
А на западе—родина!
Русское поле—
Край отцовских надежд и несбывшихся дум,
Край сыновних мечтаний о правде и воле
Неприветливо встретил, дождлив и угрюм.

Деревеньки насупились, словно пустые,
Под соломою крыш приютилась нужда.
Захудалые нивы стоят негустые—
Долго надо им тучного семени ждать.

Городские окраины стали пошире,
И фабричные трубы повыше дымят,
И гудки, будто оклики новые в мире,
Над уральским нагорьем сурово гремят.

Обложные дожди осыпаются в Каму.
Это слёзы холодные льёт с высоты
На поля, на леса,
На болота, на камень,—
Русь, Россия!
Родная,
Заплакала ты,
Встретив сына-изгнанника.

Он, безымянный,
Возвратился к тебе через двадцать годин.
Он, под кличкой—«секретный преступник»,
Желанный,
Поседевший, замученный
Верный твой сын.

У него на губах горечь дикой полыни,
От якутских мерзлот он ослаб и одрях,
Но его не сломили года и пустыни,
Молодая мечта не погасла в глазах.

Он так жадно глядит...
Ночь безлунна и мглиста,
А кругом конвоиры лишь только одни.
Слышно, бьётся волна о высокую пристань
И вдали,
На Приволжье
Сигналят огни...

II

Пароходы гудят—
На разлуку, на встречу.
—Эй, дубинушка, ухнем!—поют бурлаки.
Над затонами чайки в небо крыльями мечут.
Города и деревни поднялись вдоль реки.

Здравствуй, Родина-мать!
Здравствуй, новое племя!
Не твои ли созвездья блещут впереди
Для того, кто посеял горящее семя,
Для того, кто вернулся с надеждой в груди?

Здравствуй, волжский простор!
Двадцать лет не видалась.
Как твои половодья, грохотали года—
Молодые желанья в былое умчались,
А мечта молодой остаётся всегда.

Жизнь отдав за других,
Не жалеешь о жизни.
Не напрасно в страданиях она прожита:
Светлый образ весенней, любимой отчизны
Не закрыла ненастных ночей темнота.

Ярче, новые звёзды, пылайте над миром!
Пусть никто не встречает сегодня тебя,
Пусть ты снова идёшь со своим конвоиром.—
Для тебя пароходы над Волгой трубят:
Путь не кончен ещё!..

Ты в другие столетья,
Ты в другую Россию свободный придёшь
Сквозь конвои,
Остроги,
Тоску лихолетья,
Через своды законов
Ты к правде шагнёшь,

Гордый сын и учитель родного народа,
Будет слышен всегда твой призыв огневой.
И, чтоб славилась жизнь
И борьба,
И свобода,—
Ты поднимешься
В бронзе и в камне
Живой.

1933—1940. Вилюйск—Нерча—Иркутск

АВТОРСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ СИБИРИЗМОВ

(В алфавитном порядке)

Александровский централ—знаменитая каторжная тюрьма Восточной Сибири. Расположена вблизи ст. Ангара. По соседству с централом помещался казённый Усольский винокуренный завод и соляные промыслы. Эта «собственность кабинета его величества» обслуживалась каторжанами.

Бадаи—растение, дубитель.

Баргузии—в прошлом уездный городок, ныне районный центр Баргузинского аймака БМАССР. Расположен на реке того же названия, впадающей в Байкал. Кроме того, название «баргузин» носит СВ ветер на Байкале.

Белкѳвье—выход охотников в тайгу за белкой, существует поныне как особый вид охотпромысла.

Бесхлебных—типичная фамилия эпохи царизма. Распространена наравне с Бездольных, Безродных, Непомнящих и т. д. В старой Сибири даже обыкновенные русские фамилии, напр., Сизов, Бывалов переименовывались на: Сизой, Бывалой, Сизых, Бывалых и т. п.

Бичик—бытующий архаизм. Раньше говорили: «живу бичиком», что значило «занимаюсь ямским промыслом», «извозом».

Бутара—простейшая золотопромышленная установка при разработке россыпных месторождений.

Варнак—беглый каторжник или ссыльно-поселенец. Это имя давалось в Сибири всем бродягам и батракам, не имевшим постоянного местожительства. Число подобных людей достигало десятков тысяч. В начале XX века сибиряки стали называть варнаками всех вновь поселяющихся в Сибири.

Витим—река, правый приток Лены. Почти на всём протяжении Витима (около 2000 км) лежит золотоносная Витимо-Баргузинская тайга.

Голец—невысокая гора, иногда покрытая лесом, но с голй вершиной.

Залѳга—лежбище зверя.

Застолбили—при открытии золотоносных участков на территории их сейчас же ставили столбы, в знак того, что на данное место уже имеется заявка на право разработки.

З а и м к а—хозяйственная, а иногда и жилая постройка в тайге.

З и м а—город и станция Восточно-Сибирской железной дороги.

З и м о в ь ё, зимовейко—жилая, но не всегда обитаемая постройка в безлюдной местности.

З о л о т о—в россыпных месторождениях пескообразно, отсюда обычные названия: крупка, песочек, пыль, крупица и т. д.

И з ю б р ь—копытное животное, вид оленя, имеет ценные рога—«панты».

К а м е л ё к—глинобитная печь.

К е д р о в к а—птица, вредитель кедровых лесов.

К о л о н о к—хищный зверёк, имеет ценную шкуру.

К о п а ч и—прозвище старателей; обычно копачей отождествляли с хищниками, добывавшими золото без разрешения и зачастую на чужих участках.

К у л т у к—посёлок и станция на Кругобайкальской железной дороге. Так же называется на Байкале ЮЗ ветер.

К у м у л а н— меховой коврик с вышивкой или другими украшениями.

К у р ь я—заливчик. Сибирский синоним слова «заводь».

К у р е й к а—река, приток Енисея. На станке Курейка вблизи полярного круга протекли годы последней сибирской ссылки И. В. Сталина (1913—1917). Ныне Курейка—полярный соцгородок.

Л а й д а—лайды—илистые озёра крайнего севера.

Л а й к а—сибирская порода охотничьих (промысловых) или оленегонных (пастушьих) собак.

Л е м м и н г—полярная крыса, русское название «пеструшка».

Л е н з о т о—так называлось Ленское золотопромышленное товарищество, акционерное общество капиталистов, полностью эксплуатировавших все золотые прииски нижнего Витима и Олёкмы в годы 1896—1917.

Л и с т в е н н и ц а, л и с т в я г—малоизвестное в Европейской России и обычное в Сибири хвойное дерево, сбрасывающее на зиму хвою.

Л о т о к—деревянное корытце, простейшее приспособление для ручной промывки золотоносных грунтов.

М о р е х о д к а—байкальская большегрузная лодка, идущая на вёслах и под парусом.

М о р о к—морозный туман.

М ы с о в а я—станция на Кругобайкальской железной дороге.

О с т р о г—тюрьма; наравне с церквями острог был неизбежным «украшением» каждого города старой Сибири. Остроги

имелись также в крупных сёлах. К началу XIX века первоначальное понятие острога, как населённого пункта в Сибири, было уже утрачено.

Отвалы—отбросы промытых золотоносных грунтов—«песков».

Падуны—пороги на р. Ангаре. Падунский порог один из самых труднопроходимых.

Падь—узкая долина, отсюда «распадок»—ущелье.

Палы, палья—выгоревшие участки тайги.

Пали—очищенные от коры брёвна, вкопанные в землю вертикально вплотную одно к другому, наподобие бревенчатой стены. Верхушки брёвен заострены. Такие пали ограживали мелкие остроги, в больших централах ими разгораживали внутренние дворы.

Пески—так называются все золотосодержащие грунты, вне зависимости от их подлинной геологической структуры.

Поселенец—так назывались ссыльно-поселенцы, следовавшие по суду, в административном порядке или после отбытия каторги. Не следует путать с переселенцами.

Прииск—как правило, сибиряки поныне говорят вместо «прииски»—«приискá». Такое же диалектологическое отклонение отмечается во всех сибирских песнях и в бытующем говоре.

Самосад—огородная махорка, домашней выделки.

Саранка—орхидейное растение, имеет съедобные луковичы-корни.

Селенга—крупнейшая река Восточного Прибайкалья, впадает в Байкал. Так же называется крупная разновидность омуля.

Сельдятка—вид енисейской рыбы, мелкая сельдь.

Слань, сланец, сланик—мелкий кустарниковый кедр.

Станбк—почтовая станция, сибирская аналогия старого русского слова «ям». Слово «станок» имеет также второе значение, как мера расстояния, проходимого на лошадях от остановки до остановки.

Таймень—рыба, обычная в Ангаре и её притоках.

Урбч—урочище; дикое, безлюдное место.

Черемшá—дикий чеснок, популярное в Восточной Сибири растение, успешно заменяющее лук и чеснок.

Чернотал—разновидность ивняка.

Шалонник—юго-восточный ветер на Байкале.

Шивера—каменистая отмель, мелкий порог.

Шлихи—тонкий налёт на золотых крупинках, обычно легко удаляемый.

Шурфы—подобия колодцев. иногда простые ямы, в которых производится добыча золота из мелких россыпей. Так же называются пробные шахточки.

Шуга́—ледяные иглы, смерзающиеся в льдины. Обычное явление в сибирских реках перед ледоставом.

Челдон—прозвище коренных сибиряков. Смысловое первичное значение слова не имеет точных толкований.

Ягель—олений мох; ягельник—моховище.

Эшелоны смерти—так назывались в Сибири, в годы гражданской войны, эшелоны пленных и политзаключённых, эвакуированных Колчаком на восток. Часто эшелоны приходили в Читу и в Хабаровск с одними трупами и умирающими.

БИО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

I

Анатолий Сергеевич Ольхон (Пестюхин) родился в г. Вологде, в 1903 году, в семье рабочего кустарной кожевенно-обувной фабрики. Начальное образование поэт получил в так называемом «приходском» училище; после Октябрьской революции окончил среднюю школу, ряд курсов и педагогический институт. Учился с перерывами, во время которых работал, пройдя сложный путь от рабочего на лесозаготовках до профессионала-писателя. Первое стихотворение Анатолия Ольхона (Пестюхина) было опубликовано в 1924 году, в комсомольской газете «Юный строитель» (Вологда). В августе 1926 года редакция этой же газеты выпустила отдельным изданием поэму «Тундра». После выхода этой книжки Анатолий Ольхон становится профессионалом-литератором, активно участвует в работе советских писательских организаций на периферии и в Москве. Поэтическую деятельность Анатолий Ольхон сочетает с большой корреспондентской работой на Крайнем Севере, в Коми АССР, на Украине, в Закавказье, Средней Азии и наконец в Сибири.

С 1930 года «сибирская тема» в творчестве Анатолия Ольхона становится основной. Поэтический летописец Сибири—Анатолий Ольхон опубликовал пятнадцать книг оригинальных стихов и поэм, и несколько книг переводов. Многие годы он собирает и изучает фольклор народов Советской Северной Азии. Переводческие работы в творчестве поэта занимают значительное место, особенно переводы якутской лирики и эпоса, а так же переводы песен палеазиатских и маньчжуро-монгольских народностей.

В годы Великой Отечественной войны Анатолий Ольхон опубликовал три книги стихов и несколько сборников агитационных и сатирических произведений.

В эти же годы поэтом написаны тексты для трехсот плакатов «Иркутских агитокон».

II

Перечень литературных работ Анатолия Ольхона, вышедших отдельными изданиями за 1926—1946 годы:

1. Тундра. Поэма. Изд-во Вологодского губкома ВЛКСМ. Вологда. 1926.
2. Бронепоезд. Поэма. Изд-во «Северный перевал». Вологда. 1927.

3. Тундра. Книга стихов. Изд-во «Федерация». Москва. 1928.
4. Экватор. Новеллы. Изд-во ЦК МОПР. Москва. 1929.
5. Большая Ангара. Поэмы. Огиз. Иркутск. 1938.
6. Далеко, в стране Сибирской. Стихи. Огиз. Иркутск. 1939.
7. Енисейская легенда. Поэма. ОГИЗ. Иркутск. 1940.
8. Большевик Костюшко Валужанич. Очерки. ОГИЗ. Иркутск. 1940.
9. Ведомость о секретном преступнике Чернышевском. Поэма. Огиз. Иркутск, 1941.
10. Мои байкальские знакомцы. Стихи и поэмы. Огиз. Иркутск. 1941.
11. О Феде и белом медведе. Поэма-сказка для детей. Огиз. Иркутск. 1941.
12. Сухой порох. Сатира. Огиз. Иркутск. 1941.
13. Красная ракета. Сатира. Огиз. Иркутск. 1942.
14. Глубокий тыл. Агит-стихи. Огиз. Иркутск. 1942.
15. Якуты на войне. Переводы якутских импровизаций. Огиз. Иркутск. 1942.
16. То же второе издание. Якутгосиздат. Якутск. 1943.
17. Якуты в тылу. Переводы якутских импровизаций Якутгосиздат. Якутск. 1944.
18. То же второе, дополненное издание. Огиз. Иркутск. 1945.
19. Падунский порог. Стихи и переводы. Огиз. Иркутск. 1945.
20. Байкал. Стихи и поэмы. «Советский писатель». Москва 1945.
21. Сибирский тракт. Стихи и поэмы. Якутгосиздат. Якутск. 1945.
22. Песни Дальнего Севера. Переводы. Огиз. Иркутск. 1946.
23. Сказанья о Вождях. Переводы якутских импровизаций. Якутгосиздат. Якутск. 1946.

III

В годы 1926—1946 печатался в Москве в журналах: «Новый мир», «Красная новь», «Огонёк», «30 дней», «Прожектор», «Красная нива», «Смена», «Журнал для всех», «Земля Советская», «Красноармеец», «Краснофлотец», «Экран», «Рабочая неделя», «Женский журнал», «Крестьянский журнал», «Индустрия социализма», «Работница», «Крестьянка», «На досуге», «Журнал крестьянской молодежи», «Народный учитель», «Жёрнов».

Печатался на периферии в журналах: «Юный пролетарий», «Работница и крестьянка» (Ленинград), «Северная звезда» (Вологда), «Семь дней» (Ташкент), «Колхозница» (Ростов н/Д), «Сибирские огни», «Охотник и пушник Сибири» (Новосибирск), «Будущая Сибирь», «Новая Сибирь» (Иркутск).

В годы 1926—1946 печатался в альманахах: «Зарницы», «Северный альманах» (Вологда), «Перевал», «Охотничье сердце», «Дружба народов» (Москва), «Новая Сибирь» (Иркутск), а так же во многих коллективных сборниках, антологиях, чтецах-декламаторах и других изданиях в Вологде, Ленинграде, Москве, Томске, Новосибирске, Якутске, Улан-Удэ, Красноярске, Иркутске.

В годы 1927—1928 печатался за границей в коммунистических газетах: «Ди Роте фане» (Германия, Берлин), «Ля Ви Увриер» (Франция, Париж), «Ди Роте Фане» (Австрия, Вена), «Дейли Уоркер» (Англия, Лондон).

В годы 1926—1946 печатался в газетах Москвы: «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Литературная газета», «Труд», «Гудок», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец», «Молодой ленинец», «Беднота», «Учительская газета», «Рабочая Москва».

В эти же годы печатался в областных и краевых газетах СССР: «Смена» (Ленинград), «Юный строитель», «Ленинская молодёжь», «Красный север» (Вологда), «Советская мысль», «Ленинская смена» (Великий Устюг); «Правда Востока», «Красная звезда» (Ташкент); «Волна» (Архангельск); «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец» (Красноярск); «Забайкальский рабочий», «Сталинское племя», «Отпор», «На боевом посту» (Чита); «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск); «Вост.-Сиб. комсомолец», «Советская молодёжь», «Вост.-Сиб. Правда», «Советский боец» (Иркутск); «Бурят-Монгольская правда», «Бурят-Монгольский комсомолец» (Улан-Удэ); «Социалистическая Якутия» (Якутск).

В годы 1941—1945 систематически сотрудничал в газетах армий Востока и отдельных воинских соединений Действующей Армии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сибирь—советская земля

Мои байкальские знакомцы	
Послание с Байкала	5
Настенька-рыбачка	6
Омулёвый лов	8
Охотник	9
Поликарп Двоедан сетовщик-бригадир	10
Загон лося	12
Моя прабабушка Устинья Ильинишна	14
Искатели металлов	18
Исток Ангары	20
Встречи с музой	
Речка Поледуй	22
Весна в Бурульзае	23
Май—месяц любви	23
Красная смородина—тундровый виноград	24
Сентябрь—месяц разлуки	25
Наездница на белом олене	26
Зимовка на о. Уединения	26
Калисфена	27
Амулет	28
Северное сияние	29
Встреча с музой	30
Лирические переputья	
Первый луч	32
Байкальское сердце	33
Карбаз на перекате	34
Окно в небе	35
Проводы друга	35
Замёрзшие звёзды	36
Прибой на острове Ольхоне	37
Пейзажи	
Утро на Витиме	39
Ангара	40
Старое зимовьё	41
Конец августа	41
Осень на р. Индигирке	42
Песня	42
Давные песни Колымы	
Разлучная	44
Попутная	44

Плясовая	45
Гадальная	46
Девушка с бубном	47
Беглая жена	48
Баргузинские поэмы	
Вечерины	49
Баргузинские соболя	54
Марь	60
Сибирские бывальщины	
Енисейская легенда	65
Усольская колокольня	72
Военмор в Сибири	75
Падунский порог	
Падунский порог на Ангаре	79
Солдатские проводы	80
Иркутяне в Сталинграде	91
Яблоня «Жёлтый челдон»	92
Баяндай	94
Восточный сектор Арктики	
Белая ночь на Чукотке	97
Ленские скалы	98
Восточно-Сибирское море	99
Эсминцы в Восточной Арктике	100
Бухта Амбарчик	101
Пролив Беринга	102
Якутский почтальон	103
Остров Большого Диомиды	104
Возвращение в тундру	105

Сибирь—партизанская родина

Большая Ангара	
Собирались отряды	109
Кешка Бедолаз в партизаны идёт	111
Гибель деревни	112
Сухарная падь	116
Становья Большой Ангары	117
Сибирь—партизанская родина	
Партизаны	120
Зимний тракт на Баргузин	123
Эшелон смерти	125
Дарья-партизанка	129
Бой на Байкале	132
Памятник Хамар-Дабанскому отряду	135

Сибирь—царёва вотчина

Далеко, в стране Иркутской	
Байкал	141
Ночь в Александровском центре	143

Песня о сухарях	144
Идут варнаки по Сибири	146
Рождение деревни	148
Сибирские гости	149
Анна Бесхлебных	150
Первейший челдон в Безымянке	151
Рыбачья песня	152
Славный корабль—омулёвая бочка	153
Далеко, в стране Иркутской	155
Старый Якутский тракт	
Деревня Куда	157
Село Оёк	158
Качуг	159
Усть-Кут	160
Киренск	161
Былое	
Башня в Илимском остроге	162
Достоевский	164
Кюхля в Баргузине	165
Александровский централ	167

Огни Витимской тайги

Огни Витимской тайги	
Сын тайги	171
Гостеванье	173
Песня копачей	175
Золотой ключ	176
Ночной прииск	181
Приисковый фарт	183
Песня забойщиков	185
Мамка Алёна	186
Таёжное детство	191
Обвал	193
Ленская стачка	196
Прииск Надеждинский	200
На берегах далёкого Витима	201
Клятва над Ленской могилой	204

«Ведомость о секретном преступнике Чернышевском за 1862—1883 годы...»

Своды законов	
Арест	211
Жандарм Ракеев	213
Чёрная карета	215
Царь Александр Второй	217
Равелин	219
Протопоп Полисадов	222

Свидание в крепости	224
Дворянин Всеволод Костомаров	225
По указу его императорского	227
Мещанин Петр Яковлев	229

Во глубине сибирских руд

Во глубине сибирских руд	
У прощального столба	233
Кадалы	236
Сибирский тракт	238
Люди из Бездны	245
Свидание на каторге	252
Земляки	254
Во глубине сибирских руд	261
Государевы ящики	262

Места отдалённые

Места отдалённые	
Дебри	269
Вилуйский острог	271
Места отдалённые	274
Якутка Магда	276
Цынга	278
Сомдатский сын Ипполит Мышкин	280
Осень на Вилюе	283
Возвращение	287
Авторские пояснения сибиризмам	290
Био-библиографическая справка	294

Редактор *Г. Ф. Кунгуров.*

Техн. редактор *Т. М. Трушкина.*

Подп. к печати 10 VII-1946 г. Отиз № 1595. Печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 15,2.
Заказ № 847. Тираж 10000. НЕ 00322. Цена книги 15 р. 20 к. Переплет 1 р.

Отпечатано в 1-й Гос. типо-литографии, Иркутск, ул. К. Маркса, 11

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	6 снизу	Прапрадед здесь построил первую избушку,	Мой прадед здесь поста- вил первую избушку,
15	12 снизу	То был прапрадед,	То был мой прадед,
15	3 снизу	Прапрадеду:	Для прадеда:
190	10 сверху	Угости-ка-ка щами с соло- нной...	Угости-ка щами с солони- вой...
264	14 и 15 снизу	Будто он, в одиночку, пошёл на царя: - Слух-то, видишь, какой от Иркутска доносит,	— Слух-то, видишь, какой от Иркутска доносит, Будто он, в одиночку, пошёл на царя
297	3 снизу	Давние песни Колымы	Давние песни Колымы